ГРАНИ

GRANI

71

1969

Postverlagsort: Frankfurt/Main, Mai 1969

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПОСЕВ“

Леонид Владимиров

Россия без прикрас и умолчаний

Книга написана в Англии в 1967-68 годах. Английский перевод вышел в США и Великобритании несколько раньше русского издания и получил отклик в прессе, например, «Дейли телеграф», «Джуиш кроикл», «Манчестер ивнинг ньюс», «Энкаунтер» и многих других. В книге 8 глав: Моя большая страна. Его величество рабочий класс. Наши славные хлеборобы. Опасная наука. Творцы подспудных перемен. Журналисты — подручные партии. Дружба народов. Россия в дрейфе.

Стр. 325

Цена 17.50 нем. марок

В США и Канаде 4.50 ам. дол.

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ КНИГА

Михайло Михайлов

Абрам Терц или бегство из реторты

(О творчестве Синявского)

М. Михайлов, — литературовед, б. ассистент кафедры русского языка и литературы на философском факультете города Задар (Югославия), публицист и общественный деятель, автор пользующихся мировой известностью очерков «Лето московское 1964». С 1965 по 1967 год трижды был судим югославским судом за то, что смело отстаивал свои убеждения и готовил с единомышленниками издание оппозиционного журнала.

С творчеством Абрама Терца (Андрея Синявского) М. Михайлов познакомился в следственной тюрьме. Очерки, посвященные этому творчеству, написал между двумя судимостями. В настоящее время оба лишены свободы. А. Синявский — в потьминских лагерях, М. Михайлов в тюрьме города Сремская Митровица (куда его недавно перевели из тюрьмы Пожаревца).

Предисловие и перевод Я. Трушновича

Стр. 88

Цена 8.40 нем. марок

В США и Канаде 2.50 ам. дол.

М. Алданов

Повесть о смерти

Книга в 6 частях. Входит в серию исторических и современных романов автора. Обложка работы художника А. Русака.

Стр. 410

Цена 18.80 нем. марки, в США и Канаде 5.00 долларов

В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ ВЫХОДИТ ИЗ ПЕЧАТИ КНИГА

Анатолия Марченко

Мои показания

Подписчикам журналов «Грани» и «Посев» по предварительным заказам цена книги только 10.00 нем. марок или 2,50 доллара.

Книга о нынешних советских тюрьмах и лагерях. Автор книги сам прошел лагерь и тюрьмы, затем по окончании срока был выпущен, но за эту книгу снова арестован. Марченко сознательно на это шел и знал о своей судьбе, но он считал, что он обязан довести до сведения мира о творящемся в СССР произволе и издевательствах над людьми.

Заказывайте в издательстве:

**Possev-Verlag, 623 Frankfurt/M. 80, Flurscheideweg 15
Germany**

Г Р А Н И

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Год издания XXIV

№ 71

1969 год

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

- А. СОЛЖЕНИЦЫН — Пасхальный крестный ход 3
Из российской поэзии: Вл. Батшев; Игорь Михайлов и
неизвестные авторы 7
А. СОЛЖЕНИЦЫН — Свеча на ветру. Пьеса 15

ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ

- Ж. Д. МЕДВЕДЕВ — Биологическая наука и культ личности.
Окончание 78

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

- А. КРАСНОВ — Христос и мастер. О посмертном романе
М. Булгакова «Мастер и Маргарита» 162

БИБЛИОГРАФИЯ

- А. Шик. Дело Тухачевского. — А. Больто. Разум и безумие. — Е. Тау-
бер. Ветер жизни. — О. Можайская. Свирель луны. —
В. Нарциссов. — Солнечный голос в синем мире. —
Ив. Сергеев. Из глубины веков 196
Список книг, поступивших в редакцию 212

ЗАМЕТКИ. ПИСЬМА. ОТКЛИКИ

- С. Крымов. В редакцию журнала «Г р а н и» 213
Из переписки с Россией 215

© 1969 Copyright by Possev-Verlag, V. Gorachek K. G., Frankfurt am Main

Пасхальный крестный ход

Учат нас знатоки, что маслом не надо писать всё, как оно точно есть. Что на то цветная фотография. Что надо линиями искривленными и сочетаниями треугольников и квадратов передавать мысль вещи, вместо самой вещи. А я недоразумеваю, какая цветная фотография отберет нам со смыслом нужные лица и вместит в один кадр пасхальный крестный ход патриаршей переделкинской церкви через полвека после революции. Один только этот пасхальный сегодняшний ход разъяснил бы многое нам, изобрази его самыми старыми ухватками, даже без треугольников.

За полчаса до благовеста выглядит пригороде патриаршей церкви Преображения Господня как топталовка при танцплощадке далекого лихого рабочего поселка. Девки в цветных платочках и спортивных брюках (ну, и в юбках есть), голосистые, ходят по трое, по пятеро, то толкуются в церкви, но густо там в притворе, с вечера раннего старухи места занимали, девки с ними перетявкуются и наружу; то кружат по церковному двору, выкрикивая развязно, кличутся издали и разглядывают зеленые, розовые и белые огоньки, зажженные у внешних настенных окон и у могил архиереев и протопресвитеров. А парни — здоровые и плюгавые — все с победительным выражением (кого они победили за свои пятнадцать-двадцать лет? — разве что шайбами в ворота), все почти в кепках (кто с головой непокрытой, так не тут снял), каждый четвертый выпивши, каждый десятый пьян, каждый второй курит, да и противно как курит, прилепивши папиросу к нижней губе. И еще до ладана, вместо ладана, сизые клубы табачного дыма возносятся в электрическом свете от церковного двора к пасхальному небу в бурых неподвижных тучах.

© 1969 by Alexander Solzhenitsyn.

First publication rights by Possev-Verlag, Frankfurt/M.

Печатается с экземпляра рукописи, распространяемой Самиздатом.

Плюют на асфальт, в забаву толкают друг друга, громко свистят, есть и матюкаются, несколько с транзисторными приемниками наяривают танцевалку, кто своих марух обнимает на самом проходе, и друг от друга этих девок тянут и петушисто просматривают, и жди как бы не выхватили ножи: сперва друг на друга ножи, а там и на православных. Потому что на православных смотрит вся эта молодость не как младшие на старших, не как гости на хозяев, а как хозяева на мух. Всё же до ножей не доходит — три-четыре милиционера для прилика прохаживаются там и здесь. И мат — не воплями через весь двор, а просто в голос, в сердечном русском разговоре. Потому и милиция нарушений не видит, дружелюбно улыбается подрастающей смене. Не будет же милиция папиросы вырывать из зубов, не будет же она шапки с голов охлабучивать: ведь это на улице, и право не верить в Бога ограждено конституцией.

Растесненные к ограде кладбища и к церковным стенам верующие не то, чтоб там возражать, а озираются, как бы еще не пырнули, как бы с рук не потребовали часы, по которым сверяются последние минуты до воскресения Христа. Здесь, вне храма, их, православных, и меньше гораздо, чем зубоскалящей, ворошащейся вольницы. Они напуганы и утеснены хуже, чем при татарах. Татары, наверное, не наседали так на Светлую заутреню.

Уголовный рубеж не перейден, а разбой бескровный, а обида душевная в этих губах, изогнутых по-блатному, в разговорах наглых, в хохоте, ухаживаниях, выщупывании, курении, плевате в двух шагах от Страстей Христовых. В этом победительно-презрительном виде, с которым сопляки пришли смотреть, как деды повторяют обряды пращуров.

Между верующими мелькают одно-два мягких еврейских лица. Может крещенные, может сторонние. Осторожно посматривая, ждут крестного хода тоже. Евреев мы все ругаем, евреи нам бесперечь мешают, а оглянуться б добро: каких мы русских тем временем вырастили? Оглянешься — остолбенеешь.

А ведь кажется не штурмовики 30-х годов, не те, что пасхи освященные вырывали из рук и улюлюкали под чертей, — нет! Это как бы любознательные: хоккейный сезон по телевидению кончился, футбольный не начинался, тоска, — вот и лезут к свечному окошечку, растолкав христиан, как мешки с соломой, и, ругая «церковный бизнес», покупают зачем-то свечки.

Одно только странно: все приезжие — а все знают друг друга, и по имени. Как это у них так дружно получилось? Да не с одного

ль они завода? Да может в эти часы как в дружину записываются?

Ударяет колокол над головой крупными ударами — но подменный: жестяные какие-то удары вместо полнозвучных, глубоких. Колокол звонит, объявляя крестный ход.

И тут-то! — не верующие, нет, опять эта ревущая молодость. Теперь вдвое и втрое навалила во двор, они спешат, сами не зная, чего ищут, какую сторону захватывают, откуда будет ход. Зажигают красные пасхальные свечки, а от свечек-то — от свечек они прикуруивают, вот что! Толпятся, как бы ожидая начала фокстрота; еще не хватает здесь пивного ларька, чтоб эти чубатые вытянувшиеся ребята — порода наша не мельчает! — сдували бы белую пену на могилы.

А с паперти уже сошла голова хода и вот заворачивает сюда под мелкий благовест. Впереди идут два деловых человека и просят товарищей молодых сколько-нибудь расступиться. Через три шага идет шестивенный пожилой мужчина вроде церковного ктитора и несет на шесте тяжеловатый граненый остекленный фонарь со свечой. Он опасливо смотрит вверх на фонарь, чтоб нести его ровно, и в стороны так же опасливо. И вот отсюда начинается картина, которую так хотелось бы написать, если бы я мог: ктитор не того ль боится, что строители нового общества сейчас сомнут их, бросятся бить?.. Жуть передается зрителю.

Девки в брюках со свечками и парни с папиросами в зубах, в кепках и расстегнутых плащах (лица неразвитые, вздорные, самоуверенные на рубль, когда не понимают и на пятак; и простогубые есть, доверчивые: много этих лиц должно быть на картине) плотно обстали и смотрят зрелище, какого за деньги не увидишь. За фонарем движутся двое хоругвей, но не отдельно, а тоже, как от испуга, стеснясь.

А за ними пять рядов по двое идут десять пожилых женщин с толстыми горящими свечами. И все они должны быть на картине! Женщины пожилые, с твердыми отрешенными лицами, готовые на смерть, если спустят на них тигров. А две из десяти — девушки, того самого возраста девушки, что столпились с парнями, однолетки — но как очищены их лица, сколько светлости в них! Десять женщин поют и идут сплоченным строем. Они так торжественны, будто вокруг крестятся, молятся, каются, падают в поклоны. Эти женщины не дышат папиросным дымом, их уши завешены от ругательств, их подошвы не чувствуют, что церковный двор обратился в танцплощадку.

Так начинается подлинный крестный ход! Что-то пробрало и зверят по обе стороны, притихли немного.

За женщинами следуют в светлых ризах священники и дьяконы, их человек восемь. Но как непросторно они идут, как сбились, мешая друг другу, почти кадиллом не размахнуться, ораря не поднять. А ведь здесь, не отговорили б его, мог бы идти и служить патриарх всея Руси!..

Сжато и поспешно они проходят, а дальше — а дальше хода нет. Никого больше нет! Никаких богомольцев в крестном ходе нет, потому что назад в храм им бы уже не забиться.

Молящихся нет, но тут-то и поперла, тут-то и поперла наша бражка! Как в проломленные ворота склада, спеша захватить добычу, спеша разворовать пайки, обтирать о каменные веревы, закружиться в вихре потока, — теснятся, толкаются, пробиваются парни и девки — а зачем? Сами не знают. Поглядеть, как будут попы чудаковать? Или просто толкаться — это и есть их задание?

Крестный ход без молящихся! Крестный ход без крестящихся! Крестный ход в шапках, с папиросами, с транзисторами на груди — первые ряды публики, как они втискиваются в ограду, должны еще обязательно попасть в картину! И тогда она будет завершена! Старуха крестится в стороне и говорит другой: «В этом году хорошо, никакого фулиганства. Милиции сколько»... Ах, вот оно! Так это еще лучший год?..

Что ж будет из этих рожденных и выращенных главных наших миллионов? К чему просвещенные усилия и обнадеженные предвидения раздумчивых голов? Чего доброго ждем мы от нашего будущего?

Воистину: обернутся когда-нибудь и растопчут нас всех!

И тех, кто натравил их сюда, — тоже растопчут!

Из российской поэзии

Вл. Батшев

ВОЛКОВ ПЕРЕУЛОК

В. Я. Тарсису

В переулке Волковом
возле зоопарка
ночью пахнет водкою,
ночью веет падалью,
ночью мертвый хохот,
вой из труб...
Несмотря на холод
здесь ревут, ревут,
бьются в стенки клеток,
в кровь с золой
бьется кто-то летом,
бьется и зимой.
Только 8 метров
ров, забор, вода.
Только ночью месяц
ищет здесь вора.
Вор украл свободу!
Будьте же бодрее!
Это очень больно —
Что еще больнее?

В Волков переулк выходят вольеры московского зоопарка. В Волковом переулке находится Дом Предварительного Заключение КГБ.

Публикуемые стихи Вл. Батшева и Игоря Михайлова получены из России.

Р е д .

Увидать бы больше,
чем я вижу вечно,
увидать хоть Польшу,
хоть часть человечества...
Дело шито-крыто.
Тебе их не жаль?
Подрезают крылья,
чтоб не убежал,
чтобы не увидел
то, чего не надо.
Не увидел битников,
не увидел нары...
В сторону запреты,
никому не верить!
Мы ведь не поэты,
мы ведь только звери,
здесь плевать на званья —
воробей ты, лев ли,
тут сплетают в звенья
всех, кто прав, кто лев.
У нас нет праздников —
мы рычим — работаем.
Может еще разик,
еще раз попробуем?
Восстану по хорошему —
и площадь же Восстания,
но есть другие площади
с другими названиями.
...Но на место старое
отшвырнуло жизнью.
Эх, площадь Восстания,
площадь Держинского,
площадь Маяковского,
Красная площадь...
слышит, воют
и здесь о прошлом.
За решеткой — Пленумы,
решения ЦК,
а мы только пленники,
пленники пока,
там идут события,

там тайга, шоссе...
Здесь мы будем биться,
погибая все.
По сокращению штатов
не уйти часовым!
В клетках все состаримся
и они и мы.
Но даже умирая,
в свой отходный час,
решетки рвать когтями
будем.

И рычать!

*И. Бродскому, А. Гинзбургу
и другим неизвестным сорат-
никам первое посвящение.*

* * *

Я еду на товарном,
в вагонах с мучной тарой.
Где вы мои товарищи,
друзья недавние, старые?
Не изменил вам, ребята,
ни разу не покаялся...
Да — нет, ведь я не ребенок,
не надо меня успокаивать.
Фуражки с синей тульей*)
вижу каждый день...
А на двух стульях
трудно усидеть,
стулья разъезжаются,
выпадает знамя...
Вас не звал, товарищи,

*) Фуражки с синей тульей — форма войск МВД.

вы меня не звали
из жизни — долой,
вы — лишние.
Ну что же власти правы...
В газетах о вас не напишут,
за что вас, и где сейчас вы.
Вы где-то на дальних стройках,
а может на стройках ближних...
В газетах о вас ни строчки,
ни слова о вас не напишут.

Игорь Михайлов

* * *

Убийцы нашего столетья,
людей, чьи мысли им не милы,
перед расстрелом гнали плетью
сами себе же рыть могилы.

И, подчиняясь той же силе,
убитых древние собратья
на собственной спине носили
кресты для своего распятья.

Садизма методы похожи
во всех веках, у разных наций:
у палачей, как видно, тоже
свои традиции хранятся,

свой, разработанный келейно,
устав сживания со света,
из рода в род благоговейно
вручаемый, как эстафета.

* * *

Ты шел за людьми, как конвойный,
ты множил и вдов и калек...
Ты самый из всех беспокойный —
двадцатый изменчивый век!

То раем рядился, то адом,
внушал то надежды, то страх,
меж светом и сумраком атом
ты взвешивал, как на весах...

О, стань до конца человечным,
бесхитростным стань до конца,
чтоб сделался разум сердечным,
разумными стали сердца!

Стань веком простора и света,
чтоб к счастью ускорить разбег...
Тебе же по силам всё это —
двадцатый изменчивый век!

* * *

КЛАДБИЩЕ В РИГЕ

Кто на кладбище ходит, как в залы музея,
А меня любопытство не гложет. Успею!
Что ж я нынче брожу, как по каменной книге,
Между плитами братского кладбища в Риге?
Белых стен и цементных могил панорама;
Матерь Латвия встала, одетая в мрамор,
Перед нею рядами могильные плиты,
А под этими плитами — те, кто убиты.

Это стихотворение ходит в списках по России. Автор, фамилия которого нам неизвестна, принадлежит к группе видных поэтов среднего поколения.

Редакция

Под знаменами разными, в разные годы,
Но всегда за нее и всегда за Свободу.
И лежит под плитой русской службы полковник,
Что в шестнадцатом пал без терзаний духовных
Здесь под Ригой, где пляжи, где крыши косые, —
До сих пор он уверен, что это Россия...
А вокруг всё другое — покой и Европа...
Принимает парад генерал лимитрофа,
И пред ним на безмолвном и вечном параде
Спят солдаты, отчизны погибшие ради.
Независимость — вот основная забота!
День свободы! Свободы от нашего взлета,
От сиротского лиха, от горькой стихии,
От латышских стрелков, чьи могилы в России,
Что погибли вот так же, за ту же свободу,
От различных врагов и в различные годы.
Ах, глубинные токи, линейные меры,
Невозвратные сроки и жесткие веры.
Здесь лежат, представляя различные страны,
Рядом — павший за немцев и два партизана.
Чтим вторых; кто-то первого чтит как героя,
Чтит за то, что он встал на защиту покоя;
Чтит за то, что он мстил, слепо мстил и сурово
В сорок первом за акции сорокового.
Всё он спутал. Но время не спутало тоже.
Были разные правды, как плиты похожи.
Не такие, как он, не смогли разобраться.
Он погиб. Он уместен на кладбище братском.
Тут не смерть, только жизнь, хоть и кладбище это;
Сорок лет длится спор, и конца ему нету:
Возражают отчаянно павшие павшим
По вопросам, давно остроу потерявшим,
К возраженьям спеша добавить возраженья,
Не умеют, как мы, обойтись без решенья.
Тишина. Спят в рядах разных армий солдаты.
Спорят плиты, где выбиты звенья и даты.
Спорят мнения с мнением в каменной книге.
Стусок времени — братское кладбище в Риге.
Век двадцатый, всех прав острия ножевые...
Точки зренья, как точки в бою огневые.

Он был в такой глубокой тьме,
где гаснет самый свет.
Он отдал дань такой зиме,
страшной которой нет.
Он, словом, жил на Колыме
без мала десять лет.
И как-то раз, устав молчать,
он вслух сказал о том,
что запрещалось называть
свободным языком.
— За это надо расстрелять! —
объявлено судом.
Параша, нары, козырёк,
над выступом окна.
Как домик лысьвенский далёк!
Как эта ночь темна.
Как длится этот малый срок...
Как смерть, друзья, страшна!
Стократ сгущается тоска —
её не отогнать.
И жадно тянется рука
нащупать и обнять
картонку фото в полвершка,
с которой смотрит мать.
«Товарищ! много трудных дней
делили мы с тобой.
Хочу, чтоб к матери моей
не прикоснулась боль.
Она и так со мной была
на самом страшном дне.
Она тюрьму со мной прошла
и улыбалась мне.
Ты ей скажи, как лучший мой,
надежный самый друг,
что я живу, и что домой

Это стихотворение прислано из России. Имя автора и судьба его неизвестны. Ему же принадлежит стихотворение «Мы шли этапом, И не раз...» (см. «Г р а н и» № 57).

Р е д а к ц и я

вернусь однажды, вдруг.
Я знаю: проще обмануть
на несколько минут.
Но ты о слове не забудь,
пока года идут.
И если надо век молчать —
молчи, пока ты жив.
О том, чего не надо знать,
ни слова не скажи».
Но друг сказал ему, суров,
иль должен был сказать:
«Я для тебя на всё готов,
но я не буду лгать.
Святое море матерей
должно и будет жить.
Оно оставшихся детей
захочет защитить.
Я пищу дам ему. Я сам
скажу, что ты убит:
пусть будет путь к людским сердцам
тоской её открыт.
Замок скрипит, тяжел и ржав,
Клади портрет на грудь.
Пусть мать идёт, ладони сжав,
с тобой в последний путь».

Магадан

Свеча на ветру

(Свет, который в тебе)

КАРТИНА 1

Легкий холл. По двери слева и справа. Позади — неограженный вид на океан. Там проходят парусные яхты, иногда — катера с водными слаломистами, всё ослеплено летним дневным солнцем.

Газовая плита, холодильник. Развешена и расставлена разнообразная кухонная посуда, набор сковородок. Поблизости и обеденный стол. Здесь М а в р и к и й . Он высок, плотен, у него величавая, почти облысевшая голова, пенсне, повязан фартук.

Соты с пластинками, у открытой радиолы — сидит А л е к с К о р и э л . Холл залит радостным рондо из 2-го фортепьянного концерта Бетховена. Алекс поддерживает мимикой основную набегающую мелодию.

М а в р и к и й . Один из важных критериев человеческого вкуса сыр. Какой ты предпочитаешь сыр, Алекс?

А л е к с (радостно смеется, жестикулирует, слушает). Не разбираюсь, дядюшка, любой.

М а в р и к и й . Любой? Нет, ты-таки дикарь! (Подходит ближе.) Может быть, ты...

А л е к с . Дядя Маврикий! Почему вот я старую музыку люблю, а новую нет? Как бы ты сформулировал — чем отличается музыка двадцатого века от девятнадцатого?

М а в р и к и й . Может быть, ты и помола кофе не можешь определить, когда пьешь?

А л е к с . А он имеет значение?

М а в р и к и й (*хохочет, выключает музыку*). Нет, ты — совершенный дикарь!!

А л е к с (*делая слабую попытку включить*). Дядюшка! Дай дослушать.

М а в р и к и й . А-а, всё это слышано и переслышано. Подарю я тебе весь ящик, ладно. (*Окончательно преградив.*) В сорок лет тебе надо начинать жить с самого начала.

А л е к с . Да. Я так и собираюсь.

М а в р и к и й . Но с того ли конца ты собираешься? Я у тебя замечаю чудаковатые какие-то высказывания. Нам бы с тобой поговорить, поговорить неторопливо... Ну, иди садись. Сейчас я тебя накормлю за все пятнадцать лет!

А л е к с . С фронтом — восемнадцать. (*Переходит к столу.*)

М а в р и к и й . Восемнадцать?!. Начинай с угря, а отбивная должна дойти медленно, чтоб сохранились соки.

А л е к с . Дядя, мне, честное слово, неудобно! Ты из-за меня... всю эту женскую работу...

М а в р и к и й (*хлопоча у стола, серьезно*). Алекс! вот в этом треугольнике, холодильник-плита-обеденный стол, любимое теперь времяпрепровождение. Началось когда-то с того, что я никому не доверял варить кофе, но постепенно вник и в другие операции и теперь часто готовлю на всех троих. Ведь чужой человек не может готовить с любовью. И тут надо много сообразительности, значит, такта. В девяноста пяти случаях хозяйки не готовят пищу, а губят ее, да будет тебе известно! А осложняется дело тем, что страшно отстают поварские книги. Я подписан на «Вестник гастрономии». Он ведется в согласии с новейшей медициной. Ну, раз ты ничего не понимаешь, то и пей, что дают. За начало твоей жизни! (*Пьет.*) Вот этот салат бери. Все-таки я не могу примириться — почему ты за все годы ни разу не написал?

А л е к с . А о чем бы, дядюшка, я тебе писал? И — зачем?

М а в р и к и й (*сердась*). Черт возьми! Что значит — зачем? Хотя бы затем, чтоб я тебе помог! Ведь тебе было несладко?

А л е к с . Судебная ошибка. Все улики так плотно сводились против нас, что опровергнуть их мы были не в силах. Меня и друга моего взяли прямо из армии после войны, осудили на десять лет и послали в Пустынную Каледонию. И там мы отгрохали девять из десяти. Оставалось нам по году, когда нашли настоящего убийцу. Нас освободили, извинились, — но кто бы мог вернуть нам эти девять лет?

М а в р и к и й . Потерянные годы!

А л е к с . Нет, не то что потерянные. Это очень сложно. Может быть, даже — необходимые...

М а в р и к и й . Как это — «необходимые»? Что ж, по-твоему, человеку необходимо сидеть в тюрьме? Проклятье всем тюрьмам!

А л е к с . (вздыхает). Нет, не так просто. У меня бывают минуты, когда я говорю: благословение тебе, тюрьма!

М а в р и к и й . Ду-рак!.. Ага! (Встает к плите.) Вот самое время есть отбивную! Вот когда она сочится! (Подает.) Клади горошку. А главное — вот эту подливку. Секретом этой подливки обладают немногие на нашем континенте. Я — в их числе.

А л е к с . Дядя Маврикий! Не надо. Я отучаюсь есть по столу. Большую часть того, что мы едим, мы проглатываем совершенно бесполезно.

М а в р и к и й . Так, так... (Накладывает ему.) В тебе проступают явственные черты мозгового сдвига. Еда — радость жизни, а ты от нее отучаешься! А тебе она бесполезна! Я думал, ты действительно набрался здоровых мыслей в тюрьме. Но я разочарован. (Наливает.) Пей! (Алекс пьет.) Да похвали же вино, мерзавец!..

А л е к с . Очень тонкое.

М а в р и к и й . Я думаю! Вино — от Гарфа-старшего. Наконец, с тех пор, как тебя освободили, прошло пять лет. Где же ты был?

А л е к с . Там и оставался.

М а в р и к и й . В Каледонии?

А л е к с . У-гм. В маленьком домике на краю огромной пустыни.

М а в р и к и й . У тебя не было денег выехать?

А л е к с . Не денег. (Пауза.) Убеждений.

М а в р и к и й . И на таких убеждениях ты стоишь до сих пор?

А л е к с . Да. Почти.

М а в р и к и й . (машет). Не устоишь! Перед жизнью? — Не устоишь! (Наливает ему.) Но все-таки там был... поселок?

А л е к с . Поселок. Я преподавал в школе.

М а в р и к и й . Но позволь! Но там, наверно, ни газа! ни водопровода! ни канализации!!

А л е к с . (смеется). Какого там газа! На краю поселка даже не было электричества.

М а в р и к и й . Э-лек-тричества?! Так это каменный век! Чем же ты освещался?

А л е к с . Свечой.

М а в р и к и й . Ослепнуть можно!

А л е к с . А у Платона был аккумулятор? У Моцарта — двести двадцать вольт? При свече, дядюшка, открывается сердце. А выйдешь наружу — ветер из степи, тянет запахом диких трав! У-у-у! И вот именно без электричества, если уж всходит над пустыней луна — так вся вселенная залита луной! — ты помнишь ли это хоть с детства, дядя? Что вы тут моргаете сквозь фонари?..

М а в р и к и й . Луна? — Сколько тебе лет? Я тебе завидую.

Вбегает Д ж у м , глядя не сюда, на море.

Д ж у м . Маврушка! Смотри, наш сосед не успел дачу купить, а уж на воде на лыжах! А мы здесь третье лето живем — ты не можешь мне водного слалома обеспечить, Маврушка?

М а в р и к и й (гневно). Как ты с отцом разговариваешь, негодяй?

Д ж у м (заметил незнакомого). Виноват, я хотел сказать — отца.

М а в р и к и й . А если отец, так можно на голову садиться? Тебе яхты мало? Тебе аквалангов мало?

Д ж у м (с достоинством). Я не искал конфликта, отца! Но я тебя честно информирую: мне нужен водный слалом. Не в твоих интересах вынуждать меня изыскивать средства самому.

М а в р и к и й . Какие к черту средства? Откуда они у тебя возьмутся?

Д ж у м . Я найду. Но учеба моя может при этом пострадать.

Ушел.

М а в р и к и й (вдогонку). Да уж она и так страдалица, куда дальше?.. Черт знает, до шести лет казалось забавным, что он называет меня Маврушкой. А теперь плетью не вышибешь. (Расстроен.) Что ж ты не скажешь? — кофе налить. (Наливает.) У тебя деньги-то есть, Алекс? Нужны? Скажи честно. (Отвернув фар-тук, вытягивает бумажник.) Сотню-полторы я тебе дам?

А л е к с . Нет-нет, дядя, у меня есть. И вообще — мне очень мало нужно.

М а в р и к и й . Где ж не нужно? Ты одет смотри как.

А л е к с . А как? Дырок нет.

М а в р и к и й . Ч-черт его знает, у тебя понятия!

А л е к с . Вот кофе — наслаждение. Сто лет такого не пил.

М а в р и к и й . Ага! Значит, ты не безнадежен. Выпьешь вто-

рой?.. Кофе надо покупать только у Стилохона, и чтобы мололи при тебе.

А л е к с . Скажи, дядя Маврикий... А где... твоя дочь?

М а в р и к и й . Альда? Да вообще, где-то в нашем городе.

А л е к с . Что она делает?

М а в р и к и й . Откровенно говоря — не знаю.

А л е к с . Вы так давно не виделись?

М а в р и к и й . Н-нет, почему? Вот недавно в консерватории отмечали мое семидесятилетие — она пришла. Смотрю — сидит в конце стола. Такая одухотворенная. Я ее представил обществу, все удивлялись, что у меня дочь. Ну, а поговорить не удалось.

А л е к с . Значит, вы совсем не видитесь?

М а в р и к и й . Нет, она бывала. После войны. После смерти ее матери. Она приходила, мы ее приласкали. Тилия к ней хорошо относится. Но Альда сама как-то... чуждается.

А л е к с . Я помню ее еще школьницей — такой прелестной живой девчонкой лет пятнадцати. У тебя нет ее фотографии тех времен?

М а в р и к и й . И тех должна быть, и на юбилее ее сфотографировали. Да постой, альбомы здесь, на даче, я тебе покажу.

А л е к с . Мне очень хочется ее найти. Но справки мне не дали. Она, вероятно, не под твоей фамилией?

М а в р и к и й . Даже не скажу. Она носила фамилию мужа.

А л е к с . Разошлись?..

М а в р и к и й . Первого. А потом был второй.

А л е к с . Ах, вот что... Так она сейчас..?

М а в р и к и й . Нет, сейчас не замужем. Вообще-то ты прав, положение ненормальное: не знать, где и что дочь родная... Я даже сам не понимаю, как это получилось. Ты, если найдешь ее, приводи, обязательно приводи!

А л е к с . Она мечтала стать пианисткой. Не стала?

М а в р и к и й . Ничем она не стала. Она, если за всю жизнь делала что-нибудь благоразумное, так это соблюдала правила личного движения и только поэтому уцелела. Да я и всегда был против ее музыки. Что могла принести ей музыка? Я желал ей устойчивого семейного счастья. Но счастье надо уметь завоевать!

А л е к с . Я и тетю Христину хочу найти. Говорят, она в большой бедности.

М а в р и к и й . В самом деле! — и Христина, чудачка, ведь тоже еще наверно жива. Неужели она еще жива? Найди, найди

ее, и мне расскажешь. Надоело мне жить и ничего не знать о родственниках, серьезно. Вот хорошо, что ты нашелся!

В глубине прерывистый шум мотора. Дорожка высока и виден верх въезжающего автомобиля сапфирового цвета. Он круто останавливается с резкими выхлопными взрывами и смолкает. Стройная ловкая женщина в дорожном комбинезоне выпрыгивает из него, как подброшенная, бежит и гаечным ключом бьет по капоту.

Т и л и я . Проклятый гарантас! *(Откидывает капот, заглядывает в мотор. В нашу сторону:)* Папка! Жрать хочу! Мясное есть? Подготовь!

М а в р и к и й . Отбивная?

Т и л и я . Окэй, отбивная! *(Машет и кричит вдаль.)* Джум-ум! Сюда!

Углубилась в машину. Вскоре к ней подбегает Джум, они берутся, чертыхаются, брякают инструментом.

М а в р и к и й *(спешит к плите, варит)*. Вот и Тилия. Она, тебя, конечно, не узнает. Вы с ней почти ведь и не виделись никогда.

А л е к с . По-моему, только в Розовом Каньоне, после рождения Джума. Она тогда надеялась еще вернуться в балет.

М а в р и к и й . В балет она не вернулась, но в любительских танцует и сейчас. Недавно увлеклась журналистикой. Вообще, Тилия — яркая, многогранная личность. *(Жарит.)* Да... Три раза в жизни я женился, Алекс, — и все три раза на восемнадцатилетних девушках. В старости это как-то утешает...

Т и л и я *(оставив Джума возиться, идет в холл в комбинезоне, с большим гаечным ключом в руке)*. Мавр! Я готова съесть сейчас дикого жареного кабана! *(Увидев незнакомого, останавливается. Алекс поднимается из-за стола.)* У нас гости?

М а в р и к и й . Нет, родственник.

Т и л и я . Родственник? *(Подходит ближе.)* Простите, что я в таком виде... Но — кто же?..

М а в р и к и й . Твой племянник.

Т и л и я . Такого взрослого и симпатичного племянника у меня, кажется, нет... Но раз ты говоришь, что племянник, — надо, по крайней мере, поцеловаться? *(Бросает на пол гаечный ключ.)* Я — чумазая, грязная, ничего, племянничек? *(Целуются.)* Как я

рада! Я думаю, что папочка не будет ревновать, если я тебя поцелую лишний раз? (*Целует.*) Но все-таки, кто ж это такой?

М а в р и к и й . Алекс.

Т и л и я . Алекс?..

М а в р и к и й . Сын моей покойной сестры Маргариты.

Т и л и я . Ах, Маргариты?.. Это мы виделись?..

А л е к с . В Розовом Каньоне, перед войной. (*Маврикий жарит.*)

Т и л и я . Ах, в Розовом Каньоне! Тот блестящий студент, выпускник университета, золотые надежды, да? (*Движения буйной радости.*) Ну, как я рада! Ну, как мы рады!! (*Целует его. Скороговоркой.*) Где же ты был? Где пропал? Почему не писал? Рассказывай! (*Отступает.*) Ты видишь, какая я рабочая лошадка! — до обеда в редакции, потом сто километров по шоссе, по жаре — чтобы только мои тут жили и наслаждались океаном. По дороге забарахлил мотор, я в нем ковырялась, лазила под него, еле дотянула. (*Тем временем она расстегнула комбинезон и вышла из него в цветном платье. Джум завел мотор.*) Bravo, Джум! (*Бросает к выходу комбинезон и гаечный ключ.*) Забери, мой мальчик! (*Проходит перед Алексом.*) Ну, как ты меня находишь?

А л е к с . Вы очаровательны!

Т и л и я . Еще не хватало «вы»! Еще будешь меня звать те-тушкой? или бабушкой? Только — «ты» и Т и л и я ! (*Проходит.*) И сколько мне лет?

А л е к с . Скоро тридцать?

Джум уезжает.

Т и л и я (*довольна, хохочет*). Если бы не сын! Но я мать, Алекс, ты понимаешь, я — мать! (*Около столика с радиолой.*) Как тебе нравится этот столик? Прелесть, правда?

А л е к с . Изящный.

Т и л и я . Недавно купили. Шестьдесят пять дукатов. (*Моей руки.*) Я — мать, и проблема девятнадцатилетнего сына накладывает морщины на мой атласный лобик.

А л е к с . Не заметил морщин.

Т и л и я . Хо! Я умею их скрыть! Это целая система! Тут и — сон в холодном свежем воздухе, регулярная гимнастика, обтирание, подвижный образ жизни! Чтоб к сорока годам — фигуру девочки, надо по-ра-бо-тать!

Отбивная уже на столе. Тилия садится, начинает быстро, жадно есть, не прерывая, однако, разговора. Маврикий прислуживает.

Т и л и я . Кроме того, мой лозунг: никаких врачей, а лекарства — только самые естественные и только в самых малых дозах!

А л е к с (*оживляясь*). Это я могу понять! Это я поддерживаю!

Т и л и я . Ну, я сразу почувствовала, что мы с тобой единомышленники! Ты знаешь, папку я лечу сама. У нас вот (*вскакивает, приносит*) «Справочник практического врача». Для образованного человека — что может быть лучше? Не доверяться этим равнодушным предвзятым именам, а самому выяснить патогенез, избрать лечение. Ну, у папки что, например? (*Листает.*) Вот — а м е н и т и в н ы й с и н д р о м . Это — больные нервы. Симптомы такие: колебания аффектов, обманы чувств. В чем обманы чувств? Ревнует. Если б ты не был мой родной племянник, то вот за эти несколько поцелуев мне б уж влетело. Тут к соседу приехал его аспирант, африканец Кабимба. И вот мы с ним просто плавали, просто плавали, что тут такого?

М а в р и к и й (*останавливая*). Тили-Ти!

Т и л и я . Папочка! В тебе говорят расовые предрассудки! Чем африканец хуже тебя? Двадцатый век есть век равенства наций... А вообще у нас выработан режим: папе — ничего мясного, мне — ничего мучного, поменьше соленого, регулярная прочистка желудка...

М а в р и к и й . Засоренный желудок — это страшное дело!

Т и л и я . Это ужас! Так пусть слабительное по вечерам, но зато еда — радость жизни! И вот профессор Крэйг в расцвете творческих сил, а я...

М а в р и к и й . Ну, насчет меня то...

Т и л и я . А что насчет тебя? Тебе семьдесят лет, но еще не выяснилась болезнь, от которой ты мог бы умереть.

М а в р и к и й . Сердце...

Т и л и я . Эт-то самовнушение! Ты бодр, справляешься с хозяйством, у тебя целы зубы. Ах, Алекс, недавно был юбилей Маврикия — банкетик тысячи на две дукатов! Гостей! Телеграмм! от композиторов! дирижеров!

М а в р и к и й . Прожевывай! Прожевывай!

Т и л и я . Ты прекрасно еще можешь работать, прекрасно! Пусть ты оставил лекции, но именно теперь ты обязан написать новую книгу.

М а в р и к и й . Где уж мне новую...

Т и л и я . Ну, хотя бы переиздать старую!

М а в р и к и й . Тили-Ти, для этого надо добавить в нее свежих идей.

Т и л и я . Так добавь свежих идей! Уж не говорю, что у меня гарнитур — лавка древностей, но с ума сойдешь от одного позора ездить в этом корыте...

М а в р и к и й . Спортивный седан позапрошлогодней марки...

Т и л и я . Аб-солютно устаревшей конструкции! Меня гложет мечта иметь кабриолет Супер-88 цвета «брызги бургундского» на триста пятнадцать лошадиных сил! Так у папки не хватает денег!

А л е к с . Ну, деньги вы соберете.

Т и л и я . Ты рассказывай, рассказывай, что же всё мы да мы! Где ты работаешь? Сколько зарабатываешь? Женат ли? Есть ли у тебя дети?.. Дети, дети! *(По дорожке сзади пробегает Джум, резвясь с мячом.)* Сыну девятнадцать, и он начинает шалить с девушками.

М а в р и к и й . Хороши шалости, когда приходится оплачивать аборты.

Т и л и я . Но ты бы не хотел иметь эту Мезию невесткой? Надо радоваться, что у малыша по крайней мере здравый смысл. *(Джум прислушивается, подходит.)* Но ты прав, ты прав! Надо женить его — категорически! Причем на самой простой девушке из народа, пусть поменьше этого образования...

М а в р и к и й *(вспыхивает)*. Что за чушь? Какую там еще — из народа?..

Д ж у м . А что мне на ее интеллигентности — суп варить?

Т и л и я . Мы задыхаемся без женских рук! Некому пуговицы пришить. У нас даже в муке моль завелась. Постепенно ты ее обучишь, передашь ей плиту и сковородки.

Д ж у м . Да чего ты споришь, отецка? Кому жениться — тебе или мне? Моя мать — дальновидная женщина, она умеет жить.

Т и л и я . У нас будет гармоническая жизнь. Она будет скользить по дому с тряпкой и вытирать пыль.

М а в р и к и й *(гневаясь)*. Да вы что, уже сговорились? Мы для этого растили сына?

Т и л и я . Мавр! Положи валидол! Положи валидол и не делай страшных глаз! Я этого не люблю. Почему тебя оскорбляет невестка из народа? Разве ты не чувствуешь, что весь наш век дышит демократией? Надо действовать в духе века! Уж у себя-то в редакции я всегда знаю дух века.

А л е к с . А что за редакция?

Джум убегает с мячом.

Т и л и я . Журнал «Альголь», слышал?

А л е к с . Политический?

Т и л и я . Да так... международного ревью. (*Вскакивает, приносит пару ярких журналов.*) Вот!

А л е к с . Альголь — так называется Бетта в созвездии Персея, это «звезда дьявола»? (*Берет журналы, перелистывает.*)

Т и л и я . Возможно, возможно, что-то в этом роде. Платят мне там немного, я не для денег, а — общее развитие, интеллектуальная жизнь...

М а в р и к и й . Тили не могла бы сидеть дома, хозяйничать. Она бы задохнулась.

Т и л и я . Я бы задохнулась!.. Я люблю жизнь, Алекс! Я люблю жизнь во всех ее проявлениях! В конце концов, мы живем на свете один раз! Ничего нельзя упустить!

А л е к с (*перелистывая*). Меловая бумага, цветная печать. И, кажется, только внешние проблемы?

Т и л и я . Ну, с внутренними-то у нас всё в порядке, о чем писать?! А внешние — да. Что у нас? Обзор заокеанских стран, их экономических пороков, их социальных язв. Участвуем в основных кампаниях. Боремся за мир, за то, чтобы перевес сил был всегда на нашей стороне...

М а в р и к и й . И только благодаря усилиям их журнала мир на планете еще как-то держится.

Т и л и я . Сколько энергии! Сколько искусства! Постоянно взбудораженная атмосфера редакции! То интервью, то заседание, то правка... Ты не представляешь, Алекс, как я кручусь и как мне некогда.

А л е к с . «Некогда»? Это бич современного человека. Тебе некогда, человек? — значит, ты неправильно живешь? Перестань так жить, иначе погибнешь!

Т и л и я . Bravo! Замечательно сказано! Где ты набрался таких мыслей?

М а в р и к и й . Где же! В тюрьме!

Т и л и я . Что-о-о?

М а в р и к и й . Оказывается, он десять лет сидел в тюрьме.

Т и л и я (*замерла*).

А л е к с . И вот мне на всё стало хватать времени и еще остается.

М а в р и к и й . А теперь он полностью оправдан. Это была судебная ошибка.

Т а л и я . Ах, ошибка! Ах, оправдан. Как хорошо. Слава Богу, которого нет. Но знаешь что, Алекс? Я — прямодушный человек, и скажу тебе, обижайся — не обижайся: ты — страшный эгоист!

А л е к с . В чем??

Т и л и я . В том, что ты лишил нас возможности сделать доброе дело! Ты нуждался в помощи — и с какой охотой мы бы... О-о-о!..

По ступенькам террасы в сопровождении Джума поднимается Филипп Радагайс, широкоплечий, загорелый, весь в белом спортивном.

Ф и л и п п (*остановился, не видя Маврикия и Алекса*). Мадам! Я ловлю вас на слове! Вы говорили, что у вас есть бездействующий подвесной мотор. А у меня — корпус катера. Мы это соединим, и вы, и ваше чадо можете учиться у меня водному слалому.

Маврикий снимает фартук. Алекс поднимается, глазами прикованный к Филиппу.

Д ж у м . Мама! Как умно! Конечно!

Ф и л и п п . Если других реакций нет, вопросов нет — я пришел за мотором. Мне надоело цепляться к чужому катеру. Только я (*смотрит на часы*) ограничен во времени, форсируем мотор! Профессор, простите, не видел вас! (*Здоровается с Маврикием, вперяется в Алекса.*) Ч-ч-что??!

А л е к с . Фил!

Ф и л и п п . Ал! (*Бросаются друг к другу и душат в объятиях. Тилия подбегает, очень заинтересованная. Маврикий растерян.*) Откуда ты взялся? Где ты был?

А л е к с . Почему ты здесь?

Ф и л и п п . Я! Моя дача рядом! Ты откуда?

А л е к с . Это мой дядя родной.

Т и л и я . Господа! Откуда вы друг друга знаете?

Вьется около них. Они все еще не разомкнулись вполне.

Ф и л и п п . Откуда! Мы знаем друг друга столько же, сколько стоит свет.

А л е к с . Мы вместе учились в школе. Мы вместе кончили университет. Мы (*не замечает знаков Филиппа*) вместе попали на фронт и...

Ф и л и п пи только там разделились!

Т и л и я . Слушайте, это замечательно! Я ведь тоже фронтовичка! Я тоже была на фронте! А на каком вы участке..?

А л е к с . Наконец, мы вместе...

Ф и л и п пНа фронте я потерял Алекса из виду, и с тех пор он не возвращался в наш город.

Д ж у м . Мама, так как с мотором? Я полезу доставать?

Т и л и я . Если мистер Радагайс обещает научить тебя слалому...

Д ж у м . И тебя тоже, мама!

Т и л и я . Боюсь, мне поздно?

Ф и л и п п (*со щедрым жестом*). Вы — чудесно сложены! У вас пойдет, пойдет!

Т и л и я . Доставай!

Джум убегает.

Ф и л и п п . Моя помощь? Мои руки?

Т и л и я . Мы вас позовем. Сперва я переоденусь.

М а в р и к и й . Так это что ж? Вы тридцать лет уже дружите?

Ф и л и п п . Именно!

М а в р и к и й . Ну, так вы заслужили поговорить без меня. Потом, Алекс, будем смотреть с тобой альбомы. А завтра мне нужно ехать в город, поедешь со мной, полазишь у меня в кабинете и наберешь себе пластинок.

А л е к с . Спасибо, дядя.

Маврикий идет направо, походка у него уже старческая. Тилия нагоняет его.

Т и л и я (*тихо*). Мавр! Насчет кабинета ты — не опрометчиво?

М а в р и к и й . А что?

Т и л и я . Ну, во-первых, ты обещаешь ему пластинки. Значит, ты лишаешь его возможности относиться к нам вполне бескорыстно. Потом — чего он набрался в тюрьме? — ты не знаешь. У тебя рукописи Рахманинова, изви...

М а в р и к и й (*повышая голос*). Да как ты...

Т и л и я . Тс-с-с! Именно потому, что мы его любим, мы тем более не должны подвергать его таким соблазнам!

Маврикий отмахивается, уходит направо. Тилия смотрит на друзей, уходит налево. Друзья начинают говорить громче. Алекс больше сидит, Филипп рассказывает.

А л е к с . Так ты что? — о тюрьме не говоришь?

Ф и л и п п . Ты с ума сошел! Об этом никто не знает! Я это скрыл и зачеркнул!

А л е к с . Но что скрывать? Если ты оказался невиновен...

Ф и л и п п . Невиновен! Тюрьма накладывает черную тень! «Тот, кто раз поел тюремной баланды»!

А л е к с . Не знаю. Я не стыжусь тюремных лет. Они были плодотворны...

Ф и л и п п . Плодотворны? Да как у тебя язык поворачивается? Это вот ножницами такими — слесарными! — выхватили из жизни кусок — нежных нервов! алой крови! молодого мяса! Мы с тобой возили тачки на каменном карьере, медной пылью дышали, а они тут свои белые тела раскладывали на океанских пляжах! Нет, Ал, напротив — надо на в ё р с т ы в а т ь ! Надо с бешеной силой наверстывать! (*Размахивает кулаком.*) Надо брать от жизни вдвойне и втройне! Это наше право! Мы с тобой знаем — и хватит! Объявлять? Никто не поймет. Когда я вернулся в университет, я ахнул: тупицы, заморыши, которых мы за людей с тобой не считали, экзамены они по шпаргалкам сдавали — а сейчас на первом плане, старшие бакалавры! Ты думаешь, для старшего бакалавра много надо? Упереться лбом в одно место и давить! Да что говорить? Елинодий — зав. кафедрой колебаний!

А л е к с (*поражен*). Елинодий??

Ф и л и п п . Да! А Ирун Зиодор — уравнения математической физики читает!

А л е к с (*изумлен*). И-рун Зио-дор?! Математическую физику?!

Ф и л и п п (*хохочет*). Ну! Вот и сам посуди. У нас! Но подожди, я уже их начал прочёсывать. Я показал им, как надо работать! Сам себя не щажу — ну, и вокруг меня тянут! Увлекательный спорт — выжигать рутинеров из гнезд одряхлевших теорий!! (*Хохочет.*) Слушай, эти пять лет после оправдания — где ты был?

А л е к с . А там же. В Каледонии.

Ф и л и п п . То есть... это в плане того, что... смысла жизни искал?

А л е к с . Пожалуй, что так. (*Смеется.*) Девяти лет мне не хватило, я остался додумать.

Ф и л и п п . М-да-а-а... Ну, и сколько ты зарабатывал? Что ты делал?

А л е к с . Преподавал.

Ф и л и п п . Детишкам?

А л е к с . У-гм.

Ф и л и п п . Ты просто губил себя!

А л е к с . Сперва был доволен очень. А потом... Начал понимать, что преподавание мое — отчасти ложь. Наталкиваю я их теоремами, чертежами, разговорами о Космосе. Но не готовлю, как сопротивляться бессердечию и расчету, ожидающему их в жизни.

Ф и л и п п . Слушай, ты помнишь, каким я был до войны? Раскисляй, лапша, философ на огуречном рассоле, — помнишь?

А л е к с . Да.

Ф и л и п п . Так вот теперь такой — ты!

А л е к с (*тихо смеется*). А во-вторых, честно говоря, надоело как-то. Из году в год параграфы — потом спрашивать, опять параграфы — и опять каждого спрашивать. Мозги сохнут.

Ф и л и п п . Да ведь нельзя же паклею заткнуть вулкан! Что ж у тебя — простого человеческого самолюбия не осталось?! И в такой же цвет ты и жену подыскал?

А л е к с . Нет. Жену другую.

Ф и л и п п . Там? Но кого ты мог там найти?

А л е к с . Да, я несколько бы стеснялся ее сюда привезти. Но этот вопрос отпал. Ее уже нет.

Ф и л и п п . Молодчик! Ты ее бросил!

А л е к с . Смешно сказать, но — она меня...

Ф и л и п п . Она тебя? (*Громоподобно хохочет с широкими жестами. Алекс присоединяется.*) Она тебя?! (*Смеются еще громче, Филиппа всего трясет, он отмахивается.*) Так слушай, она трезвый человек! Она правильно сделала! (*Новый приступ смеха. Филипп вытирает слезы.*) Она тебя?! (*Успокаивается.*) Блестяще! И — где ты сейчас?

А л е к с . Пока нигде. Только что приехал.

Ф и л и п п . И — кто ты?

А л е к с . Пока никто. Соискатель на место.

Ф и л и п пшкольного учителя?! (*Яростно.*) Ал! Ты еще не безнадежно потерян! Слушай внимательно: за эти пять лет я перевернул здесь горы! Я иду колоссально вверх, колоссально вверх! Я избрал биофизику. Это оказалось очень свежо. Я защитил первую диссертацию, добился — в страшных боях! — создания при университете лаборатории биокибернетики, она растет, и я ее начальник. У нас интереснейшие результаты! Через несколько месяцев — я — доктор наук и профессор!

А л е к с . Фил! А ты помнишь, каким я был до войны? Человек-снаряд!

Ф и л и п п . Ну, да, да! Поэтому я и верю в тебя!

А л е к с (*грустно*). Теперь такой — ты... Как поразительно. Мы полностью поменялись с тобой характерами. Мы поменялись взглядами на жизнь.

Ф и л и п п . Да ты в науку сейчас бросишься, как лев, я не сомневаюсь! Ты будешь работать со мной! Ты повторишь мой путь еще быстрее. Только перестань здесь всем тыкать свою тюрьму. О тебе недавно даже ректор вспоминал. Тебе все будут рады! А кто не рад — посторонись!! Ты же острый математик. В спины и в паруса нам дует неистовый ветер кибернетики!! Наш корабль — на полном ходу! Пока не поздно — держи канат, влезай на борт, дружище! (*Протягивает ему руки.*) Жизнь есть борьба!!

А л е к с (*не принимая рук, обнимает Филиппа*). Прекрасно, друг, прекрасно. Я благодарен тебе. И я люблюсь, что ты вырос таким. И то, что ты предлагаешь, конечно, волнует меня: наш старый Университет! дорога славы под сводами, выдавшими нашу молодость... Но если бы ты мог ответить мне на один вопрос... На один вопрос... З а ч е м ?

Ф и л и п п . То есть... что — зачем? Зачем — вообще наука?

А л е к с . Да. З а ч е м — н а у к а ?

Ф и л и п п . Ты просто разыгрываешь меня? В чем ты видишь тут вопрос? Азбучные истины! Да прежде всего... это дьявольски интересно! Это высокое наслаждение, неужели тебе...

А л е к с . Так что? Просто для себя? Из эгоизма?

Ф и л и п п . Да все материальные богатства, созданные человечеством, не через науку ли созданы?

А л е к с . И это не ответ. А зачем нам богатство? Богатство улучшает разве человека? Я не замечал.

Ф и л и п п . Вот прицепился к слову! Ну, не богатства — все блага материальные на нашей планете, вся цивилизация, вся культура — всё создано наукой, всё!! О чем тут спорить?

А л е к с . О том, что, хвастаясь, как много благ теперь совокупно добываем мы, не упоминают — а чего нам это добывание стоит? Ответ будет ужасен: весь человеческий интеллект до конца уходит на добывание благ! Все духовные силы наши — до исчерпа! Вру, еще остается часть, чтобы давить друг друга.

Ф и л и п п . Прицепился ты, как клещ. Да в конце концов двадцатый век без науки не был бы двадцатым веком! Это — душа его!

А л е к с . Или — бездушие?

Ф и л и п п . Да не сомневаться, а — на колени! Преклоняться перед наукой!

А л е к с . «О, великая наука!» Это всё равно, что: «О, мы! — великие умы!» или точнее: «О, великий Я!» Поклонялись люди и огню, и луне, и деревянному идолу — но, боюсь, даже идолу поклоняться не так нище, как самому себе.

Ф и л и п п . Да ты мракобес там вырос в своей пустыне! А что же — Боженьке будем поклоняться? Зачем этот глупый беспредметный спор — развивать или не развивать науку? Как будто это от нас зависит! Всё равно, что: продолжать нам обращаться вокруг солнца или остановиться отдохнуть? Это — помимо нас. А ты должен решать о себе: опять потащишься талдыкать теорему Пифагора? Или пойдешь официантом в ресторан? Очень люблю бывать в ресторане, любимый мой отдых, но предпочитаю сидеть за столиком. За философию твою тебе нигде не заплатят. Зарабатывать ты что-то должен? Весь город тем и занят, что делает дукаты! Вся страна тем и занята, что делает дукаты! Ничто живое без дукатов не существует!

А л е к с . Так неужели же... из-за дукатов?

Ф и л и п п . Вздор! Мы живем наукой, мы дышим наукой, но если при этом деньги выскакивают сами собой и весьма обильно — это приятно, поверь! Да неужели я тебе должен доказывать, что наука — это свет, и смысл, и интерес жизни для таких, как мы? С эстафетной палочкой, которую в руках держали Ньютон, Максвелл, Эйнштейн — пробежать по второй половине двадцатого века и на черте передать двадцать первому?

А л е к с (*поникло*). Филипп! У меня такое ощущение, что палочку передавать нам не придется...

Ф и л и п п . Ядерная война? Стихия, зависящая, к сожалению, не от ученых.

А л е к с . От них-то бы больше всего!

Справа показывается М а в р и к и й . У него в руках — раскрытый альбом.

М а в р и к и й . Алекс! Я нашел старые фотографии твоей мамы, папы и тебя маленьким. У тебя ведь ничего не осталось? Приходи сюда, когда кончишь.

А л е к с . Да что ты! Спасибо, дядя. И — Альды?

М а в р и к и й . Странно, но Альды ни одной карточки не нашел. Даже не понимаю, кто их мог из альбома вынуть. Они были здесь.

Уходит.

А л е к с . Надо пойти, старик рылся.

Ф и л и п п . Слушай, я почти не знаю этой семьи, мы месяца не знакомы. В чем тут дело? Она *(показывает куда ушла Тилия)* на тридцать лет моложе. Как это получилось?

А л е к с . Мой дядюшка имел несчастье — или, наоборот, счастье? — слишком долго увлекаться молодью. Вот это и... зафиксировано. Дядюшка был светило музыковедения, у него есть и свои квартеты, сонаты...

Ф и л и п п . Я почему спрашиваю. Мадам Тилия, выражаясь по-солдатски, просто лезет на штык. Черт знает, что за баба... Так, Ал *(выводит его, показывает)*, вот рядом моя дача. Ты отсюда не уедешь, пока не придешь ко мне. И я тебя буду держать под замком, пока ты не дашь письменного согласия работать у меня. Вопросы есть?

А л е к с *(тихо смеется)*. Поговорим, ладно... Ну, а ты-то? Женат?

Ф и л и п п *(голос его теряет всю энергию)*. — Ж-женат. *(Пауза.)* А как будто стал и не женат... *(Пауза.)* Я женился на Нике два года назад, она еще была студенткой. И так славно мы жили, весело. Она меня и в спорт втянула. И вдруг — заболела. Что-то случилось с позвоночником. И, как на зло, когда была беременна. Пришлось пожертвовать ребенком. Ну, сперва обнадеживали, что поправится, она и вставала. Потом всё реже, реже. Теперь только лежит. Лежит, смотрит, как я по морю катаюсь... Ты увидишь ее сегодня. Ну, иди, каторжанин, неудавшийся бандит! *(Толкает его в спину.)*

А л е к с . От такого же слышу!

Уходит направо. Филипп смотрит на часы, садится. Не видимая ему, из своей двери тихо выходит Т и л и я в халате. Останавливается, озирается. Расстегивая пояс халата, отступает в свою комнату и тотчас выходит оттуда лишь в купальном костюме.

Т и л и я *(громко)*. Филипп! Я — голая!! Не оборачивайтесь!

Ф и л и п п *(вздрагивает, резко поворачивается, медленно встает)*. — Слушайте!.. *(Тилия делает стыдливое оборонительное движение, стоит на месте.)* Слушайте!! *(Делает крупные шаги к ней. Тилия, крадучись, отступает к своей комнате.)* До каких пор вы будете меня..? *(Идет за ней в ее комнату, наступая.)*

КАРТИНА 2

Небольшая рощица, редкие деревья, два-три пня. Позади — дорога, где то и дело проходят, но не слышимые нам, грузовики, самосвалы, автофургоны с прицепами, автокраны, скреперы, бульдозеры, разные строительные машины. Попеременно то солнце, то облачка, игра осеннего мягкого света. Идут Алекс и Альда. Алекс несет плащи. В отличие от предыдущей картины он одет даже с тщательностью.

Альда (*раскинув руки*). Что за славный лесочек! Какое солнышко! Какие легкие облака! (*Снимает шляпу. Темные волосы ее свободны.*) И — дышится тут! Ты знаешь, сегодня за много времени первый раз меня ничто не сжимает. Почти ничто...

Алекс. А что тебя сжимает?

Альда. Всегда у меня какое-то опасение, будто что-то плохое против меня готовится, что меня ждет беда... Будто у меня хотят отнять...

Алекс. Но что можно отнять у человека, у которого ничего нет?

Альда. О, всегда можно!.. Но сегодня такой счастливый день!.. (*Кружится. Вдруг — сильный баллистический удар от самолета, переходящего звуковой барьер, и потом — вой самолета. Альда вздрагивает, вскрикивает, прижимается к стволу.*)

Алекс. А, проклятые, как надоели...

Альда (*совсем уже другая, подавленная, даже постаревшая, еле стоит*). — Ну, теперь ты видел, как тетя Христина живет. Эта хижина, пол земляной, печка дымит, крыша течет... Даже трудно поверить, что в наше время человек... (*в голосе слезы*).

Алекс (*следит с тревогой*). Да, живет она героически. Только вот кошек у нее — девять, десять? Что-то слишком.

Альда. Аль, она их не собирает, они сами к ней идут. И подбрасывают ей кошек, которых дети искалечили — с проглоченными иголками, с отрубленными лапами, в керосине обожженных... А она их жалеет. Вот эту помнишь кошечку, у которой движения несогласованные, то упадет, то ножками дергает... (*Задумывается.*) Эта кошечка одна на свете слабее меня. Похожа очень... (*Плачет.*)

Алекс. Альда! Альдонька! Ну, так же нельзя! Ну, от каждой случайной мысли...

Альда. Неужели и ты так жил в своей Каледонии?

Где-то близко с грохотом пронесится электричка. Альда зажимает уши, съезживается, пока та пройдет.

А л е к с . Я-а?! Намного лучше. Правда, домик мой тоже был из глины, и в дверях я нагибался, вот так... (*Показывает.*) Но внутри стоял совершенно прямо (*Распрямляется.*) ...если посредине. (*Смеется. Альда начинает улыбаться.*) И было два окошка на солнечную сторону. Нет, я-таки жил там роскошно! Пока был один. Но потом появилась жена. Неугомонная, она стыдилась нашей хижины! Честолюбивая, она требовала, чтоб я воздвиг палаты, покрытые шифером! И чтоб я больше зарабатывал. И чтоб вез ее в большой город, в большие магазины.

А л ь д а . Скажи, Аль... Ой, что я тебя хотела спросить? (*Музыкально:*) Ой, что я хотела спросить??. Ой, как я не люблю это, терять мысли!.. Ну вот, буду думать теперь.

А л е к с (*глядя ей на лоб*). — Ну, успокойся. Вспомнишь. Само придет. Вернется обязательно.

А л ь д а . Рассказывай.

А л е к с . Да, уж и рассказал. Я после освобождения настроен был жить в тишине и совсем просто, жениться на какой-нибудь примитивной натуре, в которой, мол, правда, и сила, и смысл. А оказалось, что в наше время все эти примитивные натуры думают только, как урвать, да купить, да перед соседями отличиться...

А л ь д а (*очень пристально*). Так неужели ты мог жениться — не любя??

А л е к с (*качает головой*).

А л ь д а . И ты!? И ты — тоже??. Как же ты смел?

А л е к с . А во-первых, Альдонька, там выбора не было.

А л ь д а . Так не надо! Совсем не надо!.. (*Раскачиваясь, как от боли.*) Нет любви!.. В наш век нет любви... Замужество — сплошная ложь... Значит, когда она тебя бросила, ты просто... сигарету вынул, закурил, да?

А л е к с . Альдонька! Я понял тогда, что не могу я так жить, каждый шаг соразмерять — а что это — а что это даст для семьи? а как бы не пострадали домашние? Кого-то ублажать, о ком-то заботиться и чтоб это определяло мою философию. Я один раз живу на земле и хочу исходить из чистой истины. Жена сделала благое дело: она тотчас нашла себе другого мужа, приносящего хорошие деньги...

А л ь д а (*вдруг вспомнив*). Да! Скажи, Аль, так по-твоему не надо много зарабатывать?

А л е к с . Бож-же тебя упаси!

А л ь д а . Но как же тогда, например, одеваться по моде?

А л е к с . А зачем — по моде? Чтобы быть похожей на всех,

как чурки с одного конвейера? Люди созданы разными, зачем же вколачивать себя в стандарт?

Альда. Ну, это ты какую-то дикость... Ты просто оторвался от жизни и не понимаешь. Как же можно ходить ни на кого не похожим чучелом?

Алекс. Вот вам для того моды и придумывают, чтобы вы за заработками гнались, и ни о чем другом думать не успевали.

Альда. Ну, освежать костюмы надо? Туфли менять надо?

Алекс. Туфли? Надо носить, пока подметки не сотрутся. Это логично.

Альда (*смеется*). С ума ты сошел, ненормальный. И мебель надо менять, теперь стиль другой...

Алекс. Да мебель-то зачем? Пока ножки целые — зачем ее менять? Это ужасно, Альда, вот такие рассуждения я слышал от бывшей моей жены. (*Снова — звуковой удар и рев самолета. Альда вздрагивает, сжимается.*) Зачем же отдавать лучшие годы, лучшие силы — за деньги, и деньги эти тут же разбрасывать на пустышки?

Альда (*поникла*). Проклятые дукаты! Как утомительно их зарабатывать! От этой проверки бесконечных телевизоров у меня в глазах рябит. Смотреть я не могу на телевизоры!

Алекс. Я телевизоров пятнадцать лет вообще не видел — и то смотреть не могу. Там, где прежде общались души, теперь...

Близко, заглушая его, с грохотом проносится электричка. Альда закрывает уши.

Альда. А никакой другой работы я достать не умею. Так презираю себя за безалаберную жизнь. И музыке я училась, и иностранным языкам, и ничему не доучивалась.

Алекс. Но когда на прошлой неделе ты в папином кабинете села за рояль...

Альда. А, да разве это настоящая игра!.. (*Пригорюнилась.*) Не могу я так играть — просто вообще. Я должна играть — для кого-нибудь. Хочешь, для тебя буду?

Алекс. Хочу! Да.

Альда. Всё равно — инструмент надо дома, и четыре часа в день.

Алекс. Не понимаю я дядю Маврикия. Дочь родилась в него, музыкантом! А он...

Альда. Папа как раз собирался купить мне пианино. Несколько раз встречал маму и обещал...

А л е к са он не только не помог — оттолкнул тебя от консерватории!

А л ь д а . Я сама не хотела туда, Аль!

А л е к с . Почему?

А л ь д а . Чтобы не компрометировать папу, что вот еще я есть... И он тоже очень боялся для меня этой среды искусства. Этих людей, таких благородных в своих ролях. В конце концов, так и получилось. *(Поникла. Пауза. Алекс смотрит с тревогой.)* Нет, не говори, отец хороший, он очень хороший.

А л е к с . Он порывами — великолепный человек.

А л ь д а *(светлеет)*. Правда? Ну, правда же! Маму, конечно, он жестоко обидел, но и мама говорила всегда, что он — великий и замечательный человек.

А л е к с . А тете Христине? Чтобы за двадцать лет гроша ей не бросить? Я ему выскажу! И ведь не от скупости, а — ровное благополучие, когда не хочется пальцем пошевелить. Тебя! — годами не видит — и спокоен.

А л ь д а . Ты не прав! Это я! Это я сама не ходила к нему. Теперь так получилось, ты меня ввел, а вообще зачем создавать ему двойную жизнь? напоминать собой о прошлом?.. Я не ходила — не ходила, только, когда узнала о юбилее — тайком пошла. Села на самом дальнем краешке, надеялась, что меня не заметят, и наслаждалась, как его чествуют. Нынешние ученики расписались на бочонке масляными красками и бочонок втащили прямо на стол. Разливали черпаком с длинной ручкой! *(Смеется, очень оживлена.)*

А л е к с *(поправил волосы на ее лбу)*. Вот сейчас я могу тебя узнать! Сейчас ты похожа на ту прелестную девочку-школьницу, с которой я познакомился перед войной. *(Альда смотрит шаловливо.)* Если бы ты всегда была такая!

А л ь д а . Если бы всегда был такой счастливый день!

А л е к с . У тебя карточки того времени не сохранилось?

А л ь д а . У меня нет, но у папы должно быть. Он тебе не показывал?

А л е к с *(рассеянно)*. — А?.. Он?.. Та довоенная девочка так в меня впечаталась тогда, что я на фронте и первые годы в тюрьме часто-часто тебя вспоминал. Написать даже хотелось.

А л ь д а . Отчего же не написал? Ни разу.

А л е к с . С фронта? Ты была еще слишком девочка. Из Пустынной Каледонии? когда десять лет впереди?

А л ь д а . А если бы ты писал мне — моя жизнь могла бы сложиться совсем иначе. *(Звуковой удар. Рев самолета. Альда*

вздрагивает, рыдает.) Ну, что это? Ну, что это?.. (Опускается на землю.)

А лекс. Альда! Альда! (Опускается рядом, держит ее за плечи. Альда рыдает надрывно, безутешно.)

А ль да. Зачем такая жизнь жестокая, Аль?.. Зачем жить в такой жизни?..

А лекс (обнимая ее. Мерно, медленно). Нет, так нельзя. Так тебя надолго не хватит. Хоть этот день один, я думал, ты проживешь, улыбаясь!

А ль да (рыдает).

А лекс. Вот послушай, дружок. В лаборатории биокibernетики, где я работаю теперь у моего друга, счастливым образом как раз сейчас всё готово к тому, что нужно тебе: из человека хрупкого сделать нестигаемого. Ты слышишь меня?

А ль да (сморкает).

А лекс. Дать ему устойчивый, неунывающий характер, дать ему душевную невозмутимость. Ты не больна, лечения в обычном смысле тебе не нужно, но ты слишком отзывчива, уязвима. Тебе надо помочь жить. Я уже втягиваюсь в эту технику и могу оценить.

А ль да (подняла голову, слушает).

А лекс. Сестрѐнка моя, давай попробуем! Ну, дай мне руку! Для тебя! Чтобы спокойная улыбка не сходила с твоего лица. Довольно тебе страдать, а?

А ль да (слабо улыбается).

З а н а в е с

КАРТИНА 3

Лаборатория. Три двери, большое окно. Близ работающих приборов — письменный стол. Один ящик выдвинут, и над ним с двух сторон склонились Первый и Второй дипломники в темных халатах. 1-й навистывает ритм новейшего танца и трясет корпусом.

Электрическое освещение. Пасмурный день.

2 - й дипломник. А качество тебе придется отдать.

1 - й дипломник. Двух пешек оно стоит. (Делает ход в ящичке.)

2 - й. Одной? (Делает ход.)

1 - й. Нет, двух! (Делает ход.)

Услышав шум, мгновенно задвигают ящик и наклоняются над столом. В среднюю дверь входит Эни. Она невысокого роста, тугонькая, светленькая, твердые движения.

Эни (*строго*). Чем заняты, молодые люди?

1-й. Снимаем точки, мисс Баниге.

Эни. И что ж получают за кривые?

2-й. Пожалуйста. (*Передает ей со стола большой лист.*)

Эни (*смотрит*). Почему только для двух значений параметра?

2-й. А скольких?

Эни. По крайней мере, четырех. Нам важно иметь семейство кривых. Недостающие — доснять. (*Возвращает им лист. Идет к левой двери, открывает, кричит внутрь:*) Кабимба!

2-й. Он вышел, мисс Баниге.

Эни уходит в среднюю дверь.

1-й (*проводив ее восхищенным взглядом*). Ты знаешь, а я вообще не от-ка-зал-ся бы!

2-й (*открывает ящик и, думая над ходом, напевает:*)

— Но подруга Синбара

Нам не пара-а!

1-й. Нам важно иметь семейство! — это всё равно, что заново. В конце концов, мы работаем у самого шефа, и пусть скажет сам шеф.

2-й. Но мисс Баниге думает с шефом одной головой, это уже замечено. (*Сделав ход, идет к щитку, смотрит приборы, регулирует.*)

1-й (*обдумывая над ящиком, напевает, трясет корпусом, пристукивает:*)

— Но подружка Синбара нам не пара!

Но подружка Синбара-морехода...

А ладье-ладье ловушка тут в два хода!

Мгновенно задвигает ящик. В правую дверь входит Кабимба, рослый африканец. 1-й дипломник снова открывает ящик, думает над ходом и свистит на прежний мотив. Кабимба печален. Идет к окну, прислоняется, смотрит.

2-й дипломник (*от прибора*). А правда, Синбар не был моряком?

1-й. Я тоже спрашивал. Нет.

2-й. Вполне он тянет на жюль-верновского капитана. (*Отходит от приборов.*) Кабимба-Кабимба! Что вы так невеселы?

Кабимба. Дождь идет... (*Смотрит в окно.*)

1 - й (*думая над ходом*). Улыбнитесь, Кабимба! Покажите ваши сахарные зубки!

К а б и м б а . Я получил письмо с родины. Я давно должен быть там.

2 - й . Как давно?

К а б и м б а . После университета, два года сзади. Но шеф меня позвал, я остался. Чем в науку глубже, тем трудней оторваться.

2 - й . И что ж тут плохого, Кабимба? Хоть что-нибудь в жизни есть неподдельное — наука! Да еще спорт.

1 - й . Когда судья не жульничает.

К а б и м б а . Биотоки! Для каждого это очень интересно, но моей стране еще о-о-ой сколько не понадобится. Я должен был вернуться домой с простой физикой.

2 - й . И наладить выпуск школьных амперметров?

К а б и м б а (*энергично*). Да! Моя родина нищая, неграмотная, верит в меня, а я сижу тут с биотоками.

1 - й (*сделав ход*). Смешно, Кабимба! Родина! (*Смеется.*) Где вы были раньше? О родине надо было думать в семнадцатом веке или там в каком! А сейчас никаких родин давно нет, это — жуткий анахронизм. Жуткий! Есть только наша маленькая планетка, да и то, кажется... (*Машет безнадежно. Трясет корпусом. Вычмокивает ритм.*)

2 - й (*сделав ход*). Кабимба! Вы еще небось и в партии какой-нибудь состоите?

К а б и м б а . В либерально-демократической!

Оба дипломника смеются взрывом.

2 - й . Да кто же нынче состоит в партиях, Кабимба? Опомнитесь! Либералы, демократы, прогрессисты — все эти шайки думают только о себе!

1 - й . И каждый должен думать только о себе!

2 - й . Бросьте вы грязную политику, занимайтесь наукой! У вас идет, у вас получается! (*1-му.*) Снимаем точку! (*Подходит к щитку.*)

К а б и м б а (*гневно*). Вы еще... детишки! Вы достали легкое впечатление! Никуда вы дальше этого города не ездили, ничего не видели, не возьмитесь рассуждать!

1 - й (*еще над ходом, напевает*):

— Но подружка Синбара-морехода...

Стремительно задвигает ящик и поворачивается к приборам. Из правой двери быстро входят Филипп и Алекс. Они направляются к

средней, но, заметив присутствующих, останавливаются. Филипп мрачен, говорит очень жестко.

Ф и л и п п . Что у вас, мальчики? Сколько точек? *(Берет лист.)*

2 - й д и п л о м н и к . По три на каждую кривую.

Ф и л и п п . Мало. Медленно. Нет преданности науке. Позвольте! А почему только два значения параметра?

1 - й . А вы не говорили, что...

Ф и л и п п . Если и не говорил, можно сообразить самим, вы не дети. Четыре-пять кривых по основному параметру — неужели нельзя догадаться?! *(Швыряет лист на стол, 1-й дипломник подхватывает, чтоб он не упал.)* Так из вас никогда ничего не выйдет! Надо думать! И отказаться от дедушкиных темпов. Завтра с утра — всё снова. Сейчас поможете Кабимбе. *(Дипломники начинают выключать приборы, свертываться.)* Кабимба! Вы к записи биотоков с человека сегодня готовы?

К а б и м б а . Да.

Ф и л и п п . Прошу вас. Можем начать в любую минуту. *(Кабимба кивает, уходит в левую дверь.)* Ну, где ж твоя кухня? *(Смотрит на часы.)*

А л е к с . Да, я зря на нее понадеялся. Нужно было с утра самому за ней. Но — тут работа станет. Альда — она такая, она может прийти и на час раньше...

Ф и л и п п . Но этого не случилось.

А л е к си на полдня позже. Она искренне будет спешить, стремиться, но любое столкновение может отбросить ее в сторону.

Ф и л и п п . Выражаясь нашим языком — мала длина свободного пробега?

А л е к с . Да, очень силен броуновский элемент.

Дипломники свернулись, заперли ящик с шахматами, переоделись в белые халаты. Уходят налево.

Ф и л и п п . Но как же тогда мы с ней будем сотрудничать?

А л е к с . Так именно это нам в ней и дорого! Мы собираемся ее векторизировать! — пусть же до опыта она будет предельно разбросанна. Ты сам удивишься, до чего она нам подходит! Она начинает мысль — и забывает ее. То она слушает тебя и как будто не слышит. Смеется — и вдруг плачет. Она смутная и неуловимая, как отражение в воде.

Ф и л и п п . Интересно, посмотрим. *(Закуривает.)* Она замужем?

А л е к с . Была два раза. Оба ее... бросили.

Ф и л и п п . С детьми?

А л е к с . Ты знаешь, она такая ранимая, чуть неосторожно заговоришь — плачет, о замужествах вспомнит — плачет, и я боюсь спросить. Живет она, во всяком случае, одна.

Ф и л и п п . А почему не у отца?

А л е к с . У отца! Отец ее карточек сберечь не мог! — два пятна в альбоме, как глазницы от выколотых глаз. Я вчера у него был, всё высказал. Поругались, он меня выгнал.

Ф и л и п п . Ну, ладно. Скажи вот: кодовая группа — тебе достаточна по объёму?

А л е к с . Нет! И никогда не будет достаточной!

Ф и л и п п . Что ж ты предлагаешь?

А л е к с (*быстро, уверенно*). А — решительно сменить всё направление. Конструировать автоматические программаторы на каждый тип задач. На первых порах это будет большая перегрузка, потом оправдает себя блестяще.

Ф и л и п п . Деньги? Люди? Помещение?

А л е к с . Кооперируемся с другими! Кибернетистов много развелось.

Ф и л и п п . Ты знаешь, Ал... Не хотелось бы. Когда истина открыта не нами, она что-то теряет из своей привлекательности.

А л е к с (*так же быстро*). Фил, надо стать выше этого! Если между нами и счетными машинами будет сидеть кодовая группа — это кибернетика на волах! Я представляю дело так: я подумал — машина поняла! машина подумала — я понял. Всё! Для этого нужны автопрограмматоры.

Ф и л и п п . Ты молодец. Видишь, как вошел в курс. А сомневался.

А л е к с (*очень быстро*). Я, Фил, попробовал и начинаю, кажется, понимать: ни моей и ничьей тут личной заслуги нет. Сейчас во всей науке наступил такой век, как пять столетий назад в географии: любой недотёпистый капитанишка на какой-нибудь трёпаной шхуне выходил в море наугад и возвращался, если не с новым архипелагом, то с парой новых проливов! Так и теперь — научные мальчишки хватаются за проблемы, которых остерёгся бы Резерфорд, и через три месяца у них уже всё получилось. Как будто сила нас какая-то подхватила и... (*Увидел, что Филипп погружен в угрюмость.*) Слушай, ну как с Никой? Консилиум был?

Ф и л и п п . Был.

А л е к с . Что ж ты молчишь?

Ф и л и п п . Бес-пер-спек-тивно. Понимаешь? В ближайшие

годы, ты понимаешь — годы! — она с постели не встанет. Вот так будет лежать, как сейчас. И не исключено, что ослабится или парализуется одна сторона. И притом опасности для жизни — нет. Она не умрет. И не будет жить. Вот так, как сейчас.

А л е к с (*обнимая его за плечи*). Но что же можно, друг?.. Что же можно?..

Ф и л и п п. Я понимаю, разводиться в таком положении... считается неэтично...

А л е к с. Потом, Фил, медицина же бешено развивается, новые ле...

Ф и л и п п. Нет! Я навел все справки! Ничего стоящего в разработке нет. (*С напряжением.*) Как это проклято так заведено! И сколько случаев таких! что человек сам не живет и заедает жизнь другого...

А л е к с. Ах, такая молоденькая! Ничего ж не жила!.. Так умоляюще смотрят глазенки... Верните ей ноги! дайте ей побегать!

Ф и л и п п. Жалко, жалко ужасно. Но скажи — нас с тобой кто пожалел? Десять лет мы отбухали на каторге ни за что — так недостойны мы сочувствия больше, чем любой другой рядовой человек?

А л е к с. Я не уверен. Я боюсь, что тут легко перейти грань: вот мы невинно пострадали, вот мы правы, правы — и вдруг станем неправы. Это как-то моментально поворачивается.

Ф и л и п п. Ну-ну! Поворачивается! Да я за десять лет такую накопил тоску, такую накопил отдачу! И что же теперь? Неужели я не заслужил радости? полной жизни? ребенка, накопец?

А л е к с. Ну, без ребенка ты можешь и прожить.

Ф и л и п п. Как это без ребенка?

А л е к с. Всё равно дети никогда не вырастают такими, как мы хотим. Рождаются эгоистами, живут для себя. Ищи духовных детей.

Ф и л и п п. Да у меня их целый воз — духовных. Я хочу собственного сына, династического! Неужели ты этого не чувствуешь?

А л е к с. Да как-то нет...

Ф и л и п п. Выродок! Педант! Ждать! Мне — сорок лет, куда же дальше ждать? А? Слушай, Ал, загробной жизни не бывает! У нас одна жизнь, эта одна! — и надо прожить ее во всех кра- сках!

А л е к с . Очень трудно, Фил. Жизнь — одна. Но и еще что-то у нас одно. И тоже второй раз не дается.

Ф и л и п п . Что еще?

А л е к с . Глупое врожденное чувство. Рудиментарное.

Ф и л и п п . Э-э, братишка, скажи что-нибудь покрепче. Совесть? — слишком не-ма-те-ри-альна, чтоб жить ей в двадцатом веке. Мы не знаем ее компонентов. Формулы. Некоторые считают ее просто условным рефлексом. Совесть — чувство факультативное.

В среднюю дверь входят Эни и Синбар. У него — бакенбарды, трубка.

Итак, вся пожарная команда в сборе? Тогда — маленький совет. Садитесь, друзья! Давайте думать. Мы задыхаемся от тесноты. Нам не хватает людей. Еще острее нам не хватает финансов. Откуда всё брать?

С и н б а р . Пришла пора атаковать и уничтожить Тербольма. Доказать, что вся эта социальная кибернетика — абсолютный вздор! И уж во всяком случае забрать его помещение и его субсидии.

А л е к с . Кстати, я не успеваю всё схватывать. Эта социальная кибернетика — что такое?

Ф и л и п п . Да нелепость! Они хотят найти законы в человеческом обществе! И по этим законам построить алгоритмы и проворачивать прогресс на электронной машине.

А л е к с . Стой, это что-то занято.

С и н б а р . Да дикий бред! Проглотим Тербольма — и не поперхнемся. Но ведь этого всё равно мало!

Ф и л и п п . Мы переросли рамки университетской лаборатории, нам надо становиться отдельным институтом.

Эни (она не сводит глаз с шефа). Да! Мечта!

А л е к с (взглянув на часы, порывается уйти).

Ф и л и п п . А с людьми? Кориэл предлагает конструировать автопрограмматоры. Откуда брать людей?

Эни. А вот именно, пока мы еще в составе университета — надо его ловко использовать! Во-первых, производственная практика студентов — математиков, физиков. Заставить их работать на нас! Чем они там занимаются?!. Во-вторых, с курсовыми работами. Разные дохлые стариканы высасывают темы из пальца. Наш фронт работ разбить на темы, утвердить в ректорате — и пусть кафедры эти темы дают!

Ф и л и п п . И так в наше русло будут затягиваться самые

способные студенты. Блестяще, Эни! У вас золотая голова и в науке и в жизни!

Эни (*очень довольная*). Я только отражаю свет. Но отражать — я умею.

Алекс. Окэй, шеф, я пойду, некогда.

Филипп (*вдогонку*). Так что ж она не идет, слушай?

Алекс ушел направо.

Синбар (*эффектно курит трубку*). Всё это, шеф, детские игры. Я не хотел при Кориэле, у него это большое место. Но таких субсидий, какие нужны нам, не даст никакая фирма. В нашу эпоху только государство платит деньги, не считая. Если нам пристегнуться к военному ведомству или внутренней безопасности — о нашем бюджете позаботится сенат!

Филипп. Я понимаю. Я над этим думал. Но, если мы пристегнёмся, — ведь мы потеряем свободу поиска.

Синбар. Ничего мы не потеряем! Мы пристегнем одно-два направления, полезные для них. А делать будем — что нам надо. Вообще я хочу предложить вам интересное знакомство, буквально на этой неделе. Один офицер, занимающий важный пост, хочет посмотреть нашу лабораторию.

Филипп. Да?.. А что, друзья, ведь это выход?

Эни. И еще какой!

Филипп. Выход. Выход! Приглашайте его, Синбар. Поговорим. Итак, что ж? Опыты на животных прошли безукоризненно, начинаем на человеке. Если эта особа, которую обещает Кориэл, все-таки сегодня придет — сегодня же снимаем с нее биопотенциалы.

Эни. По двумстам каналам?

Филипп. Да. Альфа, бетта, тэта-ритмы, все острые волны, посторонние частоты. Затем...

Синбар. ...кладем, даем состояние покоя в темноте, снимаем дельта-ритм. Затем световые вспышки нарастающей частоты... Да! Сказать Кабимбе, что...

Поднимается, быстро уходит налево. Филипп и Эни сидят на прежних местах и внимательно смотрят друг на друга. Пауза.

Эни. Наверно, все-таки, не следовало мне идти к вам вчера.

Филипп. В конце концов, вы — моя близкая сотрудница. Почему вы не можете ко мне зайти?

Эни. Это получилось жестоко.

Филипп. Но постепенно когда-то надо же... приучать ее.

Эни. Но как она смотрела на меня!

Филипп. Вот это как раз то, через что надо... переступить.

Эни. Мне было гадко очень...

Филипп. Но если есть вина — пусть она будет на мне. Причем же вы? Ну, не были бы вы — рано или поздно другая. Надо же смотреть реалистически.

Пауза. Смотрят друг на друга.

Эни. Хорошо. Я постараюсь...

Быстро входит Синбар.

Филипп (*встает*). Итак, обязанности распределены и известны. Вы меня позовете. (*В средней двери останавливается. Рассеянно:*) Что-то я еще хотел... Да... Ну, пока всё...

Медленно уходит.

Эни. Бедный Радагайс! Самый напряженный момент, ему нужна ясность, твердость — а у него такая трагедия дома.

Синбар молчит, вглядывается. Он когда и не курит — трубка у него в руках.

Эни. Что ты на меня так уставился?

Синбар (*прочно стоит, расставив ноги*). Жду, что ты скажешь еще.

Эни. Пока всё.

Синбар. Мне кажется, ты интересуешься не тем, чем нужно.

Эни. Нашим общим делом?

Синбар. Семейные дела шефа?

Эни. В той мере, в которой они отражаются на руководстве?

Синбар (*подходя, мягче*). Эни! Мне кажется, уже шепотком о нас начинают шутить.

Эни. От этого женщина всегда страдает больше!

Синбар. Хорошо. Я осознал. Я понял. Это была моя ошибка.

Эни. Сколько я ночей проплакала, ты не знаешь.

Синбар. Ну, теперь ты разветвленно будешь меня попрекать. (*Берет ее за локти.*) Теперь я говорю: женимся! немедленно женимся! А ты..?

Эни. Но я приучена к логике, Синбар. Ты говорил — надо ждать твоей диссертации. Так подождем, осталось меньше.

С и н б а р . Но ты еще недавно сама настаивала!

Э н и . А ты мне плел о науке, о стариках-родителях, о твоих маленьких сестрах...

С и н б а р . Эни, ты росла в благополучии, у тебя был гладенький путь. Не успела ты кончить университет, я ввел тебя сюда. А я знал нужду, и напуган ею, и не хочу больше. *(Пытается ее обнять.)*

Э н и *(вырываясь)*. Тут студенты ходят!

С и н б а р . Хорошо, ждем так ждем. Но что изменилось? Целый месяц ты н-н-н... Я озверею к чертям скоро! Придумываешь разные предлоги... Я могу заподозрить у тебя...

Э н и *(раздельно)*. А ты не думал, что я у тебя давно могла заподозрить..?

Напряженно стоят друг против друга. Ослабляются при открытии двери. Справа входят Альда в плаще со следами дождя, за ней Алекс.

А л е к с . Ну вот, наши сотрудники. *(Знакомит.)* Альда Крэйг, моя кузина, Анна Баниге, руководитель биологического направления нашей лаборатории.

Э н и . Ой, как громко и неуклюже, мистер Коризэл! *(Альде:)* Просто — Эни. *(Рукопожатие.)* Зову шефа, он просил сейчас же...

Уходит в среднюю дверь.

А л е к с . Синбар Атоульф, врач.

С и н б а р *(знакомясь, холодно)*. Вы никак не приходитеесь профессору Крэйгу?

А л ь д а *(робко)*. Я... его дочь...

С и н б а р . Позвольте, у него сын, дочери у него нет.

А л е к с . Она перед вами, Синбар.

С и н б а р . Нет, тут какая-то ошибка. Я точно знаю, у него только сын.

А л ь д а *(с живостью)*. Папа не виноват, это я виновата! Я жила сама по себе...

А л е к с *(делает знак Синбару, Синбар уходит вслед за Эни)*.

А л ь д а . Ах, из-за меня будут плохо думать о папе! И ты! даже ты вчера так папу оскорбил! Но я вас помирю непременно.

А л е к с . Ну, помирись, конечно. *(Помогает ей снять плащ, вешает.)*

А л ь д а . Какая Эни миленькая. Ты за ней ухаживаешь?

А л е к с . Мне, Альда, сейчас не до миленьких. Я, знаешь, как закурился? Сплю пять часов в сутки.

А л ь д а . Смотри-смотри, упустишь. (*Оглядывается.*) Ой, что это мне как-то не по себе? (*Еще оглядывается.*) Аль, мне страшно стало почему-то. (*Держится за него.*) Может отменим, уйдем, зачем это всё.

А л е к с (*улыбаясь*). И я — Аль, и ты — Аль, и чего же ты боишься?

А л ь д а . Даже тебя боюсь. Ты здесь переменялся. Скажи, это будет больно?

А л е к с . Ничуть.

А л ь д а . Но ты же сам не испытал?

А л е к с . Снятие биотоков? Да со всех сотрудников снимают, записывают.

А л ь д а . Ах, ну всё равно, Аль! Это что-то нечеловеческое. Зачем это? Уйдем!

А л е к с (*успокаивает, усаживает*). Альдонька! Но ведь мы же договорились. Обсудили. Это будет лучше для тебя. Тебе нельзя иначе.

Входят Эни, Филипп, Синбар.

А л е к с . Филипп Радагайс, начальник лаборатории.

Альда поднимается.

Ф и л и п п . Мы рады видеть вас здесь. Хотя вы и... заставили нас ждать.

А л ь д а (*поспешно*). Это можно объяснить! Это так получилось...

Ф и л и п п (*великодушно*). Ничего не надо объяснять. Но... (*Смотрит на часы. Эни и Синбар надели белые халаты.*) ...и откладывать не будем. (*Надевает белый халат.*)

А л ь д а (*покорно*). Надо идти?

Синбар показывает ей на левую дверь. Опустив голову, Альда уже направляется туда, но останавливается внезапно.

А л ь д а . Но позвольте, господа, я же все-таки не кролик. Объясните, что вы будете со мной делать?

Синбар уже открыл дверь, оттуда вышел Кабимба. Он в белом халате, рукава засучены. По знаку Филиппа он закрывает дверь, оставшись с этой стороны.

Ф и л и п п . Это ваше право. Садитесь.

Альда садится. Все стоят: Алекс — позади ее кресла, остальные — в белых халатах, настроенные, пристальные — против нее.

Ф и л и п п. Ну-с, прежде всего — что такое биотоки? Биоток — это очень маленький, слабый электрический ток, непрерывно идущий в каждой нашей нервной клеточке. Всё, что мы ощущаем, думаем, переживаем или делаем — всё это, в конце концов, так или иначе отражается на биотоках или определяется биотоками. Биоток даже прочитывать мы научились совсем недавно, по сути...

Э н и. Год назад.

Ф и л и п п. Что же касается обратного нашего влияния на биотоки — вот это и есть наша задача теперь. Сперва, конечно, мы основательно изучим ваши биотоки, посмотрим энцефалограммы, обработаем при помощи электронных машин...

А л е к с (*почти на ухо Альде*). Это всё — не сегодня, это — много дней.

Э н и. Даже недель.

Ф и л и п п. И в конце концов мы вас подвер... мы применим к вам так называемую кибернетическую нейростабилизацию. Стабилизацию! — значит мы обеспечим вам самое оптимальное.

А л е к с (*на ухо*). ...самое наилучшее...

Ф и л и п п. ...внутреннее душевное состояние и сделаем его стабильным, как будто вы родились с ним, как будто это не дар науки, а дар природы. После этого никакие потрясения, никакие удары судьбы не будут вам страшны. Вы не будете никогда испытывать ужаса, гнева...

А л ь д а (*вскакивает, вскрикивает*). Что вы все на меня так смотрите?! Неужели я душевнобольная?..

Стонет, едва не падает. Алекс успевает подхватить, вместе с Синбаром сажают ее в кресло. Эни подносит воды.

А л е к с. Альда, милая, успокойся, что ты вообразила?.. Выпей воды. Альда, что ты придумала? Неужели я хочу тебе хуже?

Альда выпила воды, откинулась, безжизненна, бледна.

Ф и л и п п. Сударыня, это совершенно добровольно, мы ни к чему не понуждаем вас, и вы можете уйти. Ну, наконец, если хотите, мы сегодня при вас сделаем запись биотоков с кого-нибудь другого, и вы убедитесь...

А л ь д а (*после глубокого вздоха, слабо*). А вы не обманываете меня? Вы меня там не запрете? не оставите?

А л е к с . Аль-да!!

А л ь д а (*грустно*). Что ж «Альда»? Меня обмануть легко... (*Обводит всех глазами.*) Но нет, я верю вам. Это мне так померещилось. Что я должна делать? (*Встает.*)

Э н и (*ведет ее под руку налево*). Пойдемте, милая, мы немножко с вами переоденемся.

Идут. Альда из дверей оборачивается и улыбается Алексу, как бы прощая его.

А л е к с (*тихо*). Ее волнение — не испортит записи?

Э н и (*услышав, из двери*). Как раз наоборот: будет четкая запись!

Уходит. За ними — Кабимба.

С и н б а р . Это очень хорошо, что она так взволнована!

Уходит туда же, прикрывая дверь.

Ф и л и п п (*кивает*). Это позволит оптимально выявить характерные для нее частоты! Да, хороша твоя кузина, Ал. Вот из кого выделить, что нам надо!

А л е к с (*удерживая его*). Она — свечечка, Филипп! Она — трепетная свечечка на ужасном нашем ветру! Может, зря я ее привел?.. Не задуйте ее! Не повредите!

Ф и л и п п . Мы дадим ей настоящее гранитное душевное здоровье. Мы превратим ее нервную систему в неотклоняемый вектор! (*Не пуская его за собой.*) Ты — не ходи, ты будешь на нее воздействовать. Не ходи, останься!

Уходит налево, закрывая дверь.

А л е к с (*в колебании, в раскаянии — то к одной двери, то к другой*).

Входит девушка из кодовой группы.

Д е в у ш к а . Мистер Кориэл! Код нанесен. Перфолента готова!

А л е к с . Да? Иду... (*Смотрит туда и сюда.*) Иду. Иду.

Медленно уходит направо вслед за девушкой. Близ левой двери вспыхивает светящееся незамеченное нами прежде табло:

ИДЕТ ЗАПИСЬ

Не входить!!

З а н а в е с

КАРТИНА 4

В доме у Радагайса. Попеременно: большая гостиная, где рояль, радиола, телефон; малая гостиная с телевизором; в конце еще и прихожая. Из обеих гостиных в глубине видна столовая, где уже расстроен обильный праздничный стол.

Часть гостей в большой гостиной слушает Альду, гладенько играющую на рояле пьесу Шуберта. Другие гости — в столовой, всего их человек около двадцати пяти, университетская публика, среди них — энергичный средних лет Генерал. В малой гостиной сидит Тербольт; стоит, слушая игру Альды, Алекс. Фортепьянная пьеса тут же и кончается. Аплодисменты. Многие переходят в столовую.

Алекс (очень расстроен. Садится возле Тербольта). Разве это поздний Шуберт? Разве это поздний Шуберт!! (Берется за голлову.)

В столовой — импровизированный тост, кто сидит, кто стоит. Оттуда слышен

Голос Филиппа. Дорогие друзья! Много лестных тостов было сегодня произнесено в честь создания института биокибернетики, в честь его жарких научных боев, в честь получения профессорского звания вашим покорным слугой. Но мы обошли одну из главных виновниц торжества — госпожу Альду Крэйг, чьей пре-лест-ной игре мы все только что аплодировали и чье многомесячное любезное сотрудничество с нашей лабораторией помогло нам блестяще доказать эффективность нашей методики, нашу способность преобразовывать характер человека! *(Аплодисменты.)* Однако перед тем, как поднять тост, мне хочется поднять вот этого крепыша *(двумя руками высоко поднимает мальчика, тот хочет спать; смех)*, сына госпожи Альды, которого мы вернули счастливой матери.

Г о л о с . Радагайс! Вы так гордитесь им, будто целиком изготовили его в лаборатории биокибернетики. *(Смех.)*

Ф и л и п п . Зубоскальте-зубоскальте! А мы видим в нем символ нашей удачи! *(Аплодисменты. Опускает мальчика.)* Итак, за госпожу Крэйг и ее сына!

Гул одобрения. Пьют.

А л е к с . Я не понял, Тербольт, — хозяйку этого дома вы откуда же знаете? Ведь здесь, у Радагайс, вы не бывали раньше?

Т е р б о л ь м . А — в больнице, в Гран-Эрроле. Я там — свой человек: я лежал там многие годы. Теперь показываюсь врачам иногда. И вот меня подвели к ее постели, чтоб на моем примере приободрить.

А л е к с . Удобно ли спросить, что было с вами?

Т е р б о л ь м . У меня в юности были очень больные слабые ноги. Они и сейчас не крепкие. Когда я волнуюсь — мне трудно стоять. Я пролежал семь лет. Я не был уверен, что встану.

А л е к с . Семь лет вы пролежали, отроду вам тридцать четыре, когда ж вы так много успели?

Т е р б о л ь м . По аналогии со своим печальным опытом вы можете догадаться: именно потому и успел, что лежал. Недостаток внешнего движения взывает к движению внутреннему.

А л е к с . Но всё-таки — как вы могли додуматься посягнуть на человеческое общество?!

Т е р б о л ь м . А социология в о о б щ е , то есть, болтовня — это не худшее посягательство? когда мы беремся вмешиваться в будущее, не умея предсказывать его ни точно во времени, ни точно в пространстве, ни — точно по форме и величине?

Проходят Г е н е р а л и С и н б а р .

Г е н е р а л . Слушайте, доктор, с кибернетикой мы уже немножечко обожглись. Обожглись! Даже у такой полезнейшей кибернетики, как военная, оказалось коварное свойство... э-э... перешагивать.

С и н б а р . Перешагивать?

Г е н е р а л . Да! Через задачи, поставленные командованием.

С и н б а р . Инициатива! Вы должны радоваться.

Г е н е р а л . Слушайте, чему тут можно радоваться? Первая машина была сделана против в о з д у х а . Она получала от локаторов сигналы о подходящих самолетных группах, ракетах, всё это моментально обрабатывала, молодчина, и сама же включала ракетодромы, аэродромы, зенитные батареи — оч-чень хорошо!

С и н б а р . Очень хорошо.

Г е н е р а л . Но не очень! Уже тогда появилось сомнение:

э-о-о... а-а... авиационному командованию что же делать? Ладно. Тут нам сделали вторую модель — «Воздух и Вода». Теперь в нее входили сигналы еще от подводных лодок, от кораблей, от торпед, всё это обрабатывалось, выскакивало, и сама машина совершенно немедленно давала лучшее решение: какому нашему кораблю куда стрелять, какие контрторпеды... какие минные заграждения... И все наши адмиралы... э-э-э... вы понимаете?

С и н б а р . Начинаю улавливать.

Г е н е р а л . Так тут наши электронные умники стали делать нам такую Главную Штабную Машину! и поменьше — Корпусную! и поменьше — Дивизионную! в которые теперь должны закладываться и все данные с земли — движение моторизованных частей, саперные работы, переправы, расположение артиллерии... И машина всё это с какой-то чертовой скоростью проворачивает и дает безупречно-лучший вариант боя!! А? А?

С и н б а р . Так победа будет наверняка за вами?! Блестяще!

Г е н е р а л . Да на кой черт нам такая победа! Кто обслуживает машину? Университетские мальчишки! А люди, умудренные опытом мировой войны, локально-колониальных войн, люди, покрытые орденами, пол-ко-водцы!!? Какой труд в человеческом обществе ценится выше, чем пол-ко-водческий? Какие гении оставили в истории более яркий след, чем пол-ко-водцы? Александр Македонский, Чингис-Хан, Батый, я не буду перечислять. Так что нам с такой кибернетикой? Р-разогнать?!

С и н б а р . Господин генерал! Но уверяю вас, что биологическую кибернетику...

Г е н е р а лне придется ли тоже когда-нибудь разогнать?

С и н б а р . Может быть, и р а з о г н а т ь , но совсем в другом смысле: придать ей побольше скорости!

Генерал хохочет. Показывается шуточная процессия: 1-й и 2-й дипломники, обмотав головы полотенцами, как чалмами, выбивают ритм — в самодельный бубен и ложкой по кувшину. Девушка из кодовой группы идет с печальными плясовыми движениями. Сзади — Кабимба, меланхолически улыбаясь. Все мужчины уже изрядно выпили.

С и н б а р (*переграждая дорогу*). Что это?

1 - й д и п л о м н и к . Торжество омрачено, сэр! В этот веселый вечер мы провожаем Кабимбу и хороним его диссертацию...

К а б и м б а (*машет*). Забирайте, что хотите...

С и н б а р . Но вы еще к ней вернетесь?

К а б и м б а . Всё стареет, пока вернусь.

2 - й д и п л о м н и к . Кабимба! Еще не поздно одуматься!

1 - й д и п л о м н и к . Кабимба! Не платите за билет! Вот этот капитан (*показывает на Синбара*) может вас подкинуть в Африку бесплатно!

Д е в у ш к а из код . г р у п п ы . Капитан! Не разрежьте нас лопастями! (*Расталкивает дипломников.*) Железный капитан! Мы пропускаем вас!

Синбар и Генерал проходят между ними. Молодежь возобновляет процессию.

С и н б а р (*указывает Генералу на Тербольтма*). А вон тот белокуренький — вы знаете кто? Вот кого надо, генерал, душисть в колыбели... Он...

Рассказывает беззвучно.

Т е р б о л ь м . Теперь в мои две голые комнаты ломаются корреспонденты, нюхают, ищут — где ж эта машина, которая должна изображать собой государственное устройство? Задают мне вопросы, вроде таких, не может ли моя машина остановить революцию? не может ли моя машина заменить правительство? не может ли она обеспечить успех всеобщего разоружения? (*Смеется.*) А машины нет. Как? Еще нет? Уходят разочарованные.

А л е к с . Я боюсь, вам не следовало так рано печатать статью. Открывать себя.

Т е р б о л ь м . Что делать? Нельзя ж идеям лежать. Не хватит сил у нас — пусть сделают другие. Денег нам не дают. Сотрудники к нам не идут. Вот вы ж не пойдете?

А л е к с . Не пойду. Но не потому, что у вас нет денег, а потому, что боюсь — как это вы начнете кромсать бедное человечество.

Т е р б о л ь м . Кориэл! Простительно кому-нибудь другому сказать, но не вам. Почему мы должны отказывать коллективу людей — обществу — в тех принципах информации, координации и обратной связи, которыми в отдельности пользуется каждый человеческий организм, каждый коллектив клеток?

Синбара нет.

Г е н е р а л (*подходя*). А слово «коллектив» вы не могли бы заменить каким-нибудь другим? «Коллектив» как-то отдает социализмом.

Т е р б о л ь м (*пытается привстать, но садится*). Ничего не могу. Это удачное слово. Например, мозг. (*Темнеет. Засвечивается*

модель: на сфере дышат переменной яркостью множество отдельных точек. Внутренность сферы темна.) Между клетками — связи. (Живые светящиеся ниточки то зажигаются, то гаснут, пересекая по хордам внутреннее пространство шара.) Только эти свободные связи и позволяют организму выживать, то есть противостоять внешним разрушительным явлениям и восстанавливать себя после повреждения. Если же связи жестко регламентированы (на модели все точки и все нити замирают в одном положении), то развитие останавливается и жизнь оказывается под угрозой. (Схема гаснет. Свет.) Так и обществу надо уметь переживать свои разрушительные явления: засуху, эпидемию, землетрясение, экономический застой, финансовый крах, войну...

Г е н е р а лРеволюцию...

Т е р б о л ь м . Изю всего этого надо выходить восстановленным и способным к дальнейшему развитию. И для всего этого обществу необходимы только: безупречная информация, координация и обратная связь.

Г е н е р а л . Но причем тут электронная машина?

Т е р б о л ь м . А те же принципы и у машины — информации, координации и обратной связи. Машина будет моделью общества. И вот любую реформу, предлагаемую для общества, не надо долго обсуждать, не надо гадать, голосовать — укрепит она общество? или ослабит? или разрушит? Реформу эту мы кодируем, впускаем в машину, и через несколько минут — ответ!!

А л е к с . Вообще — здорово!

Г е н е р а л . Ничего не понимаю! Проверять реформу на какой-то безответственной электронной машине, если о ней достаточно авторитетно может судить парламент! министр! и, наконец, совет министров!

Т е р б о л ь м . Видите ли, беда в том, что люди могут находиться во власти случайных настроений. Оскорбленных самолюбий. Групповых пристрастий и антагонизмов. Тщеславия. Поспешности.

А л е к с . Да скажите просто — они могут быть корыстны! Уж человеческим ли обществом не управляют при помощи злой воли?

Г е н е р а л (не в первый раз всматриваясь в Алекса). То есть, какими обществами и когда?

А л е к с . Ну, я говорю — раньше, раньше.

Г е н е р а л . Ах, раньше? Это верно. (Т е р б о л ь м у :) Но чем вас не устраивает современное демократическое государство?

Т е р б о л ь м . Вот по такой схеме? (Темнеет. Засвечивается модель — пирамида. Внизу много мелких светящихся точек, чем выше — тем их меньше, но они крупней. Светящиеся линии связей от основания к вершине не мигают, так же как и точки.) В ней нет гибкости. Очень сложное соединение элементов. Почему-то нигде в природе мы ничего подобного не находим. Эту форму придумали люди и отнюдь не удачно. Живые клетки предпочитают соединяться... (Рядом с пирамидой снова засвечивается живой действующий мозг:) вот так. Без кучера. (Обе схемы гаснут.)

Г е н е р а л . Ну, знаете, господа, мы все за демократию, но в разумных же пределах. Без сильной руки демократия невозможна. А если этот ваш... коллектив автоматов... сойдет с ума и погубит нацию?

Т е р б о л ь м . Опасность есть всегда, во всякой конструкции. Мост может рухнуть, самолет — развалиться. Обязанность создателей — неблагоприятные возможности пресечь.

А л е к с . Но зато злоупотреблений — можно скорей ожидать от людей. Эта электронная машина, во всяком случае, не будет стремиться нажить капиталы! пристроить родственников! потребить общественной энергии больше, чем ей отведено по схеме. Она не начнет войны и не потребует завоеваний.

Г е н е р а л . Я всё время смотрю на вас и не могу вспомнить — откуда я знаю ваше лицо?

А л е к с . Я тоже не сразу вспомнил. Вы раньше не служили в управлении Мыслей и Чувств?

Г е н е р а л . Допустим.

А л е к с . А не приходилось вам инспектировать Пустынной Каледонии?

Г е н е р а л . Да.

А л е к с . Так я приходил к вам однажды. С протестом от имени каторжан.

Г е н е р а л . Ка-тор-жан?!

А л е к с . По поводу плохого питания и плохого обращения. Впрочем, протест мой успеха не имел.

Г е н е р а л . И вы не стесняетесь открыто вспоминать, что вы там были?

А л е к с . Если не стесняетесь вы! — Я-то оправдан. Убийца оказался не я.

Г е н е р а л . Ну, знаете, «оправдан» этим не следует козырять. Это не следует понимать так, что вы вовсе не виноваты.

Алекс. А я понимаю так.

Генерал. Напрасно. (Тербольтму:) Молодой человек, то, что вы изложили — это какое-то маниакальное безумие. Вы хотите, чтоб обществом управляли машины?

Тербольтм. Да нет же! Машины будут только моделировать реформы и проверять их. А управлять машинами...

Генерал. Инженеры? Ученые?... Не пойдет. Не подойдет. Слушайте! Чтобы управлять обществом — к этому нужно готовиться с детства. Не во всякой семье родившись, вы можете управлять. Это — уменьше немногих и ни на что не похожее. Я вам очень советую, молодой человек, изберите какое-нибудь более... э-э-э... прогрессивное направление. Займитесь Космосом. Промышленностью. Спортom, наконец. И вы будете благоуспевать. А на такую машину вы не получите нигде ни шиша. И, может быть, в интересах демократии придется вас немножечко... подзавернуть. (Уходя:) Он хочет, чтобы машины управляли обществом! (Ушел.)

Тербольтм. Вот так. И никто ко мне не идет. И вы тоже не идете.

Алекс. Страшно, Тербольтм. Вот мы здесь взяли одно человеческое создание — и что наделали? А вы хотите — миллионы людей сразу!

Тербольтм. Но никакой же «обработки» миллионов! Никакого натиска на душу людей! Мы только хотим помочь людям предвидеть их социальное будущее. Не вести человечество ложными путями.

Видно, как из столовой сюда Филипп катит столик-тележку с вином и тарелками.

Мы только разрабатываем правила перехода к идеально-регулируемому обществу.

Алекс (горячо). Хо-го! «Идеально-регулируемое» — это еще не значит идеальное! Для отдельного человека! Нет, так просто вы меня...

Филипп (громко, с широкими жестами). Друзья мои! Это уже нечестно! Надо уметь отдыхать! Отдыхать! Otium post negotium!*) И — как еще там?

Тербольтм. Otium reficit vires.**)

*) Досуг после работы.

***) Отдых обновляет силы.

Филипп (*почти кричит*). Сегодня мы отдыхаем! А у вас деловой разговор? запрещено! (*Садится на подлокотник в свободной позе.*) Слушайте, Тербольт, неужели вы до сих пор на меня сердитесь? Да никогда не мешало ваше научное направление! Да мне не жалко, крутите его хоть до небес. Но жизнь есть борьба!! В тот момент мы столкнулись на узкой тропинке. Теперь же конфликт ликвидирован. Выпьем за дружбу! (*Наливает всем троиц.*)

Алекс. Но за эти месяцы Терболтму пришлось...

Филипп (*смеется*). Вот между прочим, если б не он (*кивает на Алекса*), мы б вас добились, это верно. (*Кричит:*) Но теперь конфликт улажен! Мы выделяемся из Университета, вам вернут ваш бюджетик, получите назад ваши комнаты, можете прихватить часть наших. Никаких последствий!

Алекс. Последствия — моральные.

Филипп. Ал! То, что не материально — то не-существует! Выпьем!

Тербольт. Социальная кибернетика почему-то всех беснует. Именно в общественной жизни все себя считают знатоками. У меня и без вас было много врагов...

Филипп. Да никогда я не был вашим врагом! И что вам враги? У вас еще больше идей! Вы напечатали такую статью — вы прогремели на весь мир! Вот если сейчас не выпьем — буду вашим врагом. Вы — социолог, я — биолог, я готовлю вам почву. За почву будете пить? (*К ним подошла Эни.*) В частности, вы обижаете мисс Эни.

Тербольт (*взялся за бокал*). Нет, я никак не хочу обидеть мисс Эни.

Алекс тем временем пьет.

Эни. А у меня не было большего праздника в жизни, чем сегодня.

Филипп. Это раз. А во-вторых, мисс Эни была столь любезна, что взяла на себя роль хозяйки дома.

Эни. Разумеется, только сегодня...

Филипп. И поэтому вы обижаете ее вдвойне.

Тербольт (*привстает, чтобы усадить Эни*). Но тогда и вы с нами...

Эни. Нет-нет! Я должна быть всё время в движении, и у меня должна быть сегодня особенно ясная голова.

Филипп. Ну, чуть-чуть можно. (*Наливает ей. Алекс тянется налить себе снова.*) Спешите наверстывать, Ал! Правильно!

А лекс. Куда спешить нам, Фил? Оказывается, мы нигде ничего не упустили. Разве только — осматривать средневековую готику.

Филипп. Ста-рьё!! Сломаем — и будем строить из пластмассы и стекла. И так, за единение, за продвижение, за...

А лекс. Но по возможности без генералов.

Филипп. А чем тебе не нравится генерал? Радушнейший человек! И расположен к нам! Ну, выпили-выпили-выпили! (*Пьют вчетвером.*) И помирились. Конфликт исчерпан! (*Хлопает Алекса по плечу.*) Отдыхать, отдыхать, Ал!

Филипп уходит в большую гостиную. Эни идет в столовую. Ей преграждает путь Синбар, раскуривающий трубку. Сперва он стоит, не пропуская ее, потом подчеркнуто уступает дорогу. Эни проходит. Синбар, покуривая, медленно передвигается по малой гостиной, рассматривает картины на стене. Тихо доносится звук радиолы из большой гостиной.

Тербольтм. И вот она там сейчас лежит, глаза в потолок, под лампочки, ей даже повернуться больно. А мы тут все знаем о ней и улыбаемся друг другу, будто не знаем. Так устроен мир: радоваться достается нам вместе, а страдать, болеть, умирать в одиночку. (*Долгая пауза.*) Кориэл! Серьезно. Переходите к нам.

А лекс. Говоря откровенно, Тербольтм, я не только к социальной кибернетике, я ко всякой науке вообще отношусь с подозрением. Она доказала, что неплохо умеет служить тирании.

Тербольтм (*подумав*). Тираны рождаются не наукой. В ненаучную эпоху и в ненаучных странах их было еще больше.

А лекс. Но и наука успела им неплохо послужить!

Тербольтм. Ее захватили бессовестные руки! Вот и надо создать идеально-регулируемое общество, где науку не используют уже во зло.

Синбар включает телевизор. Оба оборачиваются. Алекс отмахивается.

А лекс. Синбар! Пощадите! Не надо сумасшедшего дома!

Синбар выключает. Прислушивается к их разговору.

Тербольтм. А вы? Вы относитесь к науке с подозрением, но всё-таки занимаетесь ею.

А лекс. Да, может быть, и брошу, не знаю. Для меня главный вопрос в жизни был всегда: за чем? Ведь в каждом частном мелком поступке... Выходя из дому, я всегда знаю, куда и зачем. И покупая какую-нибудь вещь, я всегда знаю — зачем. А в крупном почему-то считается — можно не знать, не думать...

Вот я работаю у Радагайса уже полгода и всех спрашиваю: зачем это мы всё делаем? Никто не может мне ответить. Зачем вообще наука? Мне отвечают: она интересна; этот процесс не остановить; она связана с производительными силами. Но всё-таки — зачем? Нам всюду подсовывают какие-то странные цели: трудиться надо — для труда, жить надо — для общества.

С и н б а р. Высокая, прекрасная цель. Почему она вам не нравится?

А л е к с. Прекрасная, но не цель.

С и н б а р. Почему?

С и н б а р. Так ведь, если я живу для вас, а вы живете для меня — это замкнутый круг. Ответа «зачем мы живем?» — всё равно нет.

Т е р б о л ь м. А «зачем мы живем?» — это неточная постановка вопроса. Мы же не родились актом собственной воли с заранее заданным намерением. За чем можно было бы спросить либо у Бога...

С и н б а р. Ну, Боженьку сюда давайте не путать!

Т е р б о л ь м. Религия смешна, это общепринято. Тогда — у наших родителей.

А л е к с. Но мы — тоже родители. Значит — зачем мы даем жизнь?

Т е р б о л ь м. Вот так можно. И еще так можно: поскольку ты уже родился и уже вырос существом сознательным, то какую ты лично ставишь перед собой цель? Или — никакой и живешь по необходимости горькой.

А л е к с. А, Синбар? Ваша цель? И цель ваших будущих детей?

С и н б а р. Счастье, конечно, что за наивный вопрос!

А л е к с. Ладно, но что такое счастье?

Большая гостиная. Большая часть гостей — здесь.

Пожилые — в глубине, за картами, малыша нет. Под крикливую песенку, исполняемую радиолой, несколько пар танцуют современное, в их числе — Филипп с Альдой, Генерал с Эни. Вскоре танец кончается. Генерал подходит к Филиппу и Альде. Эни проходит по гостиной, следя, чтоб всем было весело.

Г е н е р а л. Я благодарю вас, профессор, за прекрасно проведенный вечер. Мне скоро пора уходить. На прощанье вы разрешите задать несколько вопросов вашей подопечной?

Ф и л и п п. Разумеется, генерал, разумеется!

Г е н е р а л (Альде). Я вас не утомлю? Не обескуражу?

А л ь д а (всё, что она говорит сегодня, — размеренно, равнодушно, отчасти устало). — Пожалуйста. (Садятся.)

Г е н е р а л . Скажите, свойственно ли вам было прежде чувство страха? Страх?

А л ь д а . Очень.

Г е н е р а л . Вы — боялись, да? И чего же вы боялись?

А л ь д а . Мне сейчас даже не верится. Всего боялась. По утрам — что надо идти на шумные улицы. По вечерам — одиночества, темноты.

Г е н е р а л (с надеждой). А теперь?

А л ь д а . Ничего не боюсь.

Г е н е р а л (всплескивая). Великолепно! Замечательно!... Ну, а например — страх за сына?

А л ь д а . А почему я могу бояться за сына?

Г е н е р а л . Кстати, у вас его отнимали, да? По суду?

А л ь д а . Нет, свекровь только угрожала судом — и я сдалась. Я издерганная была. А теперь вот и мистер Радагайс выхлопотал мне медицинские справки. И я решительно забрала.

Г е н е р а л (просияв). Р е ш и т е л ь н о ? Вот это интересно тоже. Вам раньше свойственны были... колебания?

А л ь д а (смеется деревянно). Никогда я не знала, как сегодня одеться. Как построить день. Что приготовить поесть. Если б вы дали мне на выбор две одинаковых конфеты — я б не выбрала.

Г е н е р а л . Эт-то замечательно! Эт-то удивительно! Ну, благодарю вас, благодарю! Вы не представляете, как вы меня радуете! (Встает. Филипп тоже.) Скажите, ну, а в масштабе... э-э-э... сотен человек? Тысяч?.. Я не говорю пока... э-э-э... миллионов? Такую операцию можно произвести?

Ф и л и п п . Средства! Только средства, господин генерал.

Г е н е р а л . Так я гарантирую вам! Можно считать, что в текущем году ваш институт уже на нашем бюджете. (Целует руку Альде.)

Подошла Эни. Филипп направляется провожать генерала.

Г е н е р а л . Нет-нет, уж доставьте удовольствие, пусть меня проводит ваша обаятельная хозяйка.

Прощается. Уходит с Эни.

Ф и л и п п . А куда делся ваш бутуз?

А л ь д а . Да где-то Эни его положила спать. Кажется, в комнате Ники. (Кивает налево.)

Филипп. Очень вы были внимательны к Нике, скрасили ей немало вечеров. Спасибо. Понимаете, трудно было решиться на этот шаг, но... Болезнь так затянулась... Дома невозможно было обеспечить правильный уход, полное лечение.

Альда. Это понятно.

Филипп. И, по-моему, ей там будет даже лучше. Там будут разные процедуры...

Альда *(кивает)*.

Филипп. У нее появится надежда на выздоровление.

Альда. Но надежды нет.

Филипп. Нет. И куда же, Альда, теперь вы?

Альда. В мою обычную жизнь.

Филипп. Если собирать телевизоры — не допущу! Вот развернется мой институт — я устрою вас у себя. Это будет и оплачиваться лучше и...

Звонит телефон. Возвратившаяся Эни берет трубку.

Эни. Квартира профессора Радагайса... Да, празднуем, но кто это? *(Холодно.)* А, здравствуйте... Эни, да... Разумеется, в полном составе... Я передам ваши поздравления... Она здесь. Я позову ее сейчас. *(Громко:)* Альда! *(Но кто-то на мгновение еще громче включил радиолу, и Альда не слышит. Эни в трубку:)* Почему не надо? Я сейчас позову... Хеллоу! Хеллоу! *(Недоумение. Кладет трубку. Идет к Филиппу и Альде.)* Я прошу извинить меня, но звонила Тилия Крэйг. Она передала новому профессору и новому институту свои... самые пылкие, как она выразилась, поздравления. *(Филипп молчит.)* Затем она попросила к телефону вас, Альда, но тут же бросила трубку. Может быть вы позвоните ей сами?

Альда *(пожав плечами, встает, медленно идет к телефону. Сев около него, звонит. Но никто не подходит)*.

Эни. Фил! Я скоро буду тебя ревновать. И к Альде. И к Тилии.

Филипп *(улыбается)*. Сядь. *(Эни садится.)* Ты сегодня держишься отлично, с прекрасным тактом. Ты просто освещаешь всё вокруг.

Эни. Но не думай, что мне легко, Фил. Во всех глазах мне чудится осуждение или насмешка. Двусмысленное положение...

Филипп. Так вот, чтоб оно не было больше двусмысленным — сегодня ты будешь хозяйкой до конца. Хватит скрывать-ся! Дверь за последним гостем мы закроем с тобой вместе.

Эни *(живо)*. Нет еще!

Филипп. Да!! До каких пор мы, живые, должны сторониться перед тенью? Это же не логично! Довольно, что мы в дом не могли войти, не испытывая этого давления упрека. Да теперь она сама со временем всё поймет и примирится.

Эни. С чем же ей примириться, Фил? С тем, что мы ждем ее смерти?

Филипп. А мы вовсе не ждем. Пусть живет себе. Но будем жить и мы!

Снова малая гостиная. Тербольт, Алекс и Синбар — в оживленном споре. Трубка Синбара тоже участвует в его аргументах.

Тербольт. Так примем, что счастье — это душевная полнота? У кого есть ощущение наполненности его жизни — вот тот и счастлив.

Алекс. Что-то близкое, но еще не то. Ощущение наполненности жизни может возникнуть и от добрых и от злых причин. Наполнена жизнь ученого. Одинокой старушки, лечащей больных кошек. Но и мерзавца, который богатеет за счет других. Но и гусеницы, поедающей плодоносное дерево. Если всё это — счастье, так поставить ли его целью? Не следует ли такие счастья различать?

Синбар. Но кто будет различать? Вы? или я? Почему мерилом правильного счастья будет ваша точка зрения, а не моя? а не его?

Алекс. Не моя и не ваша! — внутренний нравственный закон! Быть счастливым — но не в противоречии с ним!

Синбар. Ка-кой еще внутренний нравственный закон? Врожденный, что ли? (Хохочет.) Изучайте медицину! В нашем организме просто нет органа, в котором помещался бы внутренний нравственный закон!

Алекс. Я знаю вашу теорию: всего человека с Рафаэлем и Шопеном объяснить гормонами.

Синбар. Да! изучайте гормональную жизнь! А то — абсолютная мораль, бабушкины сказки! Всякая истина конкретна! И всякая мораль относительна!

Алекс. Проклятая зацепка с относительностью морали! Вы любое злодейство оправдываете относительностью морали! Изнасиловать девушку — всегда плохо, во всяком обществе! и избить ребенка! и выгнать из дому мать! и распространить клевету! и нарушить обещание! и использовать во вред доверчивость!

Синбар. Ерунда! Га-ли-ма-тъя!

А л е к с . Как? Это всё может быть и хорошо?

С и н б а р . А — убить собственных родителей, если они постарели, это плохо или хорошо? Вон, расспросите Кабимбу? Есть такие племена, где это хорошо, даже гуманно.

Т е р б о л ь м . Так, может быть, закон есть, но проясняется он нам тысячелетиями? И еще дополнительно программируется каждым обществом?

С и н б а р . Не барахтайтесь! Никакой абсолютной морали! И никакого внутреннего нравственного закона! А если б он и был, то не было бы такой силы, которая заставила бы нас с ним считаться!

Появляется А л ь д а . Ее не замечают.

А л е к с . Такая сила есть!

С и н б а р . Назовите!

А л е к с . С м е р т ь !! Постоянная загадка смерти! Постоянная преграда перед нами — смерть! Вы можете изучать кибернетику или голубые галактики, и всё равно никак вам не перескочить через смерть!

С и н б а р . Будет время — перескочим и через неё!

А л е к с . Никогда! Смертно всё во Вселенной — даже звезды! И мы вынуждены философию свою строить так, чтобы она была годна и к смерти! Чтоб мы были готовы к ней!

С и н б а р . Надоели эти кладбищенские нравоучения! Ими хотят задавить живую клокочущую жизнь! Сколько времени занимает та несчастная смерть — голый момент отрицания, небольшой дополнительный фактор — по сравнению с нашей длительной разнообразной многокрасочной жизнью?

А л е к с . Мала по времени — не мала по значению! Не прячьтесь — найдет!

Т е р б о л ь м . Мы так говорим о смерти, будто умирать будет кто-то другой, а не мы.

С и н б а р . Мы так говорим о смерти, будто мы умираем каждый день! Земной шар — велик! Людей — три миллиарда. Почти невероятно, чтобы во всякий данный момент в эту дверь (*показывает на правую*) вот, я бесстрашно оборачиваюсь к ней, — чтоб в эту дверь вошла чья-нибудь смерть!

Все обернулись на дверь, мгновение ждут. Но никто не входит. Синбар издает смешок. Воспользовавшись паузой, Альда, подошедшая сзади к Алексу, трогает его за руку. Тот оборачивается.

Больше того! Вот я иду и заглядываю в прихожую. (*Заглядывает.*) Нет никого и там!

А л ь д а . А ты всё спиришь? И охота тебе? Мрачность какая-то.

А л е к с (*усаживает ее рядом; в споре он был радостно-взбужден, сейчас затемнился*). А что я... ты бы хотела?

А л ь д а . Ну, потанцевать, что ли?

А л е к с . Что за занятие — танцевать?

С и н б а р (*из двери, Тербольтму*). Ну, я, пожалуй, пойду покурю около форточки.

Уходит направо. Тербольт тоже поднимается, уходит в большую гостиную.

А л ь д а . Отчего ты не подошел ко мне за целый вечер? Мог бы сказать, как я играла.

А л е к с . Очень прилично. Очень технично. А тебе самой как кажется? (*Пьет.*)

А л ь д а . По-моему, неплохо. Всем понравилось.

А л е к с (*молча кивает*).

А л ь д а (*улыбается*). Генерал меня сейчас расспрашивал. Удивлялся. Я еще ему не рассказала, как я стала всё спокойно переносить. В кино не плачу. А вчера на улице при мне автобус задавил собаку. Большую бело-рыжую собаку. Она спокойно так переходила улицу наискосок и автобуса не видела. И он почему-то не гудел. Толкнул ее мягко, как ватную, и переехал. Но ты, Аль, как будто не рад моему выздоровлению.

А л е к с . Что ты, что ты, я очень рад.

А л ь д а . Ведь ты больше всех этого хотел.

А л е к с . Я больше всех?.. Да, верно.

А л ь д а . Это ты меня заставил. Молодец. А теперь не рад?

А л е к с . Я рад, Альда. Я рад. Тебе так кажется потому... ну, может быть потому... Тебе не кажется, что это ты ко мне переменялась?

А л ь д а . Я к тебе? Может быть. Пожалуй, да. Но это тоже к лучшему, Аль. (*Смотрят друг на друга.*) Это к лучшему. (*Пауза.*) Да, между прочим, Тилия мне сейчас звонила, но бросила трубку.

А л е к с . Так может случилось что-нибудь?

А л ь д а . Ну, почему обязательно надо предполагать плохое?

Прихожая. Здесь — вешалка с зимними пальто, большое зеркало, простая мебель. Налево — дверь в малую гостиную. Запертая входная. Окно. Около открытой форточки стоит С и н б а р , курит трубку. В дверь — ко-

роткий звонок. Синбар косится, нехотя идет открыть и отступает. Входит Тилия в серебристой шубе.

Тилия. Вы?! Вы знали, что — я?

Синбар. Сударыня, каждый день работая с биотоками, поневоле начинаю читать мысли.

Тилия. Я... начинаю вас бояться... Впрочем, вам Эни сказала?

Синбар. За целый вечер я не сказал с ней ни слова.

Тилия. Я могу вам поверить?.. Кстати, а что ваша свадьба с Эни? От-кладывается?

Синбар. Да, пожалуй. А что?

Тилия. За откровенность — откровенность. Я не сочувствовала бы этому браку.

Синбар. Почему?

Тилия. Видите ли, это безотчетно. Женщины никогда не знают причин своих антипатий... и... *(пристально)* симпатий. А почему вы не предлагаете мне раздеться?

Синбар. Мне кажется, вы не хотите этого.

Тилия. Вы угадали... Я шла сюда, чтобы как-нибудь незаметно вызвать вас... друг мой. Ведь вы мой друг? Вы обещали мне дружбу!

Синбар. Я — ваш друг.

Тилия. Синбар! Мне так нужна сейчас мужская защита! Положение профессора Крэйга резко ухудшилось, вы предсказали верно. А ведь как я старалась его беречь! Я всё время старалась, чтоб он не ложился, а продолжал работу до последнего дня! Переделывал свой учебник, так и не кончил.

Синбар. Это несколько необычное лечение.

Тилия. Но это так понятно! Я боялась, что слишком серьезное лечение наведет его на слишком серьезные мысли. Если бы он прекратил работу, слег, задумался — это как раз могло бы ускорить его конец. Но мой метод не помог: теперь врачи говорят — вопрос нескольких дней. Я хочу знать ваш телефон. *(Протягивает записную книжечку.)* Рабочий там уже записан, но мне нужно и ночью, в любую минуту. *(Синбар записывает.)* Ведь библиотека — редкая по ценности, это же стоит десятки тысяч! Там рукописи великих композиторов! письма Тосканини, Стравинского! В доме начнется кавардак, проходной двор, сбегутся родственнички нахалы и всё могут растащить! Надо будет в первую же минуту опечатать. Вы не покинете меня, Синбар?

Синбар *(целует ей руку)*. Значит, вы едете домой.

Т и л и я . В том-то и дело, что нет! (*Скороговоркой.*) У нас в редакции сейчас срочная подготовка к конгрессу — за право каждой страны иметь ядерное оружие, но подать это нужно как борьбу за мир, очень тонкая работа!

С и н б а р . А лучше бы вам быть дома, Т и л и я .

Т и л и я (*вздрагивает. С жестом просьбы.*) Ну, сегодня вечером — никак! Такая горячка — обработка делегатов! Но потом — только дома, обещаю вам. Да, кстати, у меня же новая машина! Пневматическая подвеска заднего моста, гидравлическое переключение передач, цвет «брызги бургундского», а внутри отделочка!! — не посмотрите?

С и н б а р . Но я надеюсь в ней еще поездить?

Т и л и я . И я — надеюсь!.. А теперь прошу вас очень: позовите на минутку Альду!

С и н б а р . Хорошо. Только вы с ней осторожно. Чтоб не было потрясения. Это наша продукция четырех месяцев работы. Осторожно!

Грозит. Уходит налево. Тилия проверяет себя перед зеркалом в шубке и распахнув ее. Слева скучающе входит Кабимба.

К а б и м б а . О-о-о-о? (*Останавливается.*)

Т и л и я (*показываясь ему оживленным движением.*) Я слышала — вы уезжаете! Но вы будете вспоминать?.. как мы плавали..?

К а б и м б а . Вас трудно забыть.

Т и л и я (*быстро смотрит в просвет двери.*) Там никого? (*Оттягивает Кабимбу дальше от двери.*) Ну, на прощанье! поцелуйте меня быстренько! крепко-крепко! (*Виснет на нем, тотчас соскакивает.*) Скажи, Кабимба... (*в двери — Альда*) ...неужели ваш дом стоит на сваях? Это ужасно! Вообще — вы из Северной Африки или из Южной?

К а б и м б а . Из Центральной.

Т и л и я (*машет рукой, печально.*) Ну, так привет Центральной Африке!

Кабимба уходит.

Альдочка, милая! Только ты не пугайся! (*Со слезами.*) Папе очень плохо! Ему хуже гораздо! Только ты не волнуйся.

А л ь д а (*за весь вечер — первое резкое движение, первое сильное чувство.*) Папа?! Но он — жив?!

Т и л и я . Пока — да. Пока — еще жив. Я бы тебя не звала, тебе опасны волнения, но папа очень хочет тебя сейчас видеть.

(Порыв Альды к пальто. Тилия держит ее.) Такие тяжелые дни *(вытирает слезы)*, а у меня в редакции работа, нельзя отказаться. О, общественный долг! Поезжай прямо к папе. Там — Джум. И побудь до меня. Но не вздумай приводить с собой Алекса, папа этого не переживет! Ему нельзя сердиться. Или вот что — я тебя подброшу на своей машине. Одевайся скорей! Жду внизу.

Уходит. Снова малая гостиная. Алекс и Кабимба. Стоят.

К а б и м б авсе богаты, все беспечны, никогда им не сможет понять, чем живут остальные люди! Я себя ненавижу, что к ним прилипал! Я их всех ненавижу!

А л е к с . Кабимба! Ну, вот я тоже безнадежно отстал от них, из-за тюрьмы. Так что теперь? — расталкивать их локтями? бить им стекла? Кабимба! Ненависть и обида никуда не ведут. Это — самые бесплодные чувства на земле. Надо подняться и понять: мы потеряли века или десятилетия, нас оскорбили, нас унижали, а мстить — не придется. И не надо. И всё равно — мы богаче их.

К а б и м б а *(возмущенно)*. Мы? Чем богаче? Чем?

А л е к с . Тем, что перестрадали, Кабимба. Страдание — это стержень для роста души. А довольный — всегда душою нищ. Так будем строить потихоньку.

Кабимба мучительно трет лоб. Вбегает Альда в пальто. Она вне себя. Слева входит Эни.

А л ь д а . Эни! Я умоляю вас! Пусть сынишка переночует здесь! можно? можно?

Э н и . Да, конечно! Но что с вами?

А л ь д а . Ах, не могу! не могу! потом!.. Аль! Иди сюда!!

Утягивает Алекса за рукав в прихожую. Эни в тревоге ступает за ними, но останавливается. Снова прихожая.

А л е к с . Что с тобой? *(Снежный ветер через форточку играет ее шарфом. Алекс захлопывает форточку.)* Что с то...

А л ь д а *(сильно возбуждена)*. Папе — очень плохо! Меня Тилия ждет внизу! Но ты не езд!

А л е к с *(застегивая ее)*. Да, нас поссорили. Но если...

А л ь д а . Что может быть с папой?? Мне страшно!!

А л е к с *(открывает ей дверь)*. Ты... я прошу тебя... Альдонька! Альдонька!..

Стоят на пороге. Альда качнулась к нему. Он ее целует. Слева входит Филипп. Не видя его, Алекс машет Альде, спускающейся по лестнице,

откуда еще слышен ее голос. Заперев дверь, Алекс видит Филиппа. Форточка опять распахивается с силой, врывается струя метели. Филипп захлопывает форточку.

Филипп. Ах, я давно тебе хочу сказать, да всё захвачен делами — женись-ка ты, братец, на Альде! Хороша ведь как, где ты лучше найдешь? Сестра двоюродная — это всё вздор, женись!

Алекс. Я сообразил это и без тебя давно, Фил. Но я не знал, что... И сам-то я... И вообще это всё так сложно, так сложно...

Быстро входят Эни и Синбар.

Эни. Шеф! Что нам сделали с Альдой?

Синбар. Коризл! Где Альда? Неужели вы ее отпустили?

Филипп. Как? А что с ней?

Эни. По-моему, она полностью выбита из интервала стабилизации!

Синбар. Если амплитуда выше предельной..!

Филипп. И ты мог?.. Ал!

Алекс. Я...

Синбар и Эни (*вместе, наступая*). Да как вы могли? наши усилия!! Четыре месяца!!

Филипп, Синбар, Эни (*наступая*). Наш единственный экземпляр! Наша общая работа!!

Алекс (*отступая, перекрикивая*). Наша! — общая! — работа! — я пользуюсь случаем сказать — окончилась!! Мы взяли чудо природы! и превратили его в камень! А по коридорам уже топаят сапоги офицеров! Разрешите быть — свободным!!

Занавес

КАРТИНА 5

Вечер. Кабинет профессора Крэйга. Две стены заняты книжными полками. Лесенка. Письменный стол, два кресла, диван, открытая радиолоа с нотами. **Маврикий** полулежит на диване, ноги его закутаны пледом. Открывается дверь. Стремительно входит **Альда**.

Альда. Папа, папочка!

Маврикий (*с трудом подымаясь ей навстречу*). Альда!?

А л ь д а . Что с тобой? Тилия сообщила мне, что тебе очень плохо...

М а в р и к и й . Как я рад, что ты пришла! Это лучшее из того, что я мог пожелать. Впрочем, кто, кроме тебя, мог бы сейчас побыть со мной?!

А л ь д а . Не говори так... У тебя так много друзей, близких. Они тебя любят, восхищаются тобой.

М а в р и к и й . Нет, дочь... Последнее время я часто думаю о том, что всё, всё, что я делал, не так — и жалел об упущенном. Мы мечемся всё брать, чтоб только не жалеть. А вот когда страшно пожалеть — умирая... Как это жить, чтоб не жалеть, у м и р а я ? . .

А л ь д а . Папа! Вспомни свой юбилей! Сколько учеников! Сколько благодарностей!

М а в р и к и й . Учеников давнишних лет, когда я мог еще что-то. Да и тех половина не стоит ничего... Я натолкал в них терминов и цитат, а чувства доброго — ни крупички. Ничтожная жизнь!.. Я жил в этом вертепе счастливых — и он меня съел... Так и пропала жизнь, которую все называют счастливой... Но почему мы так поздно слышим этот рог? эту трубу? — бесполезно и поздно... Еще в понедельник наши головы заняты были тем, какой сервиз покупать — японский или китайский?.. Как это важно! А жестяная, оловянная кружка — чем она хуже? И если бы дали еще год разумной жизни, только чтоб пить из такой кружки?

А л ь д а (*плача*). Папочка! Это — приступ! Ты будешь жить! Ты будешь еще писать! А я — помогать тебе, хочешь? Что-нибудь простенькое, ноты переписывать, это я могу...

М а в р и к и й (*гладит ей голову, ласкает. Пауза*). За что ты так добра ко мне, дочь?.. Ты одна за всю жизнь от меня никогда ничего не требовала — ни сервизов, ни гарнитур... Душа моя! В чем ты ходила зимами?.. Как я мог никогда не подарить тебе платья? никогда не сшить пальто? (*Плачут оба*.)

А л ь д а . Пусти! Я позвоню врачу! Это не шутка!

М а в р и к и й . Нет. Измучили. Никаких!.. Одна ты из всех родных моих носишь музыку в себе, а я тебя-то и не пустил учиться... Ты недавно приходила поиграть, а я не нашел времени тебя послушать... Наследница души моей! Этот рояль теперь твой, слышишь? (*Берет ее голову*.) Простишь ли ты меня когда-нибудь, дочь?.. (*Альда обнимает его*.) Аленька! Вон там, смотри... (*Пока-*

зывает на одну из полок.) Шуберт. Достань «Зимний путь». Сыграем вместе.

А л ь д а . Папа! Другое что-нибудь! Не надо «Зимний путь»!

М а в р и к и й . Нет, только «Зимний путь»! *(Подталкивает ее.)* Скорей, а то я никогда его не услышу. Зимний путь... *(Вытирает слезы, Альда ищет лесенку, приставляет, взбирается наверх. Маврикий смотрит в окно. Сам с собой:)* Если Шуберт в тридцать лет не дрогнул — чего мне пугаться в семьдесят? И зачем жизнь — не умеющему жить?.. Метель... Метель... Всем можно сегодня остаться под крышей, а кому-то...

Нельзя... мне... медлить... доле...

Я должен... в путь... идти...

Дорогу... в темном... поле...

Я должен... сам... найти...

А л ь д а *(спускается с лесенки)*. Вот он, папа.

М а в р и к и й *(рассеянно)*. Хорошо. Играй.

А л ь д а зажигает свет у рояля, садится играет «Спокойно спи».

М а в р и к и й *(слегка напевает)*:

Чужим пришел сюда я,

Чужим покинул край...

Не может петь, держится за грудь. Альда играет и плачет.

В м е с т е :

Здесь больше ждать не стоит,

Нето погонят прочь...

И пусть собаки воют

У входа в дом всю ночь.

Музыка. Маврикий тихо ложится.

А л ь д а *(одна)*.

Давно пора котомку

С усталых сбросить плеч.

Давно пора на отдых

Мне где-нибудь прилечь.

Еще играет, потом оглядывается тревожно, обрывает игру.

А л ь д а . Папа! Папа!! *(Бежит к нему.)* Отец! Ты жив?! *(Кричит.)* Оте-ец!! *(Бьется, опускается на колени, припадает к умирающему.)*

Входит тетя Христина в темной нищей одежде, с маленьким свертком. Молча смотрит из дверей. Медленно идет к постели. Альда рыдает. Христина проверяет зеркальцем, дышит ли умерший. Целует лоб мертвеца. Крестит его. Достает принесенную с собой свечу, ставит у изголовья, зажигает. Альда стихла. Тетя Христина раскрывает книгу и читает звучно, отрешенно:

Т е т я Х р и с т и н а . «Никто, зажегши свечу, не ставит ее в сокровенном месте, ни под сосудом, — но на подсвечнике, чтобы видели свет».

«Итак, смотри: свет, который в тебе, — не есть ли тьма?»

Пауза, переворачивает страницу. Снова читает торжественно:

Т е т я Х р и с т и н а . «И скажу душе моей: «душа! много добра лежит у тебя на многие годы: Покойся, ешь, пей, веселись».

Стремительно входят Тилия, Синбар. За ними — Джум в мотоциклетном шлеме, очках, с большими перчатками. Все останавливаются внезапно, переклонясь вперед.

Т е т я Х р и с т и н а . «Но Бог сказал ему: безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?»

Все неподвижны.

З а н а в е с

КАРТИНА 6

Небольшая скудно обставленная комната в первом этаже. В задней стене два оконца. За ними темно, вечер. Письменный стол. Низенькая дверь, под стать окнам. Хозяйственный угол. Простая кровать, тот самый столик с проигрывателем и соты с пластинками, которые были в картине 1. Проигрыватель открыт, на нем пластинка.

А л е к с за письменным столом. Слегка постучав, тут же входит А л ь д а . В руках — цветы и сверток.

А л ь д а . Ну, медведь. Ты всё сидишь? А на дворе весна. Смотри, какие цветы продают.

А л е к с . Цветы хороши. Но довольно сознания, что их про-

дают. Почему обязательно нужно иметь их каждый день у себя на столе? Это однообразно.

А л ь д а . Цветы — однообразно?!

А л е к с . Во всяком случае это противоречит принципу экономии внутренней энергии. Выколачивать лбом дукаты, тут же их разбрасывать. Если любишь что-нибудь одно, всем другим приходится жертвовать.

А л ь д а . Ты должен был бы радоваться, что у меня хоть эта привязанность не убита. (*Окунается в цветы.*) Я ведь теперь какой-то получеловек.

А л е к с (*подходя к ней*). Прости, Альдонька. Я расстроен всё это время и не то говорю.

А л ь д а . А что ты такое любишь, для чего нужно жертвовать всем другим?

А л е к с . Сам уже не понимаю. Мне сорок лет, я полон сил — и брошен на спину. Одно — вредно. Другое — бесполезно. Третье — скучно смердяще.

Опять сел, опустил голову. Альда снимает плащ. Она в черном. Стоит близ хозяйственного угла:

А л ь д а . А здесь с прошлой субботы ничего не изменилось. Если ты считаешь, что кастрюли и тарелки можно держать так месяцами... А тетя Христина не оторвется от кошек...

Достаёт из свертка белый передник, надевает, засучивает рукава.

А л е к с (*увидел*). Нет-нет, Альда! Не нужно! Я не согласен!

Спешит к ней, удерживает. Она так и не завязала еще передника.

А л ь д а . Почему?

А л е к с . Я не хочу, чтобы ты здесь возилась.

А л ь д а . Именно я? (*Пауза.*) Но я сестра тебе. (*Пауза.*) Хорошо, я тоже не приму от тебя ничего.

А л е к с . Слушай, это нельзя сравнивать. Если ты возьмешь на себя здесь все заботы, значит по сути...

А л ь д а . Когда ты мне помогаешь... или когда мешаешь... ты настаиваешь... ты настаиваешь, что ты мой брат.

А л е к с . А когда это — я тебе мешаю?

А л ь д а . Вот помешал пойти работать в институт к Филиппу.

А л е к с (*горячо*). Но если ты будешь у них — они же не удержатся тебя опять стабилизировать. Папина смерть спасла тебя от этого ужаса! От моей тяжелой ошибки. От моей вины перед тобой...

Альда. Тогда ты за меня знал, что мне надо идти... Теперь ты за меня знаешь, что не надо... А сына — ты не воспитаешь за меня? Ты бы и своего-то не воспитал, Аль... по принципу экономии энергии. А сыну лучше всего иметь — стабилизированную мать.

Замерла у него на груди. Большая пауза.

Алекс. Водила ты его к отцу?

Альда. Водила.

Алекс. Чего они хотят?

Альда. Не знаю, чего они хотят!.. Не знаю!.. *(Плачет у него на груди.)*

Алекс. Боже, как всё в мире перепутано, как всё не просто! *(Пауза.)* Эти господа, свершившие позднее правосудие — они серьезно думают, что вернули меня в прежнюю жизнь... Но всё утекло. Тот корень жизни, откуда я рос — кто мне теперь оживит? *(Поднимает ей голову.)* Ту девушку прежнюю, прежнюю — кто мне вернет?..

За стеной — грохот, что-то упало. Алекс и Альда расступаются. Альда вытирает глаза. Алекс спешит к двери, но уже входят Филипп и Эни.

Филипп. Что-то перевернули, друг. Но оно было пустое. О, и Альда здесь?

Эни. Мы, впрочем, так и предполагали. Ты не испачкался? *(Осматривает костюм Филиппа.)*

Филипп *(тоже)*. Да вроде нет. *(Алексу.)* Ну? беглец! Здравствуй! *(Рукопожатие с размахом.)* Здравствуйте, Альда. Здравствуйте, мой немой укор! Творение наше!

Все здороваются.

Алекс. Наше ли, Фил?

Филипп. Ну-ну-ну-ну! Всё в наших руках. Некоторый срыв с Альдой, срыв частичный, не разрушил, а только дополнил систему нейро-стабилизации. Он указал нам, какие внезапности надо предусматривать. Другое распределение напряжений по частотам, дополнительные серии сеансов, но опыты с людьми мы продолжаем, они обещают колоссальный успех! И я думаю, что Альда тоже согласится вернуться.

Алекс. Нет, хватит! Альды ты уже не тронешь.

Альда. А почему? Мне было тогда так покойно.

Филипп. А? Слопал? Тиран! *(Смеется.)* Ну, так что тут? Музыку слушаешь? Какую-нибудь нудь зеленую?

Раздается певучая мелодия из Allegro con brio 2-го Бетховенского фортепьянного концерта. Немного слушают.

Ф и л и п п . В таком духе я и опасался. Чистый наркотик. (Снимает иглу.) У тебя парагвайских танцев нет? Вот зажигают! Жизнь есть борьба!

Альда сняла передник, спрятала в сверток. Они с Эни садятся поодаль.

Ф и л и п п . Так, так. Значит, сидишь и ставишь тут пластинку за пластинкой, дядюшка коллекцию подарил. (Сердечно.) Ал! Возвращайся к нам!

А л е к с . Теперь ты обойдешься уже и без меня.

Ф и л и п п . Это называется — бросить друга.

А л е к с . Бросить друга нельзя в беде. На вершине удачи — можно.

Ф и л и п п . Вот именно. Потому я и здесь.

А л е к с . Спасибо, Фил. Но видишь ли, человек несчастлив лишь настолько, насколько он сам в этом убежден.

Ф и л и п п . Да просто нельзя так жить. Ты ничего не зарабатываешь.

А л е к с . Нет, почему, я остался в университете, мне там платят.

Ф и л и п п . Сколько там тебе платят!

А л е к с . А не нужно много зарабатывать, нужно мало тратить. Мои потребности — полдуката в день. На автомобиль я не собираю.

Ф и л и п п . Тяжелый у тебя характер. Никакая жена с тобой не уживется. Бывают неудачники поневоле. Ты неудачник — по заданной теории. Наука? — так тебе неизвестно, з а ч е м она! Талант у тебя — так ты не видишь для него цели!

А л е к с . Цель — вижу, пожалуй.

Ф и л и п п . Ну?

А л е к с . Скажу, только ты не смейся. Помнишь, говорил ты как-то, что гордился бы эстафету великой физики передать Двадцать Первому веку?

Ф и л и п п . Было, кажется.

А л е к с (подходя к проигрывателю). Так хотел бы я помочь донести туда одну эстафетку. Колеблемую свечечку нашей души. (Ставит иглу. Раздается негромко основная мелодия рондо из того же фортепьянного концерта. Алекс показывает ее трепет и перебегание. Выключает.) Там, в Двадцать Первом веке, пусть делают с ней, что хотят. Но только б не в нашем ее задули, не в на-

шем — стальном, атомном, космическом, энергетическом, кибернетическом...

Ф и л и п п (*недоумевая*). И что для этого практически надо делать?

А л е к с. Вот это-то и вопрос...

А л ь д а (*Эни*). Два дня у гроба перед фотокорреспондентами она рыдала у меня на плече и кричала: «Бедная девочка! я замечу ей отца!» Но едва завалили могилу, я была ославлена воровкой, интриганкой, будто я хотела пожитья папиным роялем. А папа действительно завещал его мне. Мои первые детские воспоминания: он сидит за ним и играет. И девочкой начинал учить меня на нем же... Впрочем, Аль говорит — хорошо, что рояль мне не достался, он не прошел бы ко мне ни в окно, ни в дверь.

Э н и. Как у них всё изменилось в доме! Библиотеку и рукописи распродали, Джума погнали на работу. Тилии был от железного капитана крепчайший нагоняй за то, что она сорвала нам работу с вами.

Ф и л и п п. Уже и Синбар выделяется в отдельный институт — медицинской кибернетики.

А л е к с. Финансируют? Те же хозяйева?

Ф и л и п п. А что тут плохого? У нас очень плодотворное направление.

А л е к с. Даже чересчур плодотворное! Мало-помалу вы подберетесь к чтению человеческих мыслей.

Ф и л и п п. Это было бы сверхзавлекательно! Но мысль оказалась изоэнергетична: правдивая и ложная мысль, утвердительная и отрицательная имеют одну и ту же энергию, и ничего не различишь.

А л е к с. Какое счастье!

Ф и л и п п. Прямо беда.

А л е к с. Так вы не успокойтесь, начнете щупать форму кривой, я знаю! И в один прекрасный день явятся к тебе джентльмены от учреждения из трех букв...

Ф и л и п п. Из трех букв?

А л е к с. УМЧ — Управление Мыслей и Чувств. Поставят охрану около твоих электронных машин — и начнут читать мысли граждан. Уж если и это придет в мир — пусть не через меня. Не хотел бы я тогда не только работать в твоём институте, но и жить на земле.

Ф и л и п п. Не знаю. Пока еще мы к этому не подошли.

А л е к с. «Детекторы лжи» уже есть, не за горами и это.

Ф и л и п п. Но — ты? Ты! Ты кибернетики отведал, уже от-

равлен и не бросишь. В какую ж подашься? В космическую?

А лекс. Ничего мы в Космосе не потеряли. Мы на земле теряем последнее наше.

Ф и л и п п. Так уж не в социальную ли? (*Хочет.*) К Тер-больму?

А лекс. Да вот есть два письма. Зовет.

Ф и л и п п. Да никакой у них поддержки нет, финансов нет, вообще — лавочка, мыльный пузырь! (*Читает.*)

А лекс. Он мне и магнитофонное письмо прислал. Из больницы. (*Ставит кассету.*)

Ф и л и п п. Что, опять у него с ногами? (*Читает, магнитофо-на не слушает.*)

Г о л о с Т е р б о л ь м а (*с ленты*). Вы всё спрашивали, Кориэл, за чем наука? Вот я снова лежу и вдруг с ясностью понял, что могу ответить. Не надо смущаться внешними целями науки — кто и куда хочет ее направить, для чего использовать. Кстати, уже не раз ее запрягали везти в одну сторону, а она смеялась и привозила в другую. Но кроме целей явных, видимых всем, у науки есть еще какие-то таинственные. Как у искусства. Наука нужна не только нашему разуму, но и нашей душе. Осознать мир и осознать человечество, может быть, так же необходимо нам, как... иметь совесть. Да, такая у меня гипотеза: наука нам бывает нужна и как совесть! (*Пауза.*) А сейчас... (*Филипп читает. Алекс пристально смотрит на него*) ...микрофон перенесут...

А лекс (*резко останавливая*). Дальше не важно.

Э н и (*Альде*). Живя со мной, он всегда весел, полон энергии. Само счастье наше неужели не оправдывает нас?.. А ее мы поместили в самую хорошую больницу.

Ф и л и п п (*отдавая письма*). Ха-ха-ха! Никакой солидности у фирмы! «Алгоритмы идеально-регулируемого общества!» — да откуда эти алгоритмы брать, если еще ни один мудрец их не придумал? Нет, скажи, зверь, чем тебе это направление лучше нашего?

А лекс. Да кой-какое преимущество в нем есть.

Ф и л и п п. Ка-кое?!

А лекс. Я понял так: биокибернетика — это вмешательство в самое совершенное, что есть на земле — в человека! Зачем?!! Напротив, социальная кибернетика дерзает внести разум туда, где вечно был хаос и несправедливость, вмешаться в самое не-совершенное из земных устройств — в человеческое общество.

Ф и л и п п. Так что это будет? Кибернетический социализм?

Алекс. Тербольтм клянется, что еще даже лучше социализма.

Филипп. Да вздор! Шарлатанство! Тербольтм — фанатик. И никаких боевых качеств у него нет — для пробивания.

Алекс. Ну, попробую добавить я.

Филипп. Да потом простое благоразумие: а государство? Да срубят вам всем головы, ты что уже — Каледонию забыл?

Алекс. Вот как раз тут мое преимущество перед тобой: ничего не имея, я ничего не боюсь потерять. Как хорошо, что мы с тобой поговорили! В разговоре-то я и понял: я к ним пойду! Я должен к ним идти!

Филипп. Смотри! В надежде на успех...

Алекс. В надежде? Нет! Ты не понял. Не в надежде, а в испуге! в боязни успеха! Я пойду к ним для того, чтоб не дать им когда-нибудь со временем стать Левиафаном, только электронным.

Филипп (холодно). Да?... Ну, смотри. Смотри.

Алекс (кладя руку ему на плечо, задушевно). Я смотрю, Фил, — на тебя! Все эти месяцы. И давно хочу тебе сказать, что...

Где-то близко — долгая сирена автомобиля.

Эни (Филиппу). Надо идти.

Алекс. Тебя зовут.

Филипп (вставая). Да...

Встают и женщины. Пауза. Все стоят.

Филипп. И всё же, Ал, я думаю — ты не совсем потерян.

Алекс. Я даже думаю — и ты. Тоже не совсем.

Альда взяла плащ.

Филипп. Ну, ладно, хоть не мешай мне поговорить с Альдой. Она собирается идти и мы ее проводим.

Алекс (делает задерживающее движение). Альда только что пришла. Никуда она...

Альда (освобождаясь). Нет-нет, Аль, мне надо идти.

Филипп (помогая Альде одеться). Перестань ты решать за других! Работу хорошую я могу предложить Альде? Ра-бо-ту?

Алекс. Да разве важно — это? Альда!

Альда. А что — важно? Ты разве сам — знаешь, что важно?

Уходят с Эни. Филипп треплет друга по плечу, тоже уходит. Опустив голову Алекс стоит посреди комнаты.

Гаснет свет. Позади возникает сияние. Это вспыхнули яркие фары, бьющие в окно. Алекс подбегает к окну, распаковывает его. Автомобиль, видимо, разворачивается. Затем, пронося лучи по комнате и воя мотором, минует окна. Но сияние не померкло. Второй автомобиль повторяет маневр первого и так же проносится с поворотом лучей по комнате, с таким же воем великолепного мотора.

А л е к с . Э-е, да они не одни приезжали! «Брызги бургундского»! И Тилия с Синбаром были тут. Корабли счастливых!..

Зажигается свет. Алекс понуро подходит, снова ставит магнитофонную ленту.

Г о л о с Т е р б о л ь м а . А сейчас микрофон перенесут от меня к Нике. Она тоже хочет вам сказать что-то.

Г о л о с Н и к и . Алекс! С тех пор, как Филипп привез меня сюда зимой, он не был у меня ни разу. И я подумала: а если он мучается? Если он просто боится растравить меня своим здоровым видом, своими радостями — и только поэтому не приходит? Тогда отдайте ему эту ленту.

Филипп! Филипп!! Я знаю, что мне уже не встать. И ты — не стыдись, живи своей жизнью. Побеждай!... И люби — кого ты хочешь. Я тебя не упрекну... Но один раз... весной. И летом один раз. И один раз осенью — ты приходи ко мне, не стесняйся. Посиди у меня часок. И так разговаривай, будто всё по-старому... Ну, что тебе стоит, Филипп?!..

Пауза.

Алекс! А если он не потому не приходит — слушать ленты ему не надо...

Алекс — в угнетенной позе. Откуда-то еле слышится мелодия одинокого рожка — это мелодия из «Зимнего пути», та самая. Алекс не видит, как за окнами появляется скробная фигура Альды в черном. Она с опущенной головой очень медленно проходит мимо закрытого окна, останавливается у открытого, печально смотрит сюда, вовнутрь. Затем так же с опущенной головой удаляется и еще неясно видна некоторое время при свете уличного фонаря.

З а н а в е с

Дневники. Воспоминания. Документы

Кандидат биологических наук

Ж. Д. Медведев

Биологическая наука и культ личности

ТРАГИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ АГРОНОМИЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ КАК ОБЕСПЕЧИВАЛАСЬ «ПОБЕДА» ВИЛЬЯМСИЗМА

Безраздельное господство лысенкоизма в генетике, селекции и агробиологии возникло в неразрывной связи с аналогичным процессом и в области земледелия, с установлением здесь господства агрономических идей академика Вильямса. Между научными школами Лысенко и Вильямса всегда существовала тесная связь. Еще в 1936 и 1937 гг., при обсуждении спорных проблем селекции и генетики на сессиях ВАСХНИЛ, заседания открывались чтением специальных посланий Вильямса, в которых он подчеркивал единство своей борьбы с «антитравопольщиками» с борьбой, которую проводил Лысенко против «реакционных» течений в генетике. Эта поддержка была взаимной, и после смерти Вильямса, последовавшей в 1939 г., он был причислен к лику святых основателей единой материалистической агробиологии. Для иллюстрации этого можно привести здесь программное высказывание на этот счет самого Лысенко:

«Учение Мичурина и учение Вильямса — это разные стороны одной материалистической биологии, разрабатывающей теоретические вопросы агронауки и практики.

Поэтому учение Мичурина и учение Вильямса, которые явно игнорировались, не признавались старой идеалистической реакционной бионаукой, стали в условиях социалистического с/х биологической основой нашей агрономии, слились в единую агробионауку. Эта единая агробионаука и является сейчас теоретической основой деятельности ВАСХНИЛ. В противовес реакционной теории убывающего плодородия почвы, учение Виль-

ямса диалектически правильно отражая законы развития почвы, дало агронауке возможность находить способы восстановления и улучшения условий плодородия. Это учение является теоретической биологической основой травопольной системы земледелия.» (Избр. соч.).

Сейчас наша сельско-хозяйственная наука переживает своеобразное похмелье после подведения итогов безраздельного господства в земледелии системы Вильямса. Инициативу в развенчании этой сугубо схоластической и оторванной от жизни системы проявил Хрущев, доказавший несостоятельность этой системы в масштабах всей страны и вскрывший те методы демагогии и репрессий, которыми эта система пробивала себе путь в 1933-37 г. г., когда против нее выступали крупнейшие ученые нашей страны — акад. Прянишников, проф. Дояренко, акад. Тулайков и многие другие.

Однако уместно проиллюстрировать еще несколькими примерами тот путь, по которому сторонники Вильямса добивались в 1933-37 гг. продвижения в практику сельского хозяйства всей страны травопольной системы земледелия, несмотря на то, что эта система не подвергалась никакой опытной проверке ни до, ни после ее внедрения. Первое постановление о травопольных севооборотах было принято в 1937 г. Агросистема Вильямса была основана исключительно на голословных, абстрактных спекуляциях в области почвоведения, оспариваемых, к тому же, большинством почвоведов нашей страны. Вильямс значительно раньше, чем Презент и др. члены группы Лысенко, стал на путь клеветнических обвинений своих научных оппонентов во вредительстве, восхваления собственной персоны в качестве единственно достойного представителя и толкователя правильных методов социалистического земледелия. Понятию «антитравопольщички» Вильямс всячески старался придать зловеший для того времени смысл, сравнимый, например, с понятием антимарксист. Вот что писал Вильямс о таких «антитравопольщичках»:

«Травопольная система земледелия — историческая необходимость для социалистического сельского хозяйства. Только эта система земледелия способна обеспечить дальнейший расцвет колхозов и совхозов, и поэтому учение о ней встречало и нагло неприкрытое и изощренно замаскированное противодействие со стороны таких антитравопольщичков. Под прикрытием лженаучных выражений «минеральных агрохимиков» (так Вильямс обозначал представителей научной школы акад. Прянишникова, основателя советской агрохимии — Ж. М.) в поход против травопольной системы земледелия двинулись враги народа, пробравшиеся в земельные органы» (Собр. соч. т. 5).

И свою острую полемику с такими «минеральными» и «формально-дедуктивными» агрохимиками Вильямс выдавал за проявление революционной пролетарской бдительности. В дискуссии с Вильямсом в начале 30-х гг. сложили головы (в буквальном смысле) многие ученые, однако, долгое время это обстоятельство ставилось не в вину, а в особую заслугу Вильямсу. Так, еще в 1935 г. в связи с 50-летием научной деятельности Вильямса, его ученики Азаев и Желтиков писали в журнале «Фронт науки и техники» (за 1935 г.):

«Враги пролетарского государства (Дояренко, Вольф, Коварский, Руднев и др.) горели классовой ненавистью к Вильямсу. Они понимали, что ученый-большевик Вильямс лучше чем кто-нибудь другой, способен облачить их вредительские махинации в области агрономии. Поэтому некоторые из них (Вольф) одним росчерком пера пытались зачеркнуть непревзойденные в области почвоведения и агротехники работы Вильямса, объявив их антимарксистскими и неприемлемыми для социалистического строительства. Эти моменты ясно говорят о том, что фронт науки есть фронт классовой борьбы. Позиция акад. Вильямса на этом фронте есть позиция ученого-большевика с присущей ему революционной бдительностью».

Устранив в начале 30-х гг. своих основных агрономических противников, «вильямсисты» полагали, что это расчистит путь для внедрения в сельское хозяйство их травопольной системы земледелия, урожаи от которой, по их голословным обещаниям, должны были расти сказочными темпами, даже без существенного развития промышленности удобрений. Вильямс не любил размениваться на мелочи и обещал колхозам 80-100 цент. с га как минимальный результат внедрения травопольной системы. В 1937 г. вопрос о травопольных севооборотах встал до уровня государственной проблемы, так как в этом году был подготовлен первый законопроект о внедрении правильных севооборотов на всей территории страны.

Коротко следует сказать об основных особенностях агросистемы Вильямса. Вильямс считал, что свойством плодородия обладает лишь мелко-комковая структурная почва и что структура почвы — это главное условие получения хороших урожаев. На бесструктурной и слабо структурной почве, по мнению Вильямса, нельзя получить хороших урожаев даже при использовании удобрений и достаточном увлажнении. Поэтому применение удобрений на неструктурных почвах Вильямс считал бесполезным. А к таким почвам он относил большую часть пахотных зе-

мель страны. О том, какое значение придавалось Вильямсом прочно-комковатой структуре, говорит следующее его утверждение:

«Если максимальный урожай на бесструктурной почве равен 16 ц. на 1 га, то на структурной почве он должен быть равен 160 ц. зерна, причем это будет не максимальный, а нормальный урожай. Разве это не повелительное указание на необходимость перехода к хозяйству на структурной почве!? А так как нам известен только один способ создания и поддержания структурности почвы — посев смеси многолетних трав — основы правильного травопольного севооборота, то и задачей третьего пятилетия может быть только введение этих севооборотов и установление остальных мероприятий, слагающих правильный севооборот» (В. Р. Вильямс, «Минеральная агрохимия и правильный травопольный севооборот», «Фронт науки и техники», № 10, 1937 г.).

Десятикратное увеличение урожая только за счет внедрения в севооборот 30-40% смеси бобовых и злаковых трав — это была, конечно, чистейшая фантастика, и за этими опусами не было никаких опытов, никаких фактических данных. Вильямс приводил их на основании совершенно абстрактных соображений о водоудерживающих свойствах разных почв. И находились люди, которые верили ему и ориентировали сельское хозяйство страны на этот антинаучный, авантюристический путь. И это давало Вильямсу основание для торжественных заявлений такого, например, типа:

«По-видимому, ЦК ВКП(б), СНК СССР, нарком земледелия и Госплан во главу угла третьего пятилетия поставят не усиление удобрения почв Союза, а приведение их в структурное состояние путем введения в колхозах и совхозах правильных, т. е. травопольных севооборотов и усиления внимания к животноводству, т. е. заботу о кормовой площади. Акад. Прянишников считает, что на 1942 г. Наркомтяжпром должен довести производство минеральных удобрений до 24 млн. тонн, по-видимому, в год. Конечно, с этим никак нельзя согласиться, даже если учесть все те потребности, какие привлекают внимание акад. Прянишникова. Я же стою на иной точке, чем Прянишников, и поэтому его школа считает меня заклятым врагом удобрений и ставит это в большую вину».

Однако такая аргументация не всегда казалась Вильямсу достаточно надежной, и он добавлял к ней и такого рода высказывания:

«Мечта о получении урожая на почве бесструктурной — это иллюзорная мечта минеральных агрохимиков и притом мечта вредная, перерастающая в контрреволюцию, плохо замаскированная ложно-научной обстанов-

кой» (Газета «Тимирязевка», от 17. XII. 1937 г., «О травопольных севоборотах»).

Нам кажется, что эти краткие сведения из области агрономии отчетливо показывают существо расхождений между школами Вильямса и Прянишникова. Прянишников настаивал на развитии химической промышленности минеральных удобрений, на одногодичных чистых посевах клевера без злакового компонента (это улучшало баланс азота в почве, упрощало семеноводство клевера и обеспечивало реальное увеличение плодородия почвы) и на интенсификации сельского хозяйства путем введения пропашных севооборотов с посевом более урожайных культур (по типу развития сельского хозяйства в Западной Европе). Этот путь был обоснован практически и исторически. Вильямс предлагал воздержаться от развития промышленных удобрений, расширить посев клевера только в смеси с тимофеевкой и другими злаковыми травами при двух-трех годовой непрерывной культуре трав (это снижало азотофиксирующее значение клевера), посев яровых по пласту трав, вместо более урожайных озимых, и отказ от ряда полезных сельскохозяйственных орудий (например, бороны и культиватора), якобы разрушающих структуру почвы.

Путь, который предлагал Прянишников, был уже апробирован во многих экономически развитых странах и, прежде всего, в Западной Европе. Этот путь обеспечивал немедленный эффект. Прянишников обосновывал его также обширным фактическим материалом собственных исследований и опытом передовых хозяйств. Прянишников настойчиво указывал на то, что развитие промышленности химических удобрений имеет важнейшее оборонное значение, ибо в основе производства, например, селитры и взрывчатых веществ лежат те же технологические процессы. Прянишников писал также, что производство суперфосфата — есть в то же время и производство серной кислоты, крайне важной для нужд обороны страны. Еще в 1924 г. Прянишников напечатал патриотическую статью «Нужды сельского хозяйства и задачи военной обороны», в которой отмечал, что производство минеральных удобрений определяет и военный потенциал страны.

Путь, который предлагал Вильямс, не был проверен нигде, он не подкреплялся и опытными данными, а вытекал лишь из весьма сомнительных гипотетических построений Вильямса о так называемом «едином почвообразовательном процессе». Повышение урожая обещалось лишь через 9-10 лет (после создания структуры во всех полях севооборота). Развитие производства

удобрений предлагалось начать тоже лишь через 8-10 лет. В этом требовании налицо была явная недооценка оборонных государственных интересов, требовавших наличия в СССР мощной химической промышленности. Предоставлять немецкому фашизму явное превосходство в химическом отношении перед лицом неизбежной войны было непростительной близорукостью.

Путь Прянишникова — это был путь, предлагаемый настоящим ученым и патриотом родины, путь научного земледелия. Путь Вильямса — это был путь кабинетного творчества, фантазера и фанатика, у которого под прикрытием громких фраз о родине и социализме было скрытое желание любыми средствами установить в науке и практике господство собственных идей. Последователи Вильямса также шли по этому же пути. По расчетам Прянишникова, производство минеральных удобрений следовало довести до 24 млн. тонн еще в 1942 г. И это удовлетворяло бы лишь минимальные потребности сельского хозяйства страны. Однако этот уровень далеко не был достигнут и к 1962 г. По сообщению ЦСУ СССР («Правда» от 24. 1. 1962 г.), производство минеральных удобрений в 1961 г. составило лишь 15,3 млн. тонн. Намечавшиеся по производству удобрений плановые задания в довоенные и послевоенные годы систематически занижались и не выполнялись, и фактически рост этой важнейшей отрасли сельского хозяйства и промышленности осуществлялся в течение последних 25 лет недопустимо медленными темпами. Игнорирование якобы реакционного, а на деле объективного закона выноса и возврата в течение столь длительного отрезка времени вело фактически к хищническому использованию земли, к истощению, к низким урожаям всех культур, к застою в развитии сельского хозяйства.

Таковыми оказались плоды длительного засилья в агронауке комбинации Лысенко-Вильямса и безудержного восхваления идей Вильямса, которое он до своей смерти энергично осуществлял сам. После же его смерти с утроенной энергией продолжали Лысенко и его питомцы, причислившие Вильямса к лику святых создателей «единой мичуринской агробиологической науки» и оградившие его от всякой критики.

Как же протаскивал Вильямс свою вздорную агросистему? Как удавалось преодолевать ему сопротивление противников? Как сумел он настолько загипнотизировать планирующие государственные органы, что они приняли на веру его фантастические обещания о 100-160 ц. пшеницы с га лишь за счет разложения корней рыхлокустовых многолетних злаков?

Некоторые объясняют это какими-то магнетическими свойствами личности Вильямса, его способностью красиво говорить и красиво писать, его умением увлекать, зажигать сердца молодежи и т. д. Может, отчасти это и правильно.

Однако за внешней диалектичностью теории Вильямса скрывалась часто их научная несостоятельность, за видимым применением диалектики — демагогия, а стремление «зажигать сердца» сочеталось с расчетливой способностью к клевете, дискредитации и шельмованию своих научных оппонентов. Вильямс и его школа состояли из людей, которые умели сполна использовать в своих собственных целях трагическую атмосферу царившего тогда культа личности. Это можно проиллюстрировать рядом типичных примеров борьбы между вильямсистами и сторонниками научного рационального земледелия. Прежде всего, в связи с дискуссией вокруг проекта о введении правильных севооборотов, открывшейся в 1937 г., Вильямс осуществил демагогический нажим на отдел севооборотов НКЗ, который и без того сотрясился от непрерывных арестов (в 1937 г. последовательно были арестованы два наркома земледелия — Чернов и Эйхе). В статье, опубликованной в «Правде» (от 9 мая 1937 г.), Вильямс писал:

«Люди, которые возглавляют сейчас проектирование севооборотов в НКЗ СССР, или не понимают, или долгое время не хотели понимать всю порочность предпосылок, положенных в основу этого дела не ими, а вредителем Вольфом. Свое объективно вредное, а со стороны некоторых (Вольф) и субъективно вредительское дело они прикрыли бесспорным и правильным указанием правительства о недопустимости в целом сокращать площади под зерновыми культурами».

В том же 1937 г., в момент широкого обсуждения первого проекта о введении правильных севооборотов, «вильямсисты» осуществили гнусную провокацию против школы Прянишникова, обвинив во вредительстве группу его учеников, выполнявших по его инициативе и под его руководством большую и ценную работу по составлению почвенно-агрономических карт, дифференцированно выявлявших потребность в удобрениях на 14 млн. га пахотных земель.

В связи с этим в созданном по инициативе Прянишникова Всесоюзном институте по удобрениям были арестованы 12 человек во главе с директором Запорожцем. Все они были впоследствии реабилитированы (следует отметить, что созданный Прянишниковым институт удобрений в 1936 г. был слит с агропочвенным институтом, руководимым Вильямсом и Бушинским. Находясь в одном институте, последователи Вильямса, вместо сотруд-

ничества, начали открытую борьбу с агрономической школой Прянишникова). На пост директора этого института был назначен сторонник Вильямса Усачев. Выступая в марте 1937 г. на заседании актива ВАСХНИЛ, Усачев похвастался как особым достижением тем, что «в системе ВИУАА были разоблачены 12 врагов народа, занимавших руководящие посты». И далее Усачев восклицал:

«Что же мы сделали, чтобы ликвидировать последствия вредительства? Мы выявили и продолжаем выявлять новые и новые корни вредительства, разоблачили троцкистов Сигаркина (зам. директора ВИУАА-Ж.М.), Диккуссара и ряд других». (Бюллет. ВАСХНИЛ № 4, 1937 г.).

Однако наступление на школу Прянишникова этим не ограничилось. Через несколько месяцев, незадолго до принятия решения о севооборотах, вопрос о вредительстве в агрохимии был вновь вытаскен на свет одним из учеников Вильямса, работавшим в отделе агропочвоведения ВИУАА — Ляшенко. Этот клеветник сумел напечатать в «Правде» от 4. IX. 1937 г. необыкновенную статью «Агрохимические карты и урожай», в которой полезнейшее дело — составление агрохимических карт, выявлявших обеспеченность разных почв питательными веществами для растений — объявлялось вредительским. Ляшенко писал в этой статье о возглавляемом Прянишниковым агрохимическом отделе института удобрений (ВИУАА) следующее:

«Здесь ведутся все научно-исследовательские работы по удобрениям и применению их в совхозах и колхозах. Здесь составляются почвенно-агрохимические карты важнейших сельскохозяйственных районов страны. В институте долгое время подвизалась группа врагов народа. Для составления агрохимической карты они привлекли Кондратьевцев — Туткевича, Нетенко и некоего Найдина. Эти, с позволения сказать, «агрохимики» и взялись за разработку методики составления карт. Вздыхая по кулацким хозяйствам, где они во времена оно проводили опыты по внесению удобрений, новоявленные «агрохимики» сделали всё для того, чтобы превратить агрохимические карты в тормоз повышения урожайности. ВАСХНИЛ и НКЗ не контролировали работы института и прозевали вредительскую деятельность врагов народа». «...Враги народа, орудовавшие в институте, были разоблачены и обезврежены. Перед новым руководством института — директором Усачевым и зам. директора Павловым — встала задача ликвидировать последствия вредительства. Вредительство на этом участке еще не распутано. НКЗ Союза, ВАСХНИЛ и институт удобрений ничего не предпринимают, чтобы разгромить вражьи гнезда».

Следует отметить, что ученик Прянишникова проф. Найдин и сейчас работает в этом институте и является одним из наиболее

известных и авторитетных агрохимиков. Аналогичные обвинения появились и в газете «Социалистическое земледелие» (от 21 сентября 1937 г.).

Указанная статья Ляшенко явилась поводом для обсуждения вопроса об этих картах на пленуме секции агрохимии и почвоведения ВАСХНИЛ в ноябре 1937 г. В серии подписанных инициалами С. В. информации о пленуме читаем:

«Достоинно удивления поведение председателя пленума акад. Прянишникова. Председатель всякий раз прерывал ораторов, как только тот или иной товарищ выходил за рамки чисто технических вопросов и касался подрывной работы врагов народа в области химизации земледелия» («Социалистическое земледелие» от 16 ноября 1937 г.). «...Пленум осудил выступление и поведение на пленуме акад. Прянишникова, как недостойное советского ученого». («Социалистическое земледелие» от 20 ноября 1937 г.).

Через несколько месяцев газета «Социалистическое земледелие» вновь почтила своим вниманием акад. Прянишникова. В уже упоминавшейся ранее статье «Беспощадно выкорчевывать врагов и их охвостье из научных учреждений», писали:

«Отношение некоторых академиков к задаче ликвидации последствий вредительства видно на примере последнего пленума секции химиков. Научная общественность помнит, что председатель этой секции акад. Прянишников прямо заявил: не дело академии заниматься ликвидацией последствий вредительства — это прерогатива других органов. Президиум Академии даже не обсуждал этого возмутительного факта».

Решение пленума по этой «дискуссии» приняло установки Вильямса. Они весьма оригинальны. Было решено продолжать и впредь работу по составлению этих карт, но именовать их не почвенно-агрохимическими, а просто почвенными. С тех пор и фактически до настоящего времени при составлении почвенных карт для колхозов внимание обращалось уже не столько на содержание в почве элементов, сколько на морфологическое описание и характеристику их структур («...почва слабо оподзоленная, суглинистая, мелкокомковатая и т. д.»). В кабинете председателей колхозов такие карты висели в основном лишь для украшения. О том, что эта стойившая жизни ряду сотрудников института удобрений грязная клевета о вредительстве в химизации земледелия исходила в конечном счете от Вильямса, легко догадаться по информационной статье «Отказ от агрохимических карт» («Фронт науки и техники» № 3 за 1938 г.). Повторяя измышления о «вредительстве врагов народа, засевших в ВИУАА», о том, что «пре-

зидиум ВАСХНИЛ прозевал вредительскую работу» и т. д., статья сообщает:

«По заявлению акад. Вильямса, выводы пленума секции агрономической химии ВАСХНИЛ относительно агрохимических карт, вопреки стараниям «минеральных агротехников», правильно отмечают необходимость...»

Следует отметить, что Вильямс не скупился на необоснованные обвинения, и не только тогда, когда это касалось почвоведения или земледелия. Он охотно вносил такую же лепту и в дискуссию по генетическим вопросам, не обладая даже смутными представлениями о существовании разногласий сторон. Об этом можно судить из статьи Дворянкина в газете «Тимирязевка», сообщавшей следующие подробности визита Лысенко в сельскохозяйственную академию им. Тимирязева:

«После беседы у т. Колеснева, Т. Д. Лысенко посетил акад. Вильямса и поблагодарил его за письмо к сессии с/х академии, в котором Василий Робертович горячо поддержал теоретические концепции акад. Лысенко. Полчаса продолжалась дружеская беседа двух выдающихся ученых. Василий Робертович сказал, что он решил выступить со своим письмом на сессии потому, что дискуссия по вопросам селекции и генетики обострялась совсем не случайно, она есть выражение классовой борьбы. Это классовая борьба в науке. А враг и в науке не отдаст без боя своих позиций».

В споре с Вильямсом в 1936-37 гг. школа Прянишникова понесла, как мы видели, серьезные потери. Однако, несмотря на эти потери, школа Прянишникова сохранилась и сохранила свои научные убеждения. Эта крупнейшая агрошкола нашей страны была вновь потрепана уже после смерти ее основателя, в конце 1948 г., когда августовская сессия ВАСХНИЛ проложила травопольной системе земледелия столбовую дорогу. Однако и этот период не поколебал рядов школы Прянишникова, хотя они снова сильно поределели.

Прянишников был создателем всей советской агрохимии, а агрохимию как науку нельзя было уничтожить. В нашей стране нет ни одного ученого-агрохимика, который бы не был воспитан на классических трудах академика Д. Н. Прянишникова, корифея науки, ученого с необычайно широким диапазоном интересов, внесшего крупный вклад не только в развитие агрохимии, но и в развитие биохимии и физиологии растений, земледелия и растениеводства. Прянишников был действительно передовым, настоящим ученым, он был патриотом родины, верным сыном русского народа. За свою долгую жизнь Прянишников объездил всю страну вдоль и поперек. Двадцать раз он выезжал в научные командировки за границу. Мировое земледелие он знал не только по

книгам. Несмотря на противодействие Вильямса и его последователей, Прянишников сумел сделать очень многое для своей страны и для своего народа, он оставил нам богатейшее научное наследие. И не разочарование, не забвение, а уважение растет с годами к памяти и трудам этого великого человека, классика науки. Он был мужественным борцом за настоящую науку, но он был слишком благороден для того, чтобы открытую борьбу заменить провокациями и интригами. Он был безоружен перед подлостью и пережил много горьких лет, наблюдая трагедию советской биологии и агрономии.

Следует также отметить, что Прянишников очень любил Вавилова и ценил его как великого ученого. Вавилов был фактически учеником Прянишникова. Окончив в 1910 г. московский сельскохозяйственный институт, Вавилов несколько лет работал при кафедре частного земледелия, которую возглавлял тогда Прянишников. Арест Вавилова потряс Прянишникова до глубины души. Не веря в какую-либо виновность Вавилова, Прянишников добился приема у Берия, пробравшегося в тот период на пост наркома НКВД, и очень энергично ходатайствовал об освобождении Вавилова, гарантируя его патриотизм и невиновность. Берия, однако, отклонил ходатайство Прянишникова. В 1941 г., в начале войны, когда Вавилов находился уже в заключении, Прянишников, бывший в эвакуации, неожиданно для всех телеграммой в Комитет по Сталинским премиям представил Вавилова к премии за создание мировой коллекции культурных растений. Этот благородный поступок Прянишникова был, несомненно, актом отчаяния и горечи, и в то же время он олицетворял его благородное мужество в борьбе против произвола.

Вильямс был в известной степени антиподом Прянишникова, и их личные отношения носили антагонистический характер, несмотря на то, что они оба работали на одном факультете сельскохозяйственной академии им. Тимирязева. Потенциально Вильямс был, по-видимому, крупным ученым. Однако на развитие его научной деятельности и психики наложил сильный отпечаток его физический недуг — паралич части тела, от которого он страдал более двадцати лет своей жизни. Этот тяжелый недуг приковал Вильямса к небольшому участку возле дома, расположенного рядом с возглавлявшейся им кафедрой почвоведения, и лишил его возможности проводить настоящие лабораторные и полевые эксперименты. Именно этот физический недуг превратил Вильямса в кабинетного проповедника, и лишил его мысль связи с жизнью, не лишив его в то же время мании величия и желания командо-

вать. Он, кроме того, некритически относился к людям. И если Прянишников вырастил обширную плеяду настоящих ученых, то вокруг Вильямса собрались в основном карьеристы, подхалимы и догматики, люди, способные на все, кроме серьезного научного творчества. В недавнем прекрасном очерке Писаржевского о жизни и научных принципах Прянишникова («Известия» от 13. 3. 1962 г.) указывается, что Прянишников не считал ученых, группировавшихся вокруг Вильямса, его учениками:

«...Как-то однажды, нападая на проповедников беспочвенных измышлений сторонников травополья, акад. Прянишников упомянул об «учениках Вильямса», но тут же прервал себя, горестно махнув рукой: «Да нет, какие тут уж ученики...»

Этот характерный эпизод, описанный Писаржевским, несколько неполон. Прянишников вслед за этим добавил: «Один лишь ученик у Вильямса, и тот — Бушинский».

Последние годы своей жизни, т. е. как раз те годы, к которым в основном относятся описанные события, Вильямс был уже в столь плохом физическом состоянии, что он физически уже не нес полной ответственности за свои поступки и за то, что выходило за его подписью. Этим и пользовались окружавшие его карьеристские элементы.

Другой крупной агрошколой, выступившей в 1936-37 гг. против идей Вильямса и применения на юге и юго-востоке СССР травопольной системы земледелия, была школа выдающегося ученого акад. Тулайкова, организатора и первого руководителя Всесоюзного научно-исследовательского института зернового хозяйства в Саратове. В связи со своими выступлениями против системы Вильямса, Тулайков был арестован в 1937 г. и погиб. В обиходе в тот период появился даже термин «тулайковцы», который был почти равносителен понятию «враги народа» и который был использован для полного разгрома в 1937 г. этого прогрессивного агроцентра нашей страны. В газете «Сельская жизнь» от 6 января 1962 г. опубликована большая статья, возрождающая светлый образ Тулайкова, образ крупного ученого и патриота, человека принципиального и смелого.

Тулайков отчетливо показал в своих исследованиях, что гипотеза Вильямса преувеличивает роль структуры почв для их водного режима, и, в свою очередь, сильно преувеличивает роль многолетних трав в создании прочной структуры почвы. Акад. Тулайков особенно подчеркивал бесполезность многолетних трав в севооборотах засушливой зоны и настаивал на необходимости специализации хозяйств и увеличении посевов кукурузы в юж-

ных районах страны. Тулайков резко выступил против замены на юге и юго-востоке СССР озимых сортов пшеницы яровыми, дававшими значительно более низкие урожаи из-за резкого дефицита влаги во второй половине лета. Тулайков отчетливо показал фальсификацию науки в работах Вильямса и его последователей.

Акад. Тулайков погиб в борьбе с травопольной системой Вильямса, однако, лично винить Вильямса в его смерти, по-видимому, нельзя. Непосредственным поводом для разгрома школы Тулайкова явилась статья аспиранта Лысенко Столетова «Против чуждых теорий в агрономии», опубликованная 11 апреля 1937 г. в «Правде». В. Столетов (впоследствии заместитель министра высшего образования, начальник ВАК) резко обрушился на две выпущенные Сельхозгизом книги акад. Тулайкова, посвященные вопросам развития сельского хозяйства нашей страны. Акад. Тулайков развивал в этих книгах правильные идеи, идеи, которые, к сожалению, только недавно, в связи с решениями ряда Пленумов ЦК КПСС, пробили себе путь в сельскохозяйственную науку и практику. Столетов необъективно и демагогически подошел к оценке этих идей и выдвинул против Тулайкова ряд необоснованных обвинений. Это очень наглядно видно из отношения Столетова, например, к идее Тулайкова о децентрализации и дифференциации управления текущей работой колхозов в разных зонах СССР. Вот что писал по этому поводу Столетов:

«Своими пространными рассуждениями о дифференцировании приемов Тулайков старается вышибить из-под агрономии, с одной стороны, ее научно-теоретическую базу и возможность обобщений стахановского опыта, а с другой — госпланирование агротехнической политики нашего земледелия. «Нельзя по раз установленному рецепту давать указания, как и когда нужно ухаживать за паром, когда начинать и кончать посевы яровых или озимых в колхозе «Путь к социализму», для получения в нем высоких урожаев. Даже из самых ответственных учреждений Москвы можно дать такие указания лишь в том случае, если дающий советы лично и очень хорошо знает все условия, в которых находится колхоз «Путь к социализму», — так пишет Тулайков. Подменив научные принципы готовым рецептом, Тулайков создал себе позиции для обстрела государственного планирования агротехнической политики. Каждому понятно, кого имеет в виду Тулайков, когда он говорит о самых ответственных учреждениях Москвы. Понятно также, чему служит и манера Тулайкова доводить каждое положение до бессмыслицы — нельзя, мол, давать из Москвы рецепт колхозу «Путь к социализму» (само название колхоза, приведенного здесь для примера, неудачно). Руководствуясь и прикрываясь тулайковским пониманием дифференциации агроприемов, враг, ссылаясь на местные условия, может

сорвать любое принципиальное агроуказание, даваемое в постановлениях ЦК ВКП(б) и СНК СССР».

Так оценил Столетов простые и разумные предложения Тулайкова; а эти необоснованные глупые обвинения, эта высосанная из пальца «бдительность» весьма характерна для лиц, использовавших в своих интересах трагедию 1937 г., сыграли печальную роль в судьбе выдающегося ученого. Статья Столетова резко активизировала противников Тулайкова. Это отчетливо видно из материалов информационной статьи Ларионова, опубликованной в Бюллетене ВАСХНИЛ и озаглавленной в тон статье Столетова «Саратовский рассадник чуждых теорий»:

«Лишь после помещения статьи Столетова в «Правде», — сообщал Ларионов, — общественность института наконец раскачалась и созвала специальное собрание сотрудников для обсуждения этой статьи. Выступавшие на собрании проф. Смирнов, Гуляев, Захарьин и другие, правильно отметили, что ошибочным высказыванием акад. Тулайкова пользовались и пользуются сейчас враги народа, вредители в области сельского хозяйства, троцкисты и их правые сообщники. Собрание сотрудников института, созванное для обсуждения статьи т. Столетова, бесспорно является первым шагом по пути ликвидации саратовского рассадника реакционных теорий в агрономии».

Так окончилась деятельность акад. Тулайкова, расстрелянного в 1938 г. И так началась быстрая карьера В. Столетова.

Нелишне, по-видимому, отметить, что акад. Тулайков был близким другом Вавилова и его постоянным советником на посту вице-президента ВАСХНИЛ. В одном из писем Тулайкова к Вавилову, хранящемся в случайных остатках архива его писем (большая часть ценнейшего архива Вавилова, погруженного и увезенного после его ареста на нескольких грузовиках, была уничтожена органами НКВД), Тулайков писал о своем восхищении практической и теоретической деятельностью Вавилова, его вкладом в развитие науки и сельского хозяйства СССР.

Вильямс торжествовал к концу 1937 г. «победу» своего травопольного учения. Но это торжество было для него недолгим — он умер в 1939 г. Однако крикливая плеяда его учеников и последователей сполна использовала в последующие годы раздутый культ Вильямса, обеспечив себе прочно господствующее положение на многих ответственных постах. Эти люди (Бушинский, Чижевский, Дмитриев, Демидов, Азаев, Желтиков и др.), не дав в последующие годы ничего полезного ни науке, ни практике, жили лишь за счет эксплуатации той славы, которая совершенно незащищенно воздавалась Вильямсу.

Начавшаяся война временно похоронила травопольную систему. Стране был нужен хлеб, а не мелко-комковая структура почвы с обещанием феноменальных урожаев через 8-10 лет. Стране нужны были взрывчатка, порох, кислоты — всё это должна была дать химическая промышленность, развитию которой Вильямс всячески препятствовал. Он называл этот путь «бесплезным омертвлением народных миллионов», «выбрасыванием денег на ветер». К счастью, в Госплане и СНХ СССР были люди, которые прислушивались и к голосу Прянишникова, и к началу войны у нас уже было немало заводов по производству удобрений. Они были срочно пущены на производство оборонной продукции, и это был достойный вклад прянишниковской агрохимии в разгром немецкого фашизма. Оспаривать значение химизации земледелия уж никто не решался, и о волшебной системе Вильямса в годы войны как-то начали забывать. Однако это забвение было лишь временным. В 1948 г. эта система была вновь вытащена на свет и принудительно распространена по всей территории Советского Союза. Слава Вильямса была вновь раздута до баснословных размеров, а агрохимическая школа Прянишникова была вновь объявлена реакционной. Это случилось в 1948 г., всего лишь через несколько месяцев после смерти самого Прянишникова — этого великого корифея советской науки, прожившего долгую, интересную и боевую жизнь и сослужившего прекрасную службу своему народу.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РАЗГРОМ СОВЕТСКОЙ БИОЛОГИИ В 1948-50 гг. И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Знаменитую сессию ВАСХНИЛ в августе 1948 г. называют исторической. И это действительно так — августовская сессия навсегда вошла в историю науки и человечества. И она никогда уже не будет забыта. Она останется в летописи человеческой истории, но только как пример бессмысленного уничтожения достижений биологической науки в масштабах огромного государства, как пример произвола и надругательства над убеждениями ученых. Эту сессию будут всегда вспоминать, но лишь как гигантский погром и великий обман, отбросившие советскую биологическую науку на десятилетия назад и на много лет остановившие развитие сельского хозяйства нашей родины в угоду небольшой группе невежественных людей.

Сразу же после этой сессии, на основании надуманных, кле-

ветнических и извращенных обвинений в идеализме, реакционности, морганизме, вейсманизме, пособничестве империализму и буржуазии, менделизме, антимичуринстве, низкопоклонстве перед Западом, вредоносности, расизме, космополитизме, формализме, бесплодности, антимарксизме, антидарвинизме, отрыве от практики и т. д., — были уволены с работы или понижены в должности около трех тысяч ученых — лучших и наиболее квалифицированных представителей советской биологии. Вина этих ученых состояла только в одном — они не всегда были согласны с идеями и гипотезами, которые выдвигались Лысенко, Презентом, Глущенко, Ольшанским и рядом других представителей этой группы. Одновременно и в связи с этим увольнялись и противники травопольной системы земледелия Вильямса.

В последующие годы (1949–50) к этим репрессиям были добавлены репрессии против ученых, не согласившихся с концепцией О. Лепешинской, и против так называемых «антипавловцев» (термин искусственно придуманный в то время для удобства обвинений). Вздорные антицитологические концепции Лепешинской, порожденные элементарной методической неграмотностью, были объявлены одной из основ мичуринской биологии, и всякая критика их была запрещена в течение нескольких лет. Учение великого физиолога Павлова было, конечно, правильным, но оно было гипертрофировано до абсурда и гонения на всех инакомыслящих, объявленных идеалистами, копировали в этот период погромные методы августовской сессии ВАСХНИЛ. В качестве «антипавловцев» и идеалистов были уволены и в течение нескольких лет не имели возможности вести научную работу такие выдающиеся советские ученые, как акад. Орбели, Л. Штерн, Анохин, Бериташвили и многие другие. В стране в эти годы были закрыты многие прекрасные генетические, цитологические, физиологические лаборатории. Seriously пострадал в связи с этими бессмысленными преследованиями научный, государственный и политический престиж нашей родины. Буржуазные газеты получили материал для антисоветской пропаганды, усиленно эксплуатируемый и до настоящего времени. Но главное — это ущерб, который был нанесен в связи с этими событиями сельскому хозяйству, медицине и ряду других отраслей народного хозяйства. Этот ущерб начинает сейчас выявляться с полной очевидностью, но истоки его далеко не всегда правильно понимаются и устанавливаются, и последствия его часто предлагается устранять тем же лицам, которые несут прямую ответственность за этот ущерб.

И как бы ни хотелось кому-либо скрыть от других и от самих

себя горькую правду этой трагической истории, это невозможно сделать ради нашей же собственной пользы. Этого не следует делать еще и потому, что сейчас мы нередко наблюдаем в биологии отчетливые рецидивы погромных настроений, еще и в настоящее время имеются группы ученых, стремящихся удержать свои позиции с помощью демагогии. Еще и до сих пор в умах философов, политиков и широкой общественности устойчиво сохранилась привычка делить советских биологов на два противоположных лагеря с отчетливой тенденцией повторения всё тех же бессмысленных критических обвинений в адрес противников Лысенко и его окружения.

Мы должны посмотреть правде в глаза для возрождения нашей биологической науки, для возрождения многих прогрессивных направлений, ошельмованных в 1948 г. и шельмуемых по традиции до настоящего времени. Но это, пожалуй, не только традиция. Слишком много людей связали свою карьеру и обеспечивали свое положение в науке преследованием своих оппонентов, слишком много людей изменили свои убеждения под влиянием принуждения, низости души или борьбы между партийной дисциплиной и научной совестью (членов партии в ряде учреждений ставили перед альтернативой — заявить об отказе от менделизма-морганизма или выйти из рядов партии). И этим людям хочется думать, что это было сделано не напрасно. Но иллюзии обманутых недолговечны, а произвол — это не метод науки. Рано или поздно, но нам нужно взглянуть в глаза беспощадной правде и чем раньше это будет сделано, тем это будет лучше для советской науки.

Описанные в предыдущих главах трагические для нашей науки события были прерваны войной. Теоретические споры были на время забыты для того, чтобы возобновиться в 1945-46 гг., в связи с публикацией Лысенко малоубедительной, но претенциозной статьи об отсутствии в природе так называемой внутривидовой конкуренции, признание которой всегда было одной из основ дарвинизма. Публикация этой статьи расширила сферу лысенкоизма, приведя его в столкновение с интересами пока еще не терроризированных групп ученых (ботаников, морфологов, зоологов, дарвинистов), которые сразу выступили с критикой новых идей акад. Лысенко.

Характерен один эпизод начала этой дискуссии, свидетелем которого был и автор настоящего очерка, в то время студент Московской сельскохозяйственной академии им. Тимирязева, начавший научную работу на кафедре ботаники под руководством акад.

Жуковского. В 1945 г. Лысенко впервые сделал свой доклад, отрицавший наличие в природе внутривидовой конкуренции. Уверенность Лысенко в прочности своей аргументации была столь велика, что он сам предложил проф. Жуковскому написать критические замечания. Лысенко пообещал напечатать возражения проф. Жуковского рядом со своей статьей в редактируемом им журнале «Агробиология». Проф. Жуковский, крупнейший биолог, ученый, обладающий энциклопедическими знаниями, ученик и соратник Вавилова, честно принял вызов Лысенко. Мы, молодые студенты, горячо обсуждали статью Жуковского, которую он прочел нам перед передачей ее Лысенко. Статья Жуковского содержала основательную и убедительную критику концепции Лысенко, была интересной, логичной и блестящей по форме.

Прочитав эту статью, написанную по его же просьбе, Лысенко был взбешен и категорически отказался ее напечатать в своем журнале, опубликовав в нем только свою статью без всяких изменений и исправлений.

Жуковский решил не сдаваться и опубликовал свою статью в 1946 г. в журнале «Селекция и семеноводство» под заголовком «Дарвинизм в кривом зеркале». Ответом на эту статью явилась грубая демагогическая статья Лысенко в «Правде» под заголовком «Не в свои сани не садись». Не только бестактно грубый заголовок статьи Лысенко, но и все ее содержание было бессмысленным и злобным.

Ответ Жуковского, направленный им в ряд печатных органов, не был опубликован. Согласно действовавшему в тот период неписаному правилу, спорить с «Правдой» было нельзя, и Лысенко всегда старался использовать это правило. В связи со статьей Жуковского, журнал «Селекция и семеноводство» опубликовал также статью Дворянкина, наиболее активного сторонника Лысенко. Эта статья была озаглавлена «Дарвинизм в менделистском зеркале». Содержание статьи было весьма поверхностным и ее основную часть составляла ругань.

Через некоторое время Лысенко снова выступил в журнале «Агробиология» со статьей, озаглавленной «О кривом зеркале и некоторых антидарвинистах». Меткий заголовок полемической статьи Жуковского сильно задел, как мы видим, самолюбие лысенковцев. С этого момента была начата травля Жуковского, который за выступление в защиту дарвинизма был причислен к антидарвинистам и морганистам, хотя он был ботаником-систематиком и экспериментатором и не имел прямого отношения к генетике.

Начало этой дискуссии изменило и мои личные представления о Лысенко. До этого момента я воспринимал спор в области генетики и дарвинизма как действительно научный спор, в котором, как мне казалось, обе стороны заслуживают право на уважение. Наблюдая характер начала дискуссии в области дарвинизма, я понял, что для Лысенко и его последователей важнейшей целью являлось что угодно, но только не выяснение научной истины.

Дискуссия по проблемам дарвинизма захватила многих ученых, и очень скоро выяснилось, что позиция Лысенко и его последователей в этой дискуссии была явно слабой и натянутой и фактически мало обоснованной. Она граничила с простой фальсификацией науки. Выяснилось, кроме того, что ни Лысенко, ни его сторонники не обладали достаточной эрудицией для того, чтобы вести эту дискуссию на принципиальном уровне серьезной науки. И тогда Лысенко вновь сорвался на демагогию, на политический шантаж, отнеся всех несогласных с его гипотезой к защитникам империализма. На страницах «Литературной газеты» он опубликовал в 1947 г. вздорную статью, в которой говорилось, в частности, следующее:

«Чем объяснить, что буржуазная биологическая наука так дорожит «теорией» о внутривидовой конкуренции? Ей нужно оправдание, почему в капиталистическом обществе громадное большинство людей, особенно во время перепроизводства материальных благ, ведет бедный образ жизни. Все человечество принадлежит к одному биологическому виду. Поэтому буржуазной науке и понадобилась выдуманная внутривидовая борьба. В природе, внутри вида, говорят они, между особями идет жестокая борьба за пищу, которой не хватает, за условия жизни. Побеждают более сильные, более приспособленные особи. То же самое происходит, мол, и между людьми: капиталисты имеют миллионы, а рабочие бедствуют, потому что капиталисты, якобы, умнее, способнее по природе, по своей наследственности. Мы, советские люди, хорошо знаем, что угнетение трудящихся, господство капиталистического класса и империалистические войны ничего общего не имеют ни с какими законами биологии. В основе этого лежат законы загнивающего, отживающего своей век буржуазного капиталистического общества. Но внутривидовой конкуренции нет и в самой природе. Существует лишь конкуренция между видами: заяц ест волк, но заяц зайца не ест — он ест траву. Пшеница пшенице также не мешает жить. А вот пырей, лебеда, осот являются представителями других видов и, появившись в посевах пшеницы или кок-сагыза, отнимают у них пищу, борются с ними. Буржуазная биологическая наука, по самой своей сущности, потому что буржуазная, не могла и не может делать открытия, в

основе которого лежит непризнанное ею положение об отсутствии внутривидовой конкуренции. Поэтому и гнездовым севом американские ученые заниматься не могли. Им, слугам капитализма, необходима борьба не со стихией, не с природой, им нужна выдуманная борьба между белоколосой и черноколосой пшеницей, принадлежащей к одному виду. Выдуманной внутривидовой конкуренцией, «извечными законами природы» они селятся оправдать классовую борьбу, угнетение белыми американцами черных негров. Как же они признают отсутствие борьбы в пределах вида?» (Лысенко, «Агробиология», 1949 г.).

Приведенный тезис Лысенко — это от начала до конца вульгарное смешение общественных и биологических закономерностей и искажение смысла критики в адрес самого Лысенко, осуществляемое умышленно для целей демагогических, это, наконец, грубый поклеп на Дарвина, действительного автора концепции о внутривидовой конкуренции. Однако эта неумная и грубая демагогия не имела, конечно, серьезного успеха, она вызвала лишь еще большую оппозицию ученых.

Студенческая молодежь на проходивших в этот период вузовских дискуссиях явно не поддерживала идей Лысенко. В дискуссию постепенно были втянуты и генетики. Это было закономерно, ибо биология и особенно генетика развивались после войны за рубежом исключительно быстро, и это развитие сопровождалось внушительными теоретическими и практическими достижениями.

Особенно выделялись на общем уровне биология и генетика в США, где исследования биопроблем разворачивались после войны исключительно быстрыми темпами. Естественно, что основная масса советских биологов стала понимать, что монополизм и засыле в советской науке лишь одного направления, представленного к тому же группой ученых, склонных к догматизму и демагогии (Лысенко, Презент, Ольшанский, Авакян, Глуценко, Власюк, Долгушин, Жуков-Вережников, Гребень, Дворянкин, Сисакян, Нуждин и др.), тормозит наше движение вперед, мешает преодолению того общего отставания советской науки по сравнению с наукой США, которое выявилось сразу же после войны. Партия в тот период поставила перед советской наукой важнейшую задачу — «догнать и превзойти достижения науки за пределами нашей родины», и каждый честный ученый хотел внести в осуществление этой задачи свой вклад.

Разочарованию ученых в теоретических концепциях Лысенко способствовал в этот период и очевидный провал его широко

разрекламированных практических мероприятий — посевов озимых по стерне в Сибири, принесших сибирскому земледелию существенный ущерб и подвергнутых резкой критике в открытой дискуссии, «яровизации» яровых на юге СССР, «внутрисортового скрещивания» и летних поздних посевов сахарной свеклы в Средней Азии. Новый, выведенный сверхскоростными способами сорт яровой пшеницы для юга Украины, о котором Лысенко преждевременно рапортовал когда-то на всю страну, также оказался негодным. Все эти фейерверки, долгое время освещавшие дорогу Лысенко и его группе к безраздельному господству в биологии и агрономии, в 1948 г. уже погасли.

Против Лысенко в ряде докладов выступил даже молодой Ю. Жданов, в то время зав. отделом науки ЦК ВКП(б). Но после одобрения доклада Лысенко Сталиным, Жданову пришлось покаяться в своих грехах в специальном письме к Сталину от 7 июля 1948 г., опубликованном в «Правде» от 7 августа, в последний день сессии ВАСХНИЛ:

«С первого же дня моей работы в отделе науки ко мне стали являться представители формальной генетики с жалобами на то, что полученные ими новые сорта полезных растений (гречиха, кок-сагыз, герань, конопля, цитрусы), обладающие повышенными качествами, не внедряются в производство и наталкиваются на сопротивление сторонников акад. Лысенко. Ошибка моя состояла в том, что, решив взять под защиту эти практические результаты, которые явились «дарами данайцев», я не подверг беспощадной критике коренные методологические пороки менделевско-моргановской генетики. Сознаю, что это деляческий подход к практике, погоня за копеечкой».

К этому времени стало ясно, что и руководимая Лысенко ВАСХНИЛ работала крайне неудовлетворительно, она превратилась в личную канцелярию Лысенко. Выборы академиков не проводились с 1935 г. и проводить их никто не собирался, ибо большинство академиков отрицательно относились к деятельности своего президента. Для Лысенко и его группы настали тяжелые времена. На рассмотрение оргбюро ЦК ВКП(б) секретарь ЦК А. Жданов весной 1948 г. внес вопрос об укреплении руководства ВАСХНИЛ, что предполагало снятие акад. Лысенко с поста президента. На одном из заседаний оргбюро ЦК КПСС А. Жданов подверг Лысенко резкой критике. Необходимо было что-то необычайное, чтобы изменить ситуацию, необходим был какой-то грандиозный погром, санкционированный Сталиным. Именно в этот период Лысенко и его ближайшие единомышленники оживили ложную концепцию о классовой биологии, о необходимости ко-

ренных, принципиальных, непримиримых различий между биологиями социалистических и капиталистических стран. Естественно, что к лику истинно советских биологов Лысенко причислил себя и своих товарищей, а всех своих противников зачислил в ряды реакционеров и проповедников буржуазной идеологии.

Объективно, реально не может существовать двух биологий, как не может существовать двух физиков, двух химий, двух астрономий и т. д. В общественных науках такая ситуация возможна, ибо на земле реально существуют две противоположные общественные системы — социалистическая и капиталистическая. Живая же природа на земле едина и биохимические и генетические явления в организме осуществляются, изучаются и осмысливаются одинаково, в соответствии с логикой науки, а не в соответствии с политикой того или иного правительства. Биология поэтому должна быть единой наукой в смысле методов, теорий и проблем, хотя результаты научного творчества используются при разных социальных системах неодинаково.

Все это азбучные истины марксизма и здравого смысла, однако искажение этих истин сознательно использовалось Лысенко и его сторонниками для подавления критики и своих оппонентов. Известно также, что отношения СССР и США в этот период резко ухудшились и была развернута санкционированная Сталиным борьба с так называемым «низкопоклонством перед Западом». Все, что было связано с США, Англией и другими капиталистическими странами, объявлялось реакционным. При публикации статей и книг возникали трудности с цитированием иностранных авторов. В то же время все русское, отечественное, доморощенное поднималось в науке на щит, иногда в ущерб исторической правде. Борьба за приоритет русской и советской науки — это, конечно, важное дело, если оно осуществляется разумно, а не используется для разжигания страстей.

Эту обстановку и использовал Лысенко, объявив классическую генетику оружием реакционного американского империализма. В 36–37 гг. таким же пугалом был, как видим, расизм гитлеровского фашизма. Эту вздорную идею Лысенко сумел довести до Сталина и получить его санкцию на организацию до мелочей продуманного погрома. Сессия ВАСХНИЛ 1948 г., с основным докладом Лысенко «О положении в биологической науке», уже не была научной дискуссией. Она представляла собой одностороннюю политическую погромную кампанию, ничего общего не имевшую с реальными задачами советской науки и исключительно вредную по последствиям. Не имея большинства среди академи-

ков ВАСХНИЛ, Лысенко, пользуясь основанной на дезинформации поддержкой Сталина, добился вневыборного назначения СНК большей части своих сторонников академиками ВАСХНИЛ. Это беспрецедентное административное назначение группы сторонников Лысенко было проведено тайком, без всякого предварительного обсуждения кандидатур научной общественностью, по списку, предварительно представленному Лысенко. В этом акте отразилось недоверие его к советским ученым и к советской общественности.

Нелишне заметить, что задолго перед составлением Лысенко нелегального списка своих сторонников для утверждения их академиками ВАСХНИЛ, Министерство земледелия СССР опубликовало в газетах сообщение о выборах в ВАСХНИЛ и предложило научной общественности выдвигать кандидатов. Газета «Социалистическое земледелие» начала в конце 1947 г. публиковать списки представленных ученых. В самой академии сельскохозяйственных наук заработали конкурсные комиссии и началась обычная для таких случаев предвыборная деятельность. Однако выдвигенцы Лысенко не имели в ходе предвыборного обсуждения большого успеха, их вклад в науку оценивался весьма скромно. Была отведена, в частности, и кандидатура Презента. Выступивший при обсуждении этой кандидатуры видный селекционер акад. Лисицын сказал, что он предлагает отвести кандидатуру Презента по двум причинам: во-первых, потому, что Презент использует цитирование в качестве основного метода научных исследований, а, во-вторых, потому, что Презент применяет в научных спорах слишком много ругательств. В результате демократического обсуждения кандидатур в академики наиболее достойные были отобраны для голосования на общем собрании академиков.

Но голосования не последовало, так как Лысенко, опередив события, подsunул Сталину свой особый список, ничего общего не имевший с тем, который обсуждался научной общественностью. В своей речи на мартовском пленуме ЦК КПСС Хрущев, касаясь бесплодности двух академиков (Демидова и Лаптева), утвержденных в 1948 г. в этом звании по списку, представленному Лысенко, заметил, что это утверждение «явилось серьезным нарушением Устава академии». Нелишне отметить, однако, что в этом списке фигурировали и Ольшанский, Авакян, Долгушин, Презент, Гребень, Власюк, Лобанов, Бушинский и другие лысенковцы (всего 35 человек). Оказавшись в этом списке, ученик Вильямса Бушинский в своих лекциях любил рассказывать, что Сталин перед ут-

верждением списка, якобы лично прочитал все фамилии и подчеркнул при этом фамилию Бушинского красным карандашом.

Тайком, по секрету от научной общественности, был утвержден в ЦК ВКП(б) и доклад Лысенко на этой сессии. Одобрение этого доклада в ЦК было осуществлено, конечно, не пленумом ЦК, по-видимому даже не Политбюро в целом, а Сталиным, Молотовым, Маленковым и некоторыми другими членами Политбюро.

Организация этой сессии ВАСХНИЛ переплетается с рядом явлений «на высшем уровне», непосредственно относящихся к ковранному стилю работы Сталина. А. Жданов, в то время второй человек в стране после Сталина, относился к деятельности Лысенко весьма отрицательно и подверг его серьезной критике. Вопрос об освобождении Лысенко весной 1948 г. был уже практически предрешен. Однако молодой Жданов-сын, занявший свой высокий пост заведующего отделом науки ЦК ВКП(б) сразу со студенческой скамьи, в 25 лет, слишком поспешил со своим докладом и резкой критикой Лысенко. По-видимому, он решил, что дни Лысенко сочтены и захотел завоевать себе популярность и лавры победителя. Доклад Ю. Жданова с критикой Лысенко случайно слушал заместитель председателя Общества по распространению политических и научных знаний Митин, философ, немало способствовавший победе лысенкоизма. Сразу же после доклада Жданова Лысенко и Митин предприняли демарш перед Сталиным, апеллируя к защите «материалистической биологии» и с жалобой на Ю. Жданова и А. Жданова. Оценивая реакцию Сталина на этот демарш, нельзя не учесть, с одной стороны, наличия известного «охлаждения» в отношении Сталина к Жданову в этот период и антагонизма между Ждановым и Маленковым и Берия с другой стороны.

А. Жданов был типичным «сталинистом», но в тот период он был наиболее яркой фигурой в ЦК ВКП(б) и его авторитет сильно возрос после 1946 г., когда он заменил Маленкова на посту первого секретаря ЦК. А. Жданов приобрел популярность своими выступлениями и докладами по теоретическим и идеологическим вопросам, которые, будучи типичными для сталинизма по форме, стилю и содержанию, были, несомненно, выше аналогичной продукции самого Сталина. А. Жданова начали очень широко цитировать, почти наравне с классиками марксизма. Это вызывало ревность Сталина, чему Маленков и Берия всячески способствовали. Однако у Сталина не было даже элементарного повода для расправы с Ждановым. Жалоба Лысенко и Митина и явилась для

Сталина подходящим предложением для недовольства А. Ждановым, которое было выражено Сталиным на одном из заседаний в резкой форме. Возвеличение Лысенко до небывалых размеров и публикация в «Правде» покаяния Ю. Жданова были явной пощечиной А. Жданову. А. Жданов уехал в отпуск, после того, как в начале июля его сын был вынужден покаяться Сталину и, как известно, внезапная смерть оборвала жизнь Жданова всего три недели спустя после «исторической» сессии ВАСХНИЛ.

Через несколько лет после сессии, в связи со смертью Сталина, Лысенко в статье «Корифей науки» сообщил, что Сталин «непосредственно редактировал проект доклада «О положении в биологической науке», подробно объяснил мне свои исправления, дал указания, как излагать отдельные места» («Правда» от 6 марта 1953 г.). Таким образом, становится совершенно ясным, что Лысенко, задолго до дискуссии обратился к Сталину с просьбой санкционировать планируемый им разгром генетиков и инакомыслящих и получил эту санкцию. (Доклад свой на сессии с личными поправками Сталина — сначала оригинал, а затем фотокопию — Лысенко хранил у себя в кабинете и несколько лет показывал его своим посетителям).

Характер организации сессии и доклад Лысенко с самого начала вызвали настороженность, и противников Лысенко приходилось буквально принудительно заставлять выступать. Характерно также, что свое «сенсационное» сообщение о том, что его доклад утвержден ЦК, Лысенко преподнес, как говорится, под занавес, в своем заключительном слове. Всё это свидетельствует о том, что августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 г. была запланирована и проведена Лысенко и его единомышленниками не как научная дискуссия, а как политическая провокация для разгрома своих научных противников.

Эти же не научные, а политические цели сессии ВАСХНИЛ были отчетливо сформулированы в выступлениях сторонников Лысенко.

«Нас призывают здесь дискутировать. Мы не будем дискутировать с морганистами, но будем продолжать их разоблачать, как представителей вредного и идеологически чуждого, привнесенного к нам из чуждого зарубежья, лженаучного по своей сущности направления» (Презент).

«В начале 30-х годов в области философии развернулась борьба с меньшевистствующим идеализмом. Эта борьба не ограничилась только вопросами философии, она затронула и другие отрасли науки и, в частности, генетику, так как здесь меньшевистствующий идеализм нашел более яркое проявление. Если вспомнить те вопросы, по которым шла борьба, то легко

заметить, что между борьбой с меньшевистствующим идеализмом и дискуссией, развернувшейся в связи с работами акад. Лысенко, имеется прямая связь, и последующая фаза является логическим продолжением той борьбы, которая была начата с меньшевистствующим идеализмом» (Нуждин. Стеногр. отчет о сессии ВАСХНИЛ).

«Непомерно затянувшаяся дискуссия и активная пропаганда менделистами-морганистами своих взглядов наносит существенный ущерб делу идеологического воспитания наших кадров. Основное значение нынешней сессии должно состоять в том, чтобы покончить, наконец, с этой непомерно затянувшейся дискуссией, разоблачить и разгромить до конца антинаучные концепции менделистов-морганистов и заложить тем самым основу для дальнейшего развития мичуринских исследований, для дальнейшего успеха мичуринского направления в биологии. Многолетней борьбой было доказано, что менделеевско-моргановское направление в биологии является реакционным, антинародным направлением, что оно тормозит дальнейшее развитие биологической науки и наносит большой вред практике социалистического сельского хозяйства» (Митин, там же).

Привлечение Лысенко к этому делу Сталина основывалось на дезинформации о реальной ситуации в биологической науке. Доклад Лысенко на этой сессии также не был научным докладом. Начиная свой доклад, Лысенко заявил:

«В последарвинский период подавляющая часть биологов мира, вместо дальнейшего развития учения Дарвина, делала все, чтобы опозлить дарвинизм, удушить его научную основу» (там же).

Это была грубая клевета и искажение действительности. Основное ядро доклада Лысенко было направлено на обоснование вздорного тезиса о существовании в СССР двух диаметрально противоположных биологий: материалистической, советской, мичуринской, с одной стороны, и реакционной, идеалистической, вейсманистско-менделистской и метафизической биологии — с другой. Водоразделом между этими биологиями было, по мнению Лысенко, отношение ученых к хромосомной теории наследственности. Ученые, признающие эту теорию, объявлялись реакционерами и идеалистами, ученые же, которые безоговорочно признавали весьма поверхностную и малоубедительную концепцию о наследственности, разработанную самим Лысенко, считались материалистами и мичуринцами, представителями передовой науки. Этот же вздорный тезис повторялся на сессии ВАСХНИЛ всеми сторонниками Лысенко.

Справедливости ради следует отметить, что все дальнейшее развитие биологии, биохимии и генетики во всех странах блестя-

ще подтвердило в последующие годы правильность «опровергнутой» Лысенко и его сторонниками «хромосомной теории наследственности». В результате этого между биологией и генетикой во всем мире и группой «теоретиков» из лагеря Лысенко возникла пустота, которая заполнялась лишь многократно повторявшимися самовосхвалениями и настойчивыми стремлениями подвести «классовую» основу под объяснение причин разногласий. При этом наблюдались нередко рецидивы настроений 1937 г.

Очень характерен в этом отношении акад. Митин, который в своем выступлении на сессии ВАСХНИЛ в 1948 г., обнаружив в книге акад. Шмальгаузена высказывание о том, «что ядро клетки находится в состоянии мало подвижного, но вместе с тем и относительно мало устойчивого равновесия», пришел к выводу о том, что Шмальгаузен применяет все основные категории (устойчивое и неустойчивое равновесие) богдановско-бухаринской теории равновесия. Это поразительный пример глупой вульгаризации! И примеры такой вульгаризации весьма многочисленны. Для иллюстрации можно привести здесь несколько типичных высказываний того периода, переполненных демагогией, пустозвонством, самовосхвалением.

«За рубежом же буржуазная генетика стала в настоящее время особенно модной «наукой», пропагандирующей «евгенику» и расовую политику, Вейсманизм-морганизм служит сегодня средством и арсеналом современного империализма» (Глуценко). «Вейсманистско-менделеевско-моргановское течение в биологии — антинародное, лженаучное и вредоносное течение. Оно разоружает практику, ориентирует человека на смирение перед якобы извечными законами природы, на пассивность, на бесцельное «кладоискательство» и ожидание счастливых случайностей. Буржуазия заинтересована в пропаганде вейсманизма, приобретающего через евгенику и различные расовые теории непосредственно политическое значение. Вейсмановская менделеевско-моргановская генетика — детище буржуазного общества. Последнему невыгодно признание теории развития, из которой, по отношению к общественным явлениям, вытекает неизбежность крушения буржуазии. Эта теория революционизирует трудящиеся массы. Буржуазное общество предпочитает «теорию» о неизменности старого — на основе случайности. Эта «теория» направляет на пассивное созерцание якобы случайных изменений. Вот почему таким почетом пользуется менделеевско-моргановская генетика в буржуазных странах. Вот почему эта лженаука явилась удобным оружием в руках Гитлера для пропаганды его чудовищной расистской теории» (Поляков, «Наука и жизнь» № 9, 1948 г.).

Проф. Студицкий напечатал в 1950 г. статью под заголовком

«Менделевско-моргановская генетика на службе американского расизма». Достаточно посмотреть названия разделов этой статьи: «Менделизм-морганизм на защите расовой дискриминации», «Моргановская генетика против демократии», «Менделевско-моргановская генетика на защите мальтузианства», «Моргановская генетика и фашизм». Извлекая из архивов фашистской пропаганды всякий бред, Студицкий попытался провести знак равенства между различными мракобесами и фашистами и советскими учеными, стоящими в оппозиции к Лысенко. Характерен заключительный вывод Студицкого:

«Разгром менделевско-моргановской генетики на исторической сессии ВАСХНИЛ получил огромный международный резонанс. Менделевско-моргановская лженаука — выражение маразма и деградации буржуазной культуры — продемонстрировала свое полное банкротство. На поверку у нее оказалась лишь ложь, которой она подкрепляла свою реакционную проповедь о неизменной наследственности. В свете огромных практических и теоретических достижений передовой мичуринской науки стало совершенно ясно, что менделевско-моргановская генетика не имеет права именовать себя наукой. Стало очевидным, что ее развитие было результатом огромной заинтересованности в ней сил международной буржуазии».

Аналогичная статья Студицкого была напечатана в «Огоньке», снабдившем эту статью рядом не относящихся к делу иллюстраций (виселицы, ку-клукс-клановцы в балахонах и т. д.). Американский «Журнал наследственности» полностью воспроизвел эту статью с иллюстрациями и уличил Студицкого в искажении смысла всех цитат из работ американских генетиков.

В этом же духе выступали и многие другие сторонники Лысенко, например:

«Полная победа учения Лысенко ознаменовалась в наши дни сокрушительным идейным разгромом сторонников реакционного антинаучного вейсманистско-менделистско-морганистского направления в биологии. Это одна из побед над буржуазией на международной арене. Порожденная нашим советским строем, новая мичуринская, советская биологическая наука идейно разоблачает и организационно вытесняет в нашей стране враждебное ей буржуазное вейсманистско-менделистско-морганистское направление в биологии» (Бушинский).

«В нашей стране уже нет враждебных друг другу классов, но борьба идеалистов против диалектиков-материалистов все же, в зависимости от того, чьи интересы она защищает, носит характер классовой борьбы. И действительно, последователи Вирхова, Вейсмана, Менделя, Моргана, говорящие о неизменности гена и отрицающие влияние внешней среды, являют-

ся проповедниками лженаучных вещаний буржуазных евгеников и всяких извращений в генетике, на почве которых выросла расовая теория фашизма в капиталистических странах. Вторую мировую войну развязали силы империализма, в арсенале которого был и расизм» (О. Лепешинская, 1951 г.).

«Вейсманизм это не просто течение в бионауке, а целеустремленный антинаучный поход против знания, организуемый и направляемый реакционной буржуазией. Поэтому всякая беспринципная уступка вейсманизму есть уступка реакции. Вейсманизм до конца разоблачен в докладе Лысенко и начисто отвергнут как буржуазная реакция в бионауке. Философские корни вейсманизма-морганизма нельзя отделить от его классовой сущности и прислужнической роли. Вейсманизм, как физический идеализм, неотделим от махизма, от идеализма вообще. Это — звенья одной и той же цепи идеологической реакции». (Трошин, изд. МГУ, 1951 г.).

Кстати, следует указать на то, что автор этой статьи философ Трошин, обнаруживший в 1951 г. у буржуазной генетики черты всех реакционных философских учений (расизм, космополитизм, софистику, схоластику, махизм, идеализм, кантианство и т. д.), через десять лет в своей книге «Место и роль естествознания в развитии общества», изданной в 1961 г., пришел к диаметрально противоположному выводу. Уместно привести здесь новое, более близкое к истине высказывание Д. М. Трошина:

«Естественные науки не включаются в надстройку и поэтому ближе стоят к производству, чем к общественным наукам и формам общественного сознания — к морали, праву и др. Поэтому было бы неверно, если бы мы стали делить естественные науки по тому же принципу, как и общественные, на буржуазные и пролетарские. Немарксистским является деление, например, физики на буржуазную и пролетарскую, то же самое химии, биологии, физиологии, агрономии и других отраслей естествознания. Есть одна наука биология, физиология, физика, химия, которая по своему содержанию безразлична классам и классовой борьбе. Естествознание, накопленные им факты, открытые объективные законы, могут одинаково обслуживать как базис феодальный, капиталистический, так и социалистический» (стр. 53).

Характерные примеры вульгаризации, демагогии, клеветы по отношению к советским генетикам, не разделявшим концепции Лысенко, прямо-таки заполнили после сессии ВАСХНИЛ научные журналы и широкую прессу. Подобная вульгарная демагогическая и произвольная трактовка положений в биологии была характерна не только для некоторых ученых. В. Молотов в докладе по случаю 31 годовщины Октября фактически воспроизвел и санкционировал ошибочный тезис Лысенко.

«Для подъема научно-теоретической работы, имеет большое принципиальное и практическое значение последняя дискуссия в научных кругах по вопросам биологии. Дискуссия по вопросам теории наследственности поставила большие принципиальные вопросы о борьбе подлинной науки, основанной на принципах материализма, с реакционно-идеалистическими пережитками в научной работе, вроде учения вейсманизма о неизменной наследственности, исключающей передачу приобретенных свойств следующим поколениям. Она подчеркнула творческое значение материалистических принципов для всех областей науки, что должно содействовать ускоренному движению вперед научно-теоретической работы в нашей стране».

Советский генетик И. Раппопорт, известный своими классическими работами по так называемым мутагенным веществам, подхваченными затем во всех странах, оказался, в связи с речью Молотова, в трудном положении. На заседании партбюро от него потребовали публичного отказа от хромосомной теории наследственности и классической генетики. Раппопорт пытался доказать практическую ценность классической генетики, в опровержение его доводов ему было указано на цитированную выше речь Молотова. «Почему вы считаете, что Молотов разбирается в генетике лучше меня?» — ответил Раппопорт. Этот ответ послужил поводом для исключения Раппопорта из партии и увольнения с работы. В последующие несколько лет этому крупному ученому, доктору биологических наук, пришлось работать лаборантом в геологическом институте, где он защитил диссертацию на степень кандидата геологических наук. В настоящее время Раппопорт вновь занимается мутагенными веществами в химическом институте.

Такое ошибочное деление всех биологов в СССР на два противоречивых лагеря, объявление всех скептически относящихся к идее о наследовании приобретенных признаков и стоящих на позициях хромосомной теории наследственности, реакционерами и проповедниками идеализма, распространяемое самым настойчивым образом через все возможные каналы, и явилось той дымовой завесой, под прикрытием которой в конце 1948 г. была осуществлена расправа со всеми научными противниками Лысенко и его группы и с противниками Вильямса, независимо от того, были ли они генетиками, физиологами, морфологами, почвоведками или медиками. Как мы уже отмечали, были отстранены от работы или понижены в должности в научных и учебных заведениях около трех тысяч человек. Этот невиданный погром был осуществлен планомерно и со знанием дела. Передовая статья «Правды» (от 27 августа 1948 г.) давала следующую установку:

«Борьба мичуринцев с вейсманистами является формой классовой борьбы социализма с капитализмом на международной арене и с пережитками буржуазной идеологии у части ученых нашей страны. Как и во всякой борьбе, середины тут быть не может. Мичуринское учение и вейсманизм непримиримы».

Вслед за этим начались собрания. Первой была принудительно обращена в новую веру Академии Наук СССР. Постановление расширенного заседания Президиума АН СССР безоговорочно поддержало решение сессии ВАСХНИЛ и постановило закрыть и упразднить ряд лабораторий, объявленных очагами реакционного морганизма (лаборатории цитогенетики, бот. цитологии, фенотипизации и т. д.). Затем состоялся актив работников высшей школы, на котором министр высшего образования Кафтанов призвал работников вузов страны к полному и быстрейшему искоренению реакционного морганизма и его конкретных носителей из учебных заведений («Правда» от 28 авг. 1948 г.). Аналогичные решения были приняты специальной сессией академии медицинских наук («Правда» от 15 сент. 1948 г.). Затем специальные эмиссары разъезжались по городам и республикам проводить республиканские, городские, вузовские собрания биологов и санкционировать увольнения противников Лысенко. Доклад министра Кафтана был затем быстро опубликован массовым тиражом в виде брошюры «За безраздельное господство мичуринской биологической науки» (Изд. «Правды», 1948 г., тираж 1.100.000). Сей документ был прямо-таки насыщен демагогией и клеветой. При этом Кафтанов и те, кто направлял его деятельность, не могли удовлетвориться травлей живых генетиков, они продолжали поливать грязью и жертвы генетической дискуссии в довоенное время.

«Уместно здесь вспомнить — писал Кафтанов — о той вредной роли, которую сыграл в нашей агробιологической науке небызвестный ботаник Н. И. Вавилов, ярый поклонник реакционного учения Бетсона».

Что же касается выдающегося советского цитолога и генетика Кольцова, то здесь Кафтанов просто неистовствовал. Изложив все тем же презентовским методом фальсификации смысл высказываний Кольцова по генетике человека (тогда уже прошло 26 лет с момента их публикации), Кафтанов воскликнул:

«Нет нужды комментировать эти человеконенавистнические бредни, от которых за версту веет фашистским бредом. Вот какого изувера от науки имеют своим апостолом наши современные морганисты-менделисты».

Кафтанов едко высмеял и самую идею о существовании в человеческом обществе каких-то наследственных болезней — какие, мол, наследственные болезни могут быть в передовом социалисти-

ческом обществе, у передовых строителей коммунизма! Одновременно с этим по всем ведомствам, министерствам, академиям и институтам издавались грозные приказы, гласившие, в основном, о закрытии лабораторий, увольнении, осуждениях и т. д. Кафтанов только за два дня (23 и 24 августа 1948 г.) издал несколько подобных приказов, напечатанных в форме брошюр и разосланных во все высшие учебные заведения страны. Например:

«...освободить от работы в Московском государственном университете проводивших активную борьбу с мичуринским учением заведующего кафедрой дарвинизма академика Шмальгаузена, заведующего кафедрой динамики развития проф. Завадовского, заведующего кафедрой физиологии растений проф. Сабина, декана факультета Одинцова, доц. Алиханяна, Зеликмана, Бермана и Шапиро».

«...Освободить от работы в Ленинградском университете проректора Полянского, декана биофака проф. Светлова, доц. Новикова, Арапетянца».

Проф. Лобашева и других его коллег из Ленинградского университета хотели в последующем исключить из партии. На партсобрании биологического факультета этого требовал Презент. Сохранившаяся стенограмма собрания рассказывает об интересном диалоге. Один из членов партии прервал Презента, доказывавшего, что морганисты университета потворствуют фашизму: — «Как же так — не выдержал один из слушателей — но ведь товарищи, о которых вы говорите, почти всю войну с оружием в руках воевали с фашистами, они были удостоены военных наград!» «Это не аргумент, — ответил Презент, — они боролись с фашизмом чисто эмпирически».

Далее шли списки увольняемых по Харьковскому, Горьковскому, Воронежскому, Киевскому, Саратовскому, Тбилисскому университетам. Но это было лишь начало. Пункт 6-ой приказа гласил:

«Обязать Главное управление университетов и управление кадров в двухмесячный срок пересмотреть состав всех кафедр био-факультетов, очистив их от людей, враждебно относящихся к мичуринской биологии, и укрепить эти кафедры биологами-мичуринцами».

Приказ отменял все программы на био-факультетах, обязывал изъять и уничтожить учебники и книги, основанные на морганизме-менделизме (Синота и Дена, Серебровского, Завадовского, Шмальгаузена и др.), исключить все немичуринские темы из планов работ и т. д. В тот же день тот же министр издал такой же приказ по зоотехническим и зооветеринарным институтам (№ 210: с предписанием об увольнении проф. Рокицкого, Васина и многих

других ученых). В тот же день был издан большой приказ Кафтанова по сельскохозяйственным вузам, согласно которому только из Тимирязевки увольнялись проф. Голубев, Жебрак, Парамонов, доц. Козлов, проф. Борисенко, акад. Константинов и др. А далее следовали списки по Харьковскому, Омскому, Саратовскому и др. сельскохозяйственным институтам.

То же было и по педагогическим институтам. Например, из педагогического института им. Герцена были уволены профессора: Полянский, Райков, Хейсин, Стрелков, Розанова, Браун. Прошел лишь один день — и по всем вузам разослали приказ министра высшего образования и заместителя министра здравоохранения по медицинским институтам. Согласно этому приказу, на мичуринскую основу ставились такие науки, как анатомия, гистология, патофизиология, микробиология, нервные болезни, судебная медицина и психиатрия. Включать в эти науки что-то от Мичурина и Лысенко было, конечно, смешно, из программы по этим дисциплинам просто выбрасывалось все, что имело отношение к проблеме наследственности. И опять шли списки увольняемых ученых и изымаемых учебников. Не осталась в стороне от этого разгрома и академия педагогических наук. Президенту академии Каирову было предписано уволить из состава лиц, работающих в академии, проф. Райкова и акад. Орбели, что и было выполнено.

Волна погромных приказов и распоряжений продолжалась несколько месяцев. Придя к власти, лысенковцы старались разрушить все, что напоминало собой оппозицию, и всё, что могло способствовать ее возрождению. Был издан, например, приказ, предписывающий уничтожить повсеместно в лабораториях мушек-дрозофил — классический объект генетики. Из библиотек изымалась и уничтожалась вся научная литература по классической генетике (в библиотеке Тимирязевки были уничтожены все учебники по генетике, книга акад. Шмальгаузена, крупного специалиста в области эволюционной морфологии животных, и масса другой литературы). Во всех издательствах рассыпались наборы сверстанных книг по биологии, ботанике, физиологии и т. д., в которых не было восхваления Лысенко и его учения. От министерства высшего образования не отставали и другие министерства. Специальный приказ был издан министром сельского хозяйства Бенедиктовым, разосланный во все учреждения. Приказ предписывал прекратить всю генетическую работу в животноводстве; приказ объявлял о том, что никаких легальных мута-

ций нет и быть не может; приказ указывал закрыть станцию по отдаленной гибридизации, руководимую А. Жебраком; приказ требовал исключить из планов всех институтов все темы, от которых не пахнет учением Мичурина-Вильямса-Лысенко, приказ обязывал «изъять из употребления все программы и пособия, не отвечающие требованиям воспитания специалистов в духе учения Мичурина-Лысенко» и т. д. Но один из пунктов этого приказа заслуживает того, чтобы привести его:

«...до 15 октября 1948 года пересмотреть состав руководителей аспирантуры, предоставив право подготовки аспирантов тем ученым, которые на деле способны творчески развивать учение Докучаева-Тимирязева-Мичурина-Вильямса-Лысенко».

Лысенковцы не хотели, как мы видим, плодить инакомыслящих, они хотели готовить лишь послушную смену. Но особенно анекдотичным был приказ министра высшего образования Кафтанова от 7 мая 1949 года, который был издан в связи с наметившейся оппозицией лесоводов к методу гнездового посева леса, предложенного Лысенко. Один из пунктов этого приказа обязывал директора Воронежского лесохозяйственного института Паленко:

«...рассмотреть на заседании кафедр содержание лесобиологических дисциплин, добиться преподавания их на основе материалистического мичуринского-лысенковского учения — отрицания внутривидовой борьбы и взаимопомощи и признания межвидовой борьбы и взаимопомощи, как основного фактора эволюции живой материи».

Угодливый министр, однако, все перепутал, так как Лысенко отрицал внутривидовую борьбу, но утверждал внутривидовую помощь.

И таких приказов по министерствам, управлениям, главкам, издательствам, университетам, институтам, станциям, редакциям в РСФСР, союзных республиках, в областях издавалось сотни, и все они старались кого-то уволить, кого-нибудь осудить. Классическая генетика, важнейшая из бионаук, в несколько дней стала государственной опасностью, стала врагом № 1, против которого была двинута в ход вся мощная государственная и политическая машина огромной страны. По всей стране несся громкий клич — громить морганистов-менделистов! искоренять реакционную и вредоносную генетику! слава академику Лысенко, спасающему нашу науку от проникновения американских прихлебателей и ведущему нас к невиданным, сказочным победам сельского хозяйства, к полному покорению природы на благо человечества!

Под грохот этой крикливой кампании, под шум безудержного пустозвонства, распоясавшиеся «творцы» новой биологии распределяли между собой ответственные посты, занимали ключевые позиции в министерствах, академиях, институтах, высших учебных заведениях, в редакциях и издательствах научных журналов, в ответственных отделах партийных и правительственных организаций. Последователи Лысенко и его ближайшие сотрудники, подвизавшиеся до этого на второстепенных и третьестепенных ролях в науке, быстро набросились в эти годы на жирный пирог науки. Они жадно хватали чины, должности, ученые степени, почетные звания, премии, оклады, медали, ордена, титулы, гонорары, квартиры, дачи, персональные машины. Они не ждали милостей от природы.

Одновременно с этим осуществлялась травля всех противников как самого Лысенко, так и его единомышленников, даже если эти противники не имели никакого отношения к генетике. Характерен в этом отношении пример травли выдающегося советского физиолога растений и агрохимика проф. Сабина. Презент, назначенный на пост декана биофака МГУ, сразу представил его к увольнению с поста заведующего кафедрой физиологии растений. Сабина долгое время нигде не принимали на работу. Его блестящий и капитальный труд «Физиология растений» перед выпуском в свет был снят с производства, а набор рассыпан. Сабину пришлось уехать из Москвы, прекратить исследования по питанию сельскохозяйственных растений и заняться изучением водорослей. Научные журналы оказались для него закрытыми. Не выдержав преследований, Д. А. Сабинин застрелился в 1951 году.

Частично его монография была посмертно опубликована в 1955 году. Однако, заключительная часть книги, посвященная росту и развитию растений и содержащая ряд критических замечаний в адрес теории стадийного развития, выдвинутой в 1932 - 35 годах Лысенко, не издана до настоящего времени. (Сабинин, в частности, указывал в этой книге на то, что агроприем типа «яровизация» уже применялся в прошлом веке, но был заброшен из-за неэффективности). Ученикам Сабина удалось в 1958 году сдать эту книгу в печать в издательстве АН СССР, однако в 1959 году готовый набор был вновь рассыпан. Сейчас общепризнано, что Сабинин был в тот период самым выдающимся советским физиологом растений, классиком этой науки. Самоубийство Сабина было полной неожиданностью для всех его друзей, знавших его как человека большой выдержки и оптимиста. Его принципиальная позиция в эти годы преследований, пожалуй, может

быть сравнима с позицией безоружного человека, выступившего против вооруженных пиратов науки. Через два года скитаний, материальных и моральных испытаний и случайных заработков, с помощью друзей ему удалось устроиться на работу в почвенный институт АН СССР. Однако акад. Опарин, возглавляющий биоотделение, наотрез отказался утвердить это назначение и Сабинин вновь оказался на положении изгоя. Тогда он уехал в глубокую провинцию и устроил на берегу Каспийского моря биостанцию. Однако его не утвердили заведующим станцией. Узнав об этом, он вышел на берег моря и застрелился.

Подобный же пример представляет увольнение со службы известного ученого, историка естествознания проф. Райкова, который также не имел никакого отношения ни к генетике, ни лично к Лысенко, но хорошо был известен Презенту, так как был в прошлом одной из его жертв. Узнав, что Райков вернулся в Ленинград и успешно работает, Презент включил его фамилию в проскрипционный список ученых, подлежащих увольнению. В результате Райков после сессии ВАСХНИЛ, в которой он не принимал никакого участия, оказался осенью 1948 г. снятым со всех своих должностей, причем книги его по истории и методике естествознания были запрещены к выдаче из библиотек.

Многие ученые-генетики после 1948 г. были лишены ученых степеней, а на присвоение ученых степеней по классической генетике был наложен запрет, которым ВАК руководствуется и по настоящее время. Запрет был наложен и на исследования по классической генетике, по гормонам растений, по цитогенетике, полиплодии и т. д. Развитие советской биологии было задержано на много лет. Установился так называемый монополизм в бионауке, при котором Лысенко играл роль непогрешимого поставщика научных истин. Культ Лысенко был раздут в эти годы до баснословных размеров. По-видимому, он был единственным в истории ученым-биологом, заслужившим титул «великий» еще при жизни. Портреты Лысенко висели во всех научных учреждениях. В художественных салонах продавались барельефы Лысенко. Государственный хор имел в своей программе песню-гимн «Слава академику Лысенко», а в песенниках для самодеятельных коллективов можно было найти частушки следующего содержания:

Веселей играй гармошка,
Мы с подружкой вдвоем
Академику Лысенко
Славу вечную поем.

Он мичуринской дорогой
Твердой поступью идет,
Менделистам-морганистам
Нас дурачить не дает.

Хорошо запомнился мне один интересный случай — первая лекция Лысенко в Тимирязевке. В этой академии после сессии ВАСХНИЛ был уволен с поста директора известный экономист акад. Немчинов (вместо него был назначен кандидат биологических наук В. Столетов из института генетики Лысенко), были уволены и другие. Заведующим кафедрой генетики и селекции стал Лысенко, до этого никогда не сталкивавшийся с преподавательской работой. И вот первая учебная лекция нового профессора, предназначенная для студентов. Угодливое руководство академии вызвало на лекцию всех заведующих кафедрами, занявших места студентов, толпившихся в вестибюле. Вся улица была залита персональными машинами ответственных работников из министерств, вплоть до министра земледелия Бенедиктова. Вот подъезжает в ЗИСе прославленный президент ВАСХНИЛ. По сигналу проректора специально вызванный духовой оркестр начинает торжественный победный марш, под звуки которого Лысенко сквозь ряды присутствующих проходит на кафедру и начинает свою первую лекцию. Содержание лекции запомнилось мне мало. Помню лишь, что лектор утверждал, что лошадь может быть живой только во взаимосвязи со средой, а без этого взаимодействия — это уже не лошадь, а труп лошади, что при питании различных птиц мохнатыми гусеницами эти птицы откладывают яйца, из которых выводятся кукушки, что новая клетка образуется не из старой, а возле старой, что живое тело всегда хочет кушать и т. д.

Вредное влияние тезиса о возможности двух биологий распространилось в последующие годы и на другие отрасли науки. Попытки разделить науку на советскую и буржуазную были сделаны в медицине (водораздел — отношение к концепции Павлова) и в почвоведении — объявление всех противников учения Вильямса реакционерами. Была объявлена реакционной наукой кибернетика, которая оставалась на нелегальном положении до 1955 года. Были снова объявлены вне закона медицинские исследования по наследственным заболеваниям.

Связь августовской сессии ВАСХНИЛ с последующими попытками некоторых групп ученых установить подобный же режим и в других науках легко установить при рассмотрении той

аргументации, которая использовалась этими учеными для дискредитации часто правильных концепций, основными недостатками которых было лишь то, что они разрабатывались в США. Эта мутная волна захлестнула частично и физику, к счастью, впрочем не надолго. Характерен в этом отношении сборник «Философские вопросы современной физики», содержащий немало демагогических статей. В предисловии к сборнику его инициаторы объявили:

«Поскольку в среде современных физиков еще не проделана работа, аналогичная той, которая уже дала значительные результаты в агробиологии, физиологии и некоторых других отраслях советской науки, авторам сборника приходится начинать почти с самого начала».

И они начали — объявив реакционными и идеалистическими теорию относительности великого физика Эйнштейна («реакционное эйнштейнианство»), принцип дополнительности Бора и ряд других концепций, явившихся крупными вехами в развитии естествознания. И такого рода течения возникали после 1948 г. во всех областях науки.

Концепции самого Лысенко и его сторонников приняли в этот период уродливый, вздорный характер. Была создана реклама шарлатанским опытам по перерождению одних видов растений в другие — пшеницы в рожь, овса в овсюг и ячмень, капусты в брюкву и рапс, подсолнечника в заразиху, сосны в ель и т. д.

Подобные «открытия» десятками публиковались на страницах редактируемого Лысенко журнала «Агробиология» и эти безграмотные позорные работы рекламировались как достижения передовой науки. При этом и здесь для «обоснования» этих мифических превращений использовалась опора на авторитет Сталина.

«Сталинское учение о постепенных, скрытых, незаметных количественных изменениях, приводящих к быстрым качественным, коренным изменениям, помогло советским биологам обнаружить у растений факты осуществления качественных переходов, превращений одного вида в другой». (Лысенко, статья «Сталин и мичуринская агробиология»).

Была создана в 1949 - 51 гг. широкая международная реклама позорным и шарлатанским работам Бошняна о порождении вирусами микробов и наоборот, о кристаллизации бактерий и развитии микробов из антибиотиков, ими же продуцируемых, работам Лепешинской о порождении клеток и даже тканей из «живого вещества». Эти работы были объявлены мичуринскими и были обязательны для признания. Несмотря на активную поддержку со стороны Лысенко, Бошнян в результате работы тринадцати

проверочных комиссий видных ученых был разоблачен как фальсификатор и лишен докторской степени, полученной им за свои «открытия». Не нашли подтверждения и работы Лепешинской, рекламе которых также активно способствовала группа Лысенко.

Опора на Сталина использовалась и в «решении» ряда других проблем, служивших предметом дискуссии. Лепешинская, например, в самом начале своей фантастической книги с упоением писала, что Сталин прочитал ее книгу и одобрил ее. Что же касается акад. Опарина, то он в своей статье «И. В. Сталин — вдохновитель биологической науки» вообще причислил Сталина к основателям мичуринской биологии и объявил его поверхностную юношескую статью «Анархизм или социализм?» крупнейшим вкладом в мичуринскую биологию. По мнению Опарина, Сталин задолго до Лысенко утверждал, что приобретенные под влиянием среды признаки наследуются и что именно эти «гениальные идеи т. Сталина вдохновляли биологов-мичуринцев в их борьбе против неodarвинизма, как идеологического извращения биологической науки».

Но что же действительно писал по этому поводу Сталин, какие его мысли привели в восторг Опарина? Это была всего лишь одна случайная, маловразумительная и отнюдь не гениальная фраза:

«Менделеевская периодическая система элементов явно показывает, какое большое значение в истории природы имеет возникновение качественных изменений из изменений количественных. Об этом же свидетельствует в биологии теория неоламаркизма, которой уступает место неodarвинизм» (Сталин).

Дискуссия в «Ботаническом журнале» в 1952 - 58 гг. возникла в результате оппозиции большинства советских биологов к развиваемой Лысенко нелепой теории скачкообразных превращений видов. В ходе этой дискуссии было точно доказано, что во всех работах по «превращению» видов, опубликованных в журнале «Агробиология», допускалась умышленно грубая фальсификация научного материала, что все эти работы представляли собой чистейший авантюризм. Тем не менее Лысенко и до настоящего времени повторяет этот вздорный тезис о порождении одних видов другими, хотя эти факты никогда не были научно доказаны. В своей президентской речи, опубликованной во всех центральных газетах (15 августа 1961 г.) Лысенко говорит:

«Все знают, что в ряде основных хлебных районов нашей страны необходимо расширить посевные площади твердой пшеницы. Это относится к районам Поволжья, Целинного края и к ряду районов Западной Сибири. Все также знают, что главным препятствием для расширения посевов твердой пшеницы стало отсутствие доброкачественных семян. Твердая пшеница в этих районах часто перерождается, засоряется мягкой пшеницей. Напомню, что твердая и мягкая пшеницы — это два разных биовида. Твердая — 28 хромосомная, мягкая — 42 хромосомная. На таком практически важном примере буквально каждый при желании может убедиться в происхождении одних биовидов из других, убедиться, что основа дарвинизма — происхождение одних биологических видов из других — экспериментами и практикой подтверждается. Такое порождение в соответствующих условиях твердой пшеницей мягкой пшеницы и вызывает быстрое засорение посевов твердой пшеницы мягкой пшеницей, т. к. даже небольшое число зерен мягкой пшеницы в этих условиях быстро размножается».

Неизвестно ни одного случая, когда бы Лысенко или его ближайшие соратники согласились хотя бы с одним возражением своих оппонентов и отказались от тех или иных положений, даже в том случае, если десятки ученых не смогли подтвердить сделанные Лысенко явно ошибочные заключения.

Дискуссия в «Ботаническом журнале», несомненно, внесла свежую струю в нашу биологию и фактически развенчала лысенкоизм в глазах ученых нашей страны и других социалистических стран. Эта дискуссия поставила лысенкоизм на грань полного провала, выявила его научную несостоятельность. Оказавшись не в состоянии вести честный научный спор, лысенковцы вновь прибегли к демагогии и политическому шантажу в декабре 1958 г. Мы имеем в виду выступление Лысенко на пленуме ЦК КПСС в декабре 1958 г. и публикацию анонимной статьи в «Правде» за один день до открытия этого пленума 14 декабря 1958 года, воскрешавшие атмосферу демагогии и необоснованных обвинений всех критиков акад. Лысенко, характерную для сессии ВАСХНИЛ 1948 г.

Редколлегия «Ботанического журнала» была расформирована и заменена новой редколлекцией, составленной из последователь Лысенко. Акад. Энгельгард на посту академика-секретаря биологических наук АН СССР был заменен лысенковцем Сисакьяном. Был снят с поста директора ВИУАА известный агрохимик проф. Авдонин, в связи с тем, что этот институт, основываясь на результатах многочисленных опытов, выступил против целесообразности приготовления смесей удобрений по методу Лысенко и против его «биологической теории» питания растений.

Таковы были горькие плоды «исторической» сессии ВАСХНИЛ — и влияние этой сессии на современную ситуацию пока еще не изжито. Однако, прежде чем перейти к оценке современной ситуации, необходимо рассмотреть одно из событий, порожденных лысенкоизмом — вторичное возрождение вильямсизма в 1948 г. и непродуманное принятие в октябре 1948 г. травопольной системы земледелия в масштабах всей страны.

ВОСКРЕШЕНИЕ ВИЛЬЯМСА В 1948 г. И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТРАВОПОЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ НА ВСЮ СТРАНУ

Учение Вильямса о травопольной системе земледелия, подвергнутое, как мы видели, бурной дискуссии в 1933 - 37 гг., после смерти его основателя в 1939 г. и особенно за годы войны было почти забыто. В то же время получил всеобщее признание путь развития сельского хозяйства, предлагавшийся агрохимической школой Прянишникова — путь химизации и интенсификации земледелия. Серьезной ревизии было подвергнуто в эти годы и учение Вильямса о так называемом едином почвообразовательном процессе, изложенное в его известном курсе почвоведения с основами земледелия и служившее теоретической основой травопольной системы земледелия.

Создавая свое учение о почвообразовательном процессе, Вильямс был не очень щепетилен с фактами и общеизвестными истинами, его фантазия не знала никаких границ. Мы приведем здесь лишь два примера наиболее ярких и явных вымыслов, лежавших в основе теории Вильямса о почвообразовательном процессе.

Известно, что почвообразовательный процесс Вильямс начал с породы, остающейся от таяния ледников, некогда наступавших на некоторые районы Европы и Северной Америки. Но как быть с районами Азии, Африки, Америки, Австралии, никогда не подвергавшимися оледенению? Для устранения этого затруднения Вильямс придумал для земного шара новый, дополнительный тип вращения в направлении с севера-запада на юго-восток со скоростью одного оборота в 100.000 лет (Вильямс, «Почвоведение», 1947 г.). Это вращение Вильямс назвал прецессионным. Придумав это никем никогда не установленное вращение Земли в этой плоскости, Вильямс пришел к следующему заключению:

«Прецессионное обращение Земли влечет за собой такие последствия. Полярные в настоящее время области через 25.000 лет пройдут через эква-

тор. Через следующие 25.000 лет они будут погребены под антарктическим ледником и еще через 25.000 лет займут приблизительно старое место».

Это заключение, которое Вильямс приводит как им установленный факт, является чистейшим вымыслом, грубейшей фальсификацией, ибо нельзя назвать это даже гипотезой. Элементарные сведения из области палеонтологии, экологической ботаники и зоологии, геологии и астрономии легко показывают полную вздорность периодической смены мест экваторов и полюсов каждые 25.000 лет. Такая смена положения полюсов и экватора каждые 25.000 лет делала бы совершенно невозможной всякую эволюцию живой природы на изолированных материках типа Австралии, и большая часть земной суши представляла бы собой в этом случае голую, лишенную древесной растительности пустыню.

Однако это допущение было необходимо Вильямсу для того, чтобы свести концы с концами в его теории почвообразования, и он сделал это вопреки элементарной научной логике.

Такой же трюк проделал Вильямс, связав процессы почвообразования с образованием трех перегнойных кислот: ульминовой, уминовой и кремневой, обнаруженных якобы Берцеллиусом в начале прошлого века и переобнаруженных самим Вильямсом. Обсуждая свойства этих кислот, Вильямс относится к ним как к химически индивидуальным соединениям, образующим соли и т. д. Между тем никто никогда таких кислот из почвы не выделял и продукты разложения растений в почве теоретически немислимо представить в форме индивидуальных кислот. Между тем, именно действие этих кислот лежит в основе концепции Вильямса о почвообразовательных процессах и структуре почвы. И примеров такого рода фантастических построений и концепций Вильямса можно привести очень много.

Вильямсу следует отдать должное — его курсы почвоведения и земледелия написаны увлекательно, диалектично и широко. В них имеется немало интересных мыслей. Но это лишь увлекательность научно-фантастического романа. Она производит впечатление лишь на людей, плохо знающих предмет, на доверчивых простаков, поверхностных философов и таких же кабинетных фантазеров, каким был сам Вильямс. Серьезный ученый неизбежно выявляет грубые ошибки Вильямса, его стремление исказить факты в угоду своим концепциям, его склонность к ненаучному фантазерству и прожектерству, а иногда и к прямой фальсификации.

Большинство почвоведов нашей страны не было вильямси-

стами и многие относились к его теориям весьма иронически. Газета «Тимирязевец» — печатный орган Тимирязевской сельскохозяйственной академии — впервые опубликовала 11 мая 1962 г. интересное письмо акад. Прянишникова, датированное 1941 годом. Это письмо представляет собой докладную записку, направленную Прянишниковым наркому земледелия, председателю Комитета по делам высшей школы, директору Тимирязевской академии и ряду других организаций по поводу нового в тот период (1940 г.) посмертного издания учебника Вильямса. Прянишников давал этому учебнику беспощадную, но совершенно правильную оценку:

«Считаю своим долгом обратить внимание на следующую основную ненормальность в преподавании почвоведения и земледелия и в деле подготовки кадров по этой специальности в сельскохозяйственных вузах вообще и в сельскохозяйственной академии им. Тимирязева в частности. То руководство, которое рекомендуется теперь студентам, имеет следующие недостатки:

1. Оно отстало от современного состояния почвоведения по крайней мере на полстолетие, в нем не упоминается почти ни одного автора XX столетия, а взгляды авторов XIX столетия излагаются неверно (см., например, сказанное о Грандо), иногда им приписывают совершенно обратное тому, что они говорили в действительности.

2. Самый подход к решению агротехнических вопросов является неправильным, именно, игнорируются все опытные данные (как зарубежных, так и наших опытных станций), и решение всех вопросов происходит чисто натурфилософским путем, в полном отрыве от реальной действительности.

3. В этом руководстве содержится ряд совершенно неверных утверждений, стоящих в полном противоречии с твердо установленными положениями, как в области основного естествознания, так и в области агрономии.

Эти абсурды не ограничиваются только общими положениям, но они приводят к вредным выводам в области практики, к неверным указаниям в области агротехники. Число этих абсурдов так велико, что здесь их нельзя перечислить, можно только привести несколько выразительных примеров...»

И далее следовало краткое описание наиболее абсурдных положений как по разделу земледелия, так и по разделу почвоведения (высказывания Вильямса о бесполезности известкования, о хранении навоза до исчезновения запаха, о вредности внесения

калийных удобрений, якобы разрушающих структуру почвы и т. д. и т. п.).

Прянишников рекомендовал отменить решение о введении этой натурфилософской, переполненной фантастикой книги в качестве учебника для студентов сельскохозяйственных институтов. Этого, однако, не было сделано и студенты прорабатывали учебник Вильямса еще лет 16-17, несмотря на его явную дефектность как в научном, так и в практическом отношении.

Ученик Вильямса акад. Бушинский, возглавлявший после смерти своего учителя ведущую в стране кафедру почвоведения, и проф. Чижевский, возглавлявший кафедру земледелия, проводили в жизнь строгий девиз: «лучше Вильямса не сможешь, лучше Вильямса не напишешь», и объявили ревизионизмом всякую попытку пересмотра любого, даже явно вздорного положения Вильямса. Однако до сессии ВАСХНИЛ в августе 1948 г. это слепое поклонение Вильямсу имело локальный характер, его вред был ограничен сравнительно узкими рамками. По сравнению с 1937-38 гг. вильямсизм отступил в большинстве направлений, он заметно утерял свою агрессивность. И в этом была большая заслуга Прянишникова и его научной школы.

Классический, насыщенный фактами учебник Прянишникова «Агрохимия» и его курс «Учение о севооборотах» полностью нейтрализовали в учебном процессе сельскохозяйственных институтов вредное действие натурфилософии Вильямса. Таким образом, к 1948 г. налицо был очевидный факт освобождения нашего сельского хозяйства и агрономии от догматизма Вильямса как в почвоведении, так и земледелии. Влияние идей Вильямса было в тот период весьма незначительным и имелись, таким образом, хорошие предпосылки для того, чтобы направить развитие сельского хозяйства страны по пути единственно правильного рационального земледелия, по пути, который надежно проверен в большинстве стран Европы и в США. Этого, однако, не произошло, и сельское хозяйство нашей страны пошло по неверному, непроверенному и ненадежному пути травопольного земледелия, которое за последние полтора десятка лет несколько раз приводило страну на грань сельскохозяйственного кризиса, и от которого пришлось решительно отказаться в 1954 г. на юге СССР и в 1960-61 гг. в масштабах всей страны.

В чем же заключалась причина возрождения в стране забытых догм Вильямса? Простой исторический анализ приводит нас к определенному выводу о том, что неоправданное оживление вильямсизма было неизбежным и прямым результатом ав-

густовской сессии ВАСХНИЛ в 1948 г. Постановление правительства о повсеместном и обязательном введении в стране травопольных севооборотов и всего комплекса системы Вильямса было принято через два с половиной месяца после сессии ВАСХНИЛ, в октябре 1948 года. Это постановление вводило травопольную систему в действие сразу, без какого-либо предварительного обсуждения, без учета разных мнений, как что-то неопровержимо доказанное и не вызывающее сомнений. Она была введена как важное достижение победившей на сессии ВАСХНИЛ мичуринской агробиологии, как звено единого учения Мичурина-Вильямса-Лысенко.

Участники августовской сессии ВАСХНИЛ в письме к Сталину писали:

«Наша агробиологическая наука, развитая в трудах Тимирязева, Мичурина, Вильямса, Лысенко, является самой передовой сельскохозяйственной наукой в мире. Она является не только законным преемником прогрессивных идей передовых ученых всей истории человечества, но и представляет собой новую, более высокую ступень развития человеческих знаний о высокой культуре земледелия».

Именно на августовской сессии ВАСХНИЛ Вильямс в докладе Лысенко был причислен к лику святых основателей мичуринской биологии и его травопольная система земледелия была объявлена самой передовой, самой прогрессивной, наиболее соответствующей социалистической системе сельскохозяйственного производства.

Доказательств какого-либо преимущества травопольной системы земледелия в 1948 году, как теперь выясняется, не было, не было опубликовано ни одной убедительной работы, фактически доказывающей выгодность травопольной системы сравнительно с другими типами севооборота и другими системами. Не существовало ничего научно серьезного для того, чтобы обосновать травопольную систему как лучшую. И тем не менее, эта в корне порочная система безудержно восхвалялась на августовской сессии ВАСХНИЛ в речах почти всех выступавших с критикой классической генетики и в заключительном постановлении сессии. Вот что говорил, например, председатель сессии акад. Лобанов, в то время занимавший министерский пост:

«Мощным средством коренного подъема сельского хозяйства, повышения культуры земледелия является внедрение и смелое осуществление на практике травопольной системы земледелия, разработанной корифеями русской агрономической науки — Костычевым, Докучаевым, Вильямсом. То, что было вековой мечтой передовых русских агрономов, должно

быть ныне превращено в конкретную программу действий и в ближайшее же время стать реальной действительностью» (стеногр.).

Интересно привести здесь и выдержку из речи на сессии акад. Демидова, экономиста по специальности:

«Трудами корифеев русской науки создана теория травопольной системы земледелия, обобщенная и замечательно целостно изложенная академиком Вильямсом. Исключительные, прямо поразительные результаты дает освоение этой системы в районах Повольжья, Северного Кавказа, Украины, ЦЧполосы и других зон степного земледелия нашей страны».

А вот как оценивает акад. Демидов возможности для критики этой системы:

«И вот, представьте себе, появятся другие школы и будут доказывать обратное, будут ставить под сомнение основные положения травопольной системы земледелия. Что же из этого получится? Срыв осуществления этих важнейших мероприятий государственного значения. И, к сожалению, надо сказать, что противники травопольной системы земледелия, представители другой «научной» школы, как, скажем, акад. Жуковский, не мало сделали в вузах, научно-исследовательских институтах и сельскохозяйственных органах, чтобы затормозить ее победоносное шествие».

Особенно усердствовал в восхвалении травопольной системы на сессии ВАСХНИИ Дмитриев, в то время начальник управления сельскохозяйственного планирования Госплана СССР:

«К счастью, — уверенно утверждал Дмитриев, — в нашей стране русская агрономическая наука дала нам стройную общеагрономическую теорию, теорию непрерывного повышения урожая, не только объяснившую успехи стахановцев, но вооружившую колхозы и совхозы на дальнейшее повышение урожайности сельскохозяйственных культур, на создание избытка предметов потребления в нашей стране. Эта теория стоит на голову выше западноевропейского учения о плодосмене и является гордостью нашей советской науки. Она называется комплексом Докучаева-Костычева-Вильямса, или травопольной системой земледелия» (стеногр. отчет).

Кстати, нелишне заметить, что речь Дмитриева содержала наиболее слепое и безудержное восхваление всех деяний Лысенко. В последующие годы Дмитриев был освобожден от работы в Госплане и перешел на работу непосредственно к Лысенко в институт генетики, защитил в 1954 году там халтурную докторскую диссертацию о порождениях сорняков культурными растениями. Известный советский ботаник проф. Станков показал, однако, что Дмитриев занимался в этой диссертации грубой фальсификацией. Письмо проф. Станкова было опубликовано в «Правде». Скандал, связанный с этой жульнической работой, стал широко известен, и Дмитриев был лишен докторской степени.

Одобрение травопольной системы и возведение Вильямса в ранг основоположника мичуринской биологии содержалось и в заключительном постановлении августовской сессии ВАСХНИЛ:

«Мичуринское направление в биологии является творческим развитием дарвинского учения новым, высшим этапом материалистической биологии. Советская агробиологическая наука, опиравшаяся в своих исследованиях на выдающееся учение Мичурина о развитии растений, Вильямса о почвообразовании и приемах обеспечения условий высокого плодородия почвы и получившая дальнейшее продвижение в исследованиях Лысенко и всего коллектива передовых советских биологов, стала мощным орудием активного планомерного преобразования живой природы».

И все эти голословные утверждения, все это пустозвонство предопределило решение правительства о введении травопольной системы. Фактически правительство было введено в заблуждение, ибо никаких реальных данных для такой оценки травопольной системы никогда не было и не могло быть. Известная статья Лысенко «Об агрономическом учении Вильямса» была написана в 1950 году, уже после того, как ЦК КПСС, в результате многочисленных заявлений агрохимиков, агрономов и других специалистов и ряда совещаний, осудил отмеченные в статье Лысенко ошибки Вильямса, в результате чего по основным сельскохозяйственным учреждениям было разослано специальное письмо ЦК по этому вопросу. Лысенко упорно противился в этот период движению агрономической общественности против засилия вильямсизма и был вынужден опубликовать в 1950 году статью, в которой он, по существу, несправедливо присвоил себе приоритет критики ряда положений вильямсизма, постарался выгородить основу этого порочного учения — травопольную систему земледелия.

Конечно, нельзя считать этот фактический обман правительства результатом злого умысла. В общем, намерения некоторых из тех, кто восхвалял эту систему, были, по-видимому, хорошими. Но дорога в ад, как говорится, вымощена благими намерениями. Трагедия состояла не в том, что у тех, кто нес ответственность за внедрение этой системы, не хватало благих намерений для обеспечения быстрого прогресса сельского хозяйства нашей страны. Истинная трагедия состояла в том, что решение вопросов развития сельского хозяйства, определение направления этого развития и обоснование этих намерений оказалось в этот период в руках людей ограниченных, догматиков и начетчиков, людей, неспособных к глубокому самостоятельному мышлению, крику-

нов и пустозвонов, слепо идущих за теми или иными научными лидерами. Научной истиной в глазах таких людей тот или иной тезис является не потому, что он доказывается железной логикой фактов, опытов или теоретическим анализом, а потому, что он сформулирован каким-то «великим» деятелем — Тимирязевым, Вильямсом, Мичуриным или Лысенко. Предоставление таким людям власти в науке — страшное дело: под звон громких фраз самовосхваления и демагогии начинается явный развал, депрессия, преследование и травля серьезных ученых.

Преследования прогрессивных ученых, выступавших когда-либо против учения Вильямса, не заставили себя ждать. Президиум ВАСХНИЛ назначил в конце 1948 года специальную комиссию для проверки работы Всесоюзного института удобрений. В состав комиссии входили оголтелые вильямсисты (Бушинский, Перов, Ямников, Вильямс-сын, Шурыгин и др.). На основе выводов этой комиссии из института были уволены и потеряли возможность экспериментировать лучшие агрохимики и ученики акад. Прянишникова профессора Чириков, Толли, Бобко, Дискуссар, Балашев (Дискуссар был потом арестован). Преследования противников Вильямса начались и в других учреждениях.

Нелишне отметить характерный эпизод этих репрессий. Проф. Дискуссар, которого акад. Прянишников особенно ценил как ученого, заведывал в этот период кафедрой агрохимии МГУ (кафедра была основана Прянишниковым) и руководил группой сотрудников в институте удобрений. В конце 1948 года его вызвал к себе Сотников, работавший тогда в весьма ответственном учреждении, чтобы сообщить ему об увольнении его с обоих постов как «прянишниковца». На протесты Дискуссара Сотников сказал: «Назовите мне какую-либо свою статью, в которой вы критикуете Прянишникова, и тогда, может быть, мы пересмотрим свое решение». Дискуссар ответил с достоинством: «Назовите вы какую-либо статью, которую можно было бы критиковать». — «Что ж, если вы ставите вопрос в такой плоскости, то нам с вами не о чем разговаривать», — таков был ответ Сотникова.

Дискуссара уволили. Через два-три месяца он был арестован. Ему инкриминировали в 1949 году те нелепые обвинения, которые выдвигались против него в 1937 году и которые сводились к тому, что когда-то, в 20-х годах он воздержался при голосовании за какую-то резолюцию. В настоящее время проф. Дискуссар возглавляет институт и кафедру агрохимии в Молдавской ССР. Сотников тоже выдвинулся на пост министра сельского

хозяйства РСФСР и его взгляды на роль Прянишникова сильно изменились, ему даже удалось стать соавтором предисловия к недавно изданному сборнику статей Прянишникова.

В Тимирязевской сельскохозяйственной академии был в тот период уволен ученик Прянишникова, декан факультета агрохимии и почвоведения, проф. Голубев. Автор очерка был в это время студентом этого факультета и мы, студенты, относились к проф. Голубеву с большим уважением и любовью за его чуткость, эрудицию, его блестящие лекции. Увольнение Голубева и его последующая травля произвели тяжелое впечатление на всех студентов факультета, однако детали этой истории стали известны мне лишь недавно, при разборе ряда дел в архиве Тимирязевки в связи с подготовкой настоящего очерка. И мне хотелось бы в связи с этим привести некоторые выдержки из этих материалов, очень ярко обрисовывающие тот типичный произвол, который творили тогда создатели «новой» биологии.

Испытывая через несколько месяцев после увольнения материальные и моральные трудности, проф. Голубев подал заместителю министра высшего образования Топчиеву заявление с просьбой пересмотреть решение министерства об увольнении. Топчиев переслал заявление Голубева ректору акад. Столетову с просьбой высказаться по этому поводу. На письмо Топчиева была наложена следующая резолюция: «В. В. Вильямсу — прошу составить проект ответа» (Голубева уволили как противника Вильямса и поэтому сын Вильямса, занимавший деканский пост Голубева, был, естественно, самым подходящим арбитром в этом деле!). И вот перед нами копия ответа ректората, посланного Топчиеву 3 февраля 1949 года:

«Восстановление Голубева на работе признается невозможным, ибо в лекциях Голубева не было раздела о травопольной системе земледелия, отсутствовал раздел о корифеях советской науки Мичурине, Вильямсе и Лысенко» и т. д.

«На протяжении всей своей деятельности Б. А. Голубев, вместо того, чтобы устранять противоречия между акад. Прянишниковым и Вильямсом с Лысенко, всемерно их усиливал, поддерживая Прянишникова в его критике Вильямса, Мичурина, Лысенко»...

«в течение всего времени работы на кафедре агрохимии проф. Голубев защищал отсталые позиции Прянишникова...» и т. д.

Получив отрицательный ответ на апелляцию Топчиеву, Голубев обратился к министру высшего образования Кафтанову. Опять запрос в академию и опять ответ, подписанный ректором

акад. Столетовым, составленный уже в более резких и громящих выражениях:

«...Сейчас, спустя полгода, проф. Голубев решил потребовать, чтобы ему доказали, что он антимичуринец или отменили вышеуказанный приказ. Однако такое требование само по себе уже говорит о том, что мы имеем дело с неразоружившимся, упорствующим, настаивающим на своих антимичуринских позициях человеком...»

«...тот факт, что Голубев — один из самых активных противников Вильямса, всего вильямсовского, наиболее верный и активный сподвижник Прянишникова в его многолетней активной борьбе против мичуринского направления, этот факт, ни у кого не вызывает сомнения. Поэтому министерство высшего образования СССР ныне, в интересах развития мичуринского направления, должно отклонить личные претензии Голубева и одновременно потребовать от него убедительных доказательств, что он в силах преодолеть крупные методологические ошибки своего учителя Прянишникова, за которым он слепо и беспринципно следовал, что он сегодня имеет желание стать проводником материалистического учения Докучаева-Вильямса-Мичурина в агрономической науке и на этой основе когда-нибудь в будущем осознать порочность своих начальных позиций...»

«Все лекции, читавшиеся Голубевым с кафедры, были фактически введением к походу против мичуринского учения, в течение многих лет проводившегося в ТСХА группой вейсманистов и их союзников с кафедры агрохимии — Прянишниковым и Голубевым» и т. д.

Автор письма не гнушался и прямой клеветой:

«Например, кому неизвестно, — читаем мы в письме Столетова, — что в дореволюционной академии и в академии после революции место Прянишникова было неизменно среди наиболее консервативной и реакционной части профессуры, враждебной Вильямсу и шедшей вместе с Вильямсом прогрессивной профессуре и преподавателям».

В доказательство «вредности» Голубева и Прянишникова к письму Столетова было приложено дополнительное письмо яркого вильямиста проф. Чижевского, долженствующее «отражать» общественное мнение. Апелляция Голубева была отклонена, и вскоре он безвременно умер после паралича, не выдержав клеветы и произвола. Так расправились с лучшими учеными представители «прогрессивной» биологии, и таких трагедий были тысячи.

Выше мы уже коснулись «особой» вильямсистской комиссии ВАСХНИЛ. Характер решений этой комиссии оставался долгое время неизвестным. И только в 1957 году резолюция комиссии была случайно извлечена из архива президента ВАСХНИЛ. В декабре 1961 года она была зачитана на собрании парткома ТСХА

(см. газету «Тимирязевец» от 6 января 1962 г.). Решения этой комиссии носили фантастический характер. Научная школа акад. Прянишникова объявлялась реакционной, а сам академик Прянишников — немецким агентом. Авторы резолюции дошли даже до утверждения о том, что создавая в СССР азотную промышленность, Прянишников мечтал о том, чтобы она досталась немцам в случае войны. Это было гнусное надругательство над памятью великого ученого и патриота, мелкая месть низких людей. И о том, что в руках подобных людей оказалась в 1948 году советская биологическая наука и агрономия, надо горько пожалеть. С выводами этой комиссии ознакомился лично Лысенко, и он не только одобрил их, но и издал в связи с решением комиссии специальный приказ по ВАСХНИЛ, приказ, который и поныне хранится в архиве института удобрений.

«Действительно, на протяжении всего периода существования института преобладающее большинство его научных работников, во главе с акад. Прянишниковым, руководствовались минерально-агрохимическим направлением в агрономической науке, исходившим из зарубежных реакционных теорий... Преклоняясь перед зарубежной наукой, представители этого направления вели борьбу против передового агробиологического учения Мичурина-Вильямса... Научная разработка травопольной системы земледелия опытными станциями института игнорировалась и они были неправильно ориентированы на одностороннее действие удобрений в паропропашных и плодосменных севооборотах».

И далее следовало обычное:

«приказываю: и. о. директора т. Павлову разработать и доложить мне меры по искоренению из работы ВИУАА и его опытной сети отвергнутых передовой теорией и практикой антивильямсовских методов работы и в дальнейшем научно-исследовательскую работу базировать на передовом учении советских агробиологов Мичурина-Вильямса».

Другие пункты приказа обязывали дирекцию института к пересмотру печатной продукции, персональной проверке всех сотрудников на предмет увольнения тех, кто стоит на «неверных» позициях, к перераспределению аспирантов и к другим организационным мерам. Даже научная проверка догм вильямсизма была запрещена, и это, несомненно, на много лет отодвинуло развенчание и выявление бесплодности натурфилософии Вильямса.

Посмотрим теперь, как оценивалась «историческая» сессия ВАСХНИЛ в связи с победой вильямсизма в известной книге

Сафронова «Земля в цвету», удостоенной сталинской премии и переведенной на многие языки:

«После смерти Мичурина Лысенко подхватил мичуринское знамя в биологической науке. Сессия открылась в субботу.

В воскресенье делегаты посетили Горки. Там находилась экспериментальная база академии. И они увидели стеной стоящую пшеницу, незнакомую земледельцам, с гроздьями колосьев на каждом стебле. Пять граммов зерна было в каждом колосе, кулек семян дал урожай шесть мешков — это сто, может быть даже сто пятьдесят центнеров с гектара — и рядом текла простая подмосковная речка Пахра, а невдалеке был дом, где 24 года назад умер Ленин.

Над этой пшеницей, по сталинскому заданию, работает сейчас Лысенко со своими сотрудниками академиками Авакяном и Долгушиным. И когда заколосится она не на опытах, а на колхозных полях, не будет тогда такой области в промышленном сердце нашей страны на широте Москвы, которая не сможет целиком прожить своим хлебом. И скачок, упятерение урожайности полей станет одним из величайших переворотов, когда-либо пережитых земледелием.

В понедельник продолжалась сессия, и на одном из заседаний директор Сибирского научно-исследовательского института зернового хозяйства Высоков рассказал о целой серии яровых пшениц, перевоспитанных в озимые, и о том, что при посевах по стерне зимуют в сибирские морозы даже малостойкие «украинки» и «новокрымки», а яровые, посеянные по стерне, никогда не болеют жестокой болезнью — пыльной головней. И показал снопики сибирской пшеницы, давшей урожай от 16 до 32 центнеров. А начальник сельскохозяйственного планирования Госплана СССР Дмитриев сообщил, что непреодолимые, казалось, трудности культуры люцерны преодолеваются лысенковскими летними посевами люцерны и на юге по чистому пару, и грандиозная задача облесения степей будет гораздо скорее решена применением лысенковских способов лесоразведения (гнездовой посев). Гнездо древесных ростков не подпустит самого опасного врага молодого леса — траву. Почти отпадает сложнейшее и дорогое — уход за саженцами. И через 3-5 лет лес начнет свою службу. Лесные полосы, посевы трав...

Лысенковские предложения помогают «втянуть» эти очень важные звенья травопольной системы. Для Лысенко слияние учения Докучаева-Вильямса с учением Мичурина — не головной теоретический вывод: это слияние делом, практикой, без которой нельзя и при которой именно сила одного учения открывает всю силу другого учения! Да, всем было видно, с чем пришли мичуринцы на сессию» (Сафронов — «Земля в цвету», глава «Историческая сессия»).

Вильямс обещал, как мы видели ранее, 100-150 центнеров пшеницы с га за счет структуры почвы, обеспечиваемой его травопольной системой. Эти обещания лопнули, как мыльный пузырь. Так же лопнули еще менее обоснованные надежды на революцию в земледелии на базе бесперспективной и низкоурожайной, известной еще в древнем Египте ветвистой пшеницы. Действительность опрокинула пустые надежды кабинетных мечтателей и иллюзионистов, действительность требовала настоящей агрономической науки, настоящей биологии, организованных не по принципу поклонения новоявленным «пророкам».

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДИСКУССИИ И СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ

Характер развития советской биологии и агрономии после погромной сессии ВАСХНИЛ 1948 года имел, как мы уже видели, весьма уродливый характер. Многие важные направления развития этих наук были подавлены, в то же время возникли новые, необычайные направления, которые могли развиваться лишь опираясь на явную фальсификацию и профанацию научных данных (скачкообразные превращения одних видов растений в другие, учение о возникновении клеток из неклеточного вещества, превращение вирусов в микробы и наоборот, негативная гибридизация, доказательства преимуществ травопольной системы земледелия, гнездовые посевы леса и теория «самоизреживания» и т. д.).

Методический уровень науки резко снизился, и это открыло широкий путь к ученым степеням и должностям большому количеству людей, неспособных к действительному и серьезному научному творчеству и заинтересованных в продолжении гонений на классическую биологию и генетику. Возникла даже большая и довольно влиятельная крикливая «плеяда» биологов и философов, которые сделали восхищение Лысенко и критику классической биологии, генетики и агрономии своей основной профессией (Презент, Дворянкин, Фейгенсон, Халифман, Варцунян, Платонов, Нуждин, Бушинский и др.) и которые были ни к чему более не способны. Их задача состояла и состоит в том, чтобы шельмовать всех противников Лысенко, где бы они ни появились.

Редакции журналов и газет и ответственные посты других учреждений, покровительствующих Лысенко и управляющих

наукой, были наполнены людьми такого же образа мыслей, видевших свое призвание прежде всего в том, чтобы подавлять и глушить все то, что противоречило концепции Лысенко и его окружения.

Фактически в науке появилась обширная секта со своим лидером, печатными органами, центральным правлением, определенной организацией и особым вероучением. Эта секта завоевала ряд министерских постов (в сельском хозяйстве СССР и РСФСР — Ольшанский и Сотников, министр высшего образования — Столетов) заняла ключевые позиции в академии наук СССР (Сисакян), в ВАСХНИЛе (Лысенко, Ольшанский, Варцунян и др.), в высшей аттестационной комиссии, в сельскохозяйственной академии УССР (Власов), в академиях наук союзных республик, в Госплане (Лобанов), в сельскохозяйственной секции союза обществ культурных связей (Глуценко, Фейгенсон), блокировала каналы информации в биологии и сельскохозяйственной науке, поступающей в ЦК КПСС (Черкашин, Утехин, Желтиков и др.), захватила большинство научных институтов в области сельского хозяйства и биологии.

Однако господство этой секты непрочно, ибо ее вероучение научно несостоятельно. Положение и власть этих людей базируется не на развитии науки, а на фальсификации и застое науки, на догматизме, на слепой вере в непогрешимость Лысенко. И если бы Мичурин был жив, он, несомненно, не был бы в рядах этой секты. За все годы, прошедшие после «исторической» сессии ВАСХНИЛ, представители этой секты, имевшей в своем распоряжении все условия для научной работы и все ключевые позиции для обеспечения влияния науки на сельскохозяйственное производство, не сделали ни одного нового широко признанного научного открытия, не продвинулись ни на шаг к пониманию проблемы наследственности, из-за которой ими был поднят когда-то спор, изолировали советскую биологию на международной арене, довели своими необоснованными рекомендациями сельское хозяйство нашей страны до состояния застоя и объективно способствовали возникновению недостатка сельскохозяйственной продукции в стране.

В результате господства этой секты советская наука недопустимо резко отстала от науки, например, США в области агрономии, генетики, биохимии, биофизики, физиологии, экспериментальной ботаники, цитологии, почвоведения, агрохимии, микробиологии, эмбриологии и во многих других областях. В то же

время искусственное деление советских ученых-биологов на два лагеря с политическим оттенком продолжает сохраняться и поддерживается до настоящего времени, несмотря на свою явную вредность и вздорность. Слишком много людей должны были бы посторониться для того, чтобы обеспечить демократический характер развития советской науки, но они не хотят этого сделать без посторонней помощи.

Классическая генетика в последние годы в нашей стране получила некоторые возможности для развития в области медицины и в ряде физических и химических институтов, однако эти возможности пока явно недостаточны. Почти все каналы научной печати фактически закрыты для критики ошибочных, а иногда и явно вздорных концепций, каналы подготовки кадров не имеют легального характера.

В то же время за рубежом изучение проблемы наследственности в русле классической генетики сделало колоссальный скачок вперед. В хромосомах был обнаружен реальный биохимический самовоспроизводимый субстрат наследственности в форме гигантских полимерных молекул ДНК (дезоксирибонуклеиновой кислоты). Было установлено, что равные кирпичики этих полимеров (нуклеотиды), располагаясь в разной последовательности, служат особым алфавитом, который записывает биохимическую информацию, предопределяющую через ряд биохимических каналов синтез всех специфических белков, из которых состоит организм.

Эта картина была выявлена в результате тысяч блестящих экспериментальных работ в области генетики и биохимии (изучение синтеза белков и нуклеиновых кислот). Синтез субстрата наследственности — ДНК — уже осуществляется в лаборатории, вне организма. Сейчас уже начаты успешные опыты по искусственному синтезу белков на искусственно синтезируемых рибонуклеиновых матрицах и расшифровка того нуклеотидного кода, который шифрует позицию аминокислот в белках. Эти работы имеют грандиозное значение и могут быть сравнимы с открытием радиоактивности. Почти каждый месяц в последние 10-15 лет приносит весть о каком-либо фундаментальном открытии в разгадке наследственности, но мы наблюдали этот процесс лишь со стороны, довольствуясь в официальных речах все той же старой жвачкой о природе наследственности, которой рот советской биологии был наполнен еще 25 лет назад, и которую она не может ни выплюнуть, ни проглотить, а применение эффективных рвот-

ных и слабительных средств решительно отвергается теми, кому предоставлено право управлять развитием науки.

Огромны и практические достижения классической генетики и селекции, и они намного реальнее тех обещанных чудес, которых некоторые все еще ждут от предположений и гипотез, игнорирующих реальные законы живой природы и доказываемых лишь в результате обхода общепризнанных методов опытного дела и опытной проверки.

Резкий сдвиг произошел в области оценки агрономических концепций вильямсизма — они потерпели полный провал. Они были отвергнуты самой жизнью и теперь остро поставлена задача ликвидации их вредных последствий, что займет, конечно, несколько лет. Теперь уже ясно видно, что научно несостоятельный вильямсизм сохранял свое влияние в агрономии лишь как придаток лысенкоизма, и в качестве такового был изолирован от критики.

Подавление свободы принципиальных научных дискуссий, ликвидация демократических принципов в науке — вот что обеспечивало вильямсизму столь долгое господство при явной теоретической и практической несостоятельности. И эти демократические принципы должны быть восстановлены в полной мере во всех областях науки. Ученым должна быть предоставлена полная свобода научных дискуссий, независимо от того, чей авторитет и влияние это может затронуть. Ограничения в области научного творчества должны быть решительно отброшены.

Сравнительная многочисленность и в настоящее время сторонников «учения» Лысенко среди биологов и агробиологов объясняется просто, ибо почти все представители молодого и среднего поколения специалистов сельского хозяйства и биологии фактически прошли через стадию лысенкоизма. До определенного возраста любой человек, как известно, не способен к серьезному критическому научному мышлению, оно возникает лишь при наличии известного уровня знаний. И вот именно в этот ранний период, в период доверчивого отношения к любой книге и особенно учебнику сначала в средней, а затем и в высшей школе, учеников и студентов усиленно и настойчиво начинали догматизмом лысенкоизма. Разочарование приходило ко многим лишь потом, в процессе накопления знаний, в процессе научной работы, изучения мировой литературы, приобретения практического опыта и развития способности к критическому анализу фактов и теорий. Но некоторая часть людей оставалась, естественно, на

первой стадии и пополнила ряды лысенковской секты, тем более, что это обеспечивало этой группе специалистов ряд привилегий. Сюда стекалось также большое число карьеристов, приспособленцев и авантюристов. Всё объединялось в большой кулак, который сжимал нашу биологию и агрономию за горло.

Иногда можно услышать мнение о том, что в нашей стране уже созданы нормальные условия для развития классической генетики, что состояние дел в этой области характеризуется китайской формулой: «пусть расцветают 100 цветов». Это мнение основано на фактах нередкой публикации статей, особенно в популярных журналах, говорящих о синтезе белков и нуклеиновых кислот, о наследственной информации и т. д. Однако эти факты еще не показательны. Внимательное рассмотрение этих публикаций выявляет, что в них советские авторы выступают в основном как обозреватели зарубежных достижений, как популяризаторы тех волнующих открытий, которые сделаны в последние годы в США, Англии, Франции и др. странах. И это не случайно, ибо к 1962 году у нас не было никаких реальных возможностей для экспериментальных и практических достижений в этой области, сравнимых с тем, что было сделано за рубежом.

Отставание нашей страны в области биологии и смежных с нею наук стало угрожающим. Об этом говорит, например, следующее: неопровержимо выявлено наличие более 100 наследственных заболеваний, встречающихся у человека, причем около 100 наследственных болезней являются широко распространенными. Одни лишь наследственные, определяемые генами аномалии гемоглобина крови, систематически приводящие к образованию летальных комбинаций, распространены у 200 млн. человек тропических и субтропических районов земного шара. Примерно 1 из 10 рождающихся на земном шаре представителей человеческого рода имеет какую-либо наследственную аномалию, которая будет передаваться потомству, и относительное число этих аномалий постепенно увеличивается в результате излишнего и немелкого использования рентгеновских просвечиваний (в СССР делается 100 миллионов просвечиваний в год), испытаний атомных бомб и других мутагенных факторов.

Точнее знание классической генетики необходимо и для борьбы с раком, ибо большинство опухолей — это результат генетических изменений клеток тканей (соматических мутаций). Между тем, преподавание генетики в медицинских вузах отсутствует, учебников медицинской генетики на русском языке нет,

лабораторий медицинской генетики практически нет, и даже тот уровень медицинской работы в этой области, какой мы имели 30-35 лет назад, в период существования в СССР Медико-генетического института (проф. Левит) и группы видных генетиков человека (Агол, Серебровский, Левин, Кольцов и др.), далеко не достигнут. Начаты исследования в области генетики микробов, но это далеко не все, что нам нужно.

Не лучше обстановка и в сельскохозяйственных разделах генетики. Эта область генетики также богата теоретическими и практическими достижениями, которые мы наблюдаем в основном со стороны. Применение методов радиоселекции и химических методов воздействия на обмен «вещества наследственности» — ДНК — позволило исключительно расширить тот аспект полезных признаков, которые могут быть использованы в селекции сортов. Вся селекция на иммунитет в США основана на методах классической генетики, и почти вся площадь посевов в США засеивается иммунными сортами растений. Советский Союз, при наличии некоторых успехов в области селекции на иммунитет, все же теряет от болезней значительно большую часть урожая, чем США. Потери от болезней растений ежегодно, по ориентировочным подсчетам, равны 1 миллиарду пудов зерна в год — это столько, сколько в лучшие годы дает целина, и победить этот бич земледелия можно лишь с помощью классической генетики.

Важное практическое значение имеет выведение полиплоидных форм растений, это один из наиболее разработанных методов классической генетики, использование инцухта с последующим гетерозисом, получение мутантов насекомых для биологических способов борьбы с вредителями растений и многие другие приемы. Между тем преподавание основ классической генетики в сельскохозяйственных учебных заведениях отсутствует, учебников классической генетики нет, а учебник мичуринской генетики, написанный Фейгенсоном, наполовину состоит из восхваления всего того, что было сделано Лысенко, Лепешинской, Глуценко и др. представителями этой группы, а наполовину из дискредитации «реакционного морганизма-менделизма» и основ классической генетики.

В стране нет лабораторий экспериментальной генетики, генетики иммунитета и т. д., а главное — почти нет кафедр, способных использовать для нужд страны все богатство этой науки.

Генетические работы исчезли со страниц сельскохозяйственных журналов, а генетики — из редакций, и даже общественная

научная активность в этой области подавляется в угоду небольшой группе лиц. Мы имеем в виду административное запрещение в начале 1961 года большой научной конференции по экспериментальной (в основном сельскохозяйственной) генетике, созданной Ленинградским университетом. Этому запрещению добился Лысенко, который неожиданно не обнаружил своего имени среди перечня докладчиков. На конференцию было представлено более 100 докладов по актуальнейшим и практически важным проблемам этой науки, и запрещение конференции всего лишь за 2-3 дня до ее открытия, заставило многих ученых, уже приехавших в Ленинград, возвращаться по домам, как говорится, не солоно хлебавши.

Развитие общебиологических аспектов биохимической генетики является столь же безрадостным. В США издается более 10 генетических журналов, в СССР — 0. В США имеется несколько десятков лабораторий, занимающихся изучением механизмов синтеза нуклеиновых кислот, в СССР — лишь 3 такие лаборатории, которые, однако, не имеют технической возможности даже повторить классические опыты Корберга по синтезу ДНК, сделанные им десяток лет назад и удостоенные Нобелевской премии. Что же касается взволновавших весь мир опытов американских ученых Ниренберга и Очоа по искусственному синтезу белков на искусственно синтезированных матрицах — нуклеиновых кислотах, то их не в состоянии хотя бы повторить по имеющейся прописи ни одна биохимическая лаборатория нашей страны. Для этого у нас просто нет необходимых биохимических реактивов.

А ведь эти открытия столь значительны, что они будут вечно в памяти людей и на вооружении науки и практики. Вопрос о необходимости возрождения..... атомной промышленности, атомных электростанций, с использованием изотопов и излучений в научных исследованиях и в сельском хозяйстве, а также в связи с космическими полетами. Изучение биологического действия излучений в аспектах проблемы наследственности возможно лишь с позиций классической генетики, и генетикой накоплен в этом отношении колоссальный теоретический, фактический и методический материал. «Генетика» лысенковского типа просто игнорирует эти проблемы и не имеет в своем активе никаких научных методов для изучения генетических эффектов радиации.

Между тем поток дезинформации, клеветы, шельмования и бездарной ругани в адрес классической генетики и хромосомной теории наследственности продолжается в нашей стране со страшной силой и цель всей этой неумной кампании состоит в том,

чтобы сохранить позиции всех тех, кто сделал свою карьеру на преследованиях классической генетики. Вот несколько типичных примеров: «Наследственная информация равна нулю», — таков итог размышлений Драговцева на страницах журнала «Успехи современной биологии» в декабре 1961 года. А вот что говорит передовая статья «Журнала общей биологии», написанная Кагановым и озаглавленная весьма ответственно: «XXII съезд КПСС и некоторые проблемы биологии»:

«Приходится лишь сожалеть, что урок, преподанный самой природой и всем развитием современной биологии, еще не пошел на пользу многим представителям формальной генетики. Они пытаются новые факты уложить в модернизированные, исходя из современного уровня науки, старые теоретические представления. Например, молекулу ДНК представители формальной генетики отождествляют с геном и тем самым переносят на нее все слабые стороны и недомолвки учения о гене. Такая замена не способствует раскрытию природы наследственности и мешает выяснению подлинной роли ДНК в живой системе. История науки учит, что не оправдавших себя теорий нельзя удержать любым числом последующих надстроек. И чем их больше, тем очевиднее становится несостоятельность тех теорий, которые они призваны поддерживать».

Но все рекорды профанации и фальсификации науки были побиты недавно профессором-философом Платоновым, выпустившим в начале 1962 года книгу под громким названием «Диалектический материализм и вопросы генетики».

«Среди буржуазных естествоиспытателей находится немало таких, которые продали душу и тело своим хозяевам. Они стараются верно служить буржуазии. Одни из них, выполняя классовый заказ монополий, создают атомную и водородную бомбу, изобретают новые ОВ, разнообразные средства бактериологической войны и прочие орудия массового уничтожения людей. Другие переходят от научной деятельности к прямому участию в работе аппарата буржуазного государства. Третьи специализируются на извращении новейших данных естествознания в духе идеализма и мистики».

И вот к этой третьей группе Платонов относит генетиков классического направления. Из этой книги, переполненной бесильной злобой на происходящие в биологии сдвиги, мы можем также узнать, что:

«Реакционные тенденции, присущие вейсманистско-морганистской генетике, с момента ее возникновения, в настоящее время не только не иссякли, но, пожалуй, еще более усилились. Об этом говорят, например, антиэволюционная, антидарвинистская направленность «корпускулярной»

теории наследственности и связанное с ней стремление многих морганистов к восстановлению пошатнувшейся веры в сотворение мира».

А вот как описывает Платонов историю борьбы двух направлений в генетике, историю, с которой читатель уже ознакомился в предшествующих разделах нашего очерка. Описав в искаженном виде борьбу «новаторов» — Лысенко, Ольшанского и других, против «идеалистов и метафизиков» — Вавилова, Н. Кольцова, Серебровского и других, Платонов пишет:

«...существенный удар по вейсманизму-морганизму был нанесен в ходе борьбы Коммунистической партии против меньшевистствующего идеализма — философского течения, извращавшего марксизм и воскрешавшего одну из вреднейших догм и традиций II Интернационала — разрыв между теорией и практикой. Среди меньшевистствующих идеалистов, наряду с философами (Деборин, Стэн, Карев), были и некоторые естествоиспытатели, в частности, генетики (Агол, Левин, Левит, Серебровский). Поэтому разгром меньшевистствующего идеализма серьезно подрывал также и позиции вейсманистов-морганистов в нашей стране. В свою очередь зарубежные лидеры вейсманистско-морганистской генетики усилили свои атаки на дарвинистско-мичуринское учение. Мировая буржуазия мобилизовала все идеологические средства борьбы против марксизма и тех естественно-научных теорий, которые служат обоснованию и упрочению диалектико-материалистического мировоззрения. Широко был использован, в частности, и вейсманизм-морганизм с его теорией о бессмертном веществе наследственности. С помощью этого учения делаются попытки оправдать эксплуатацию трудящихся, колониализм и расовую дискриминацию. Одновременно оно используется для доказательства положения о том, что движущей силой общественного развития является не производство материальных благ, не классовая борьба, а субстрат наследственности, прежде всего наследственности великих личностей».

И, переполнив такого рода политической демагогией всю свою книгу, бессовестно оскверняя светлую память выдающихся ученых, погибших за свои убеждения в результате таких же необоснованных обвинений, выдвинутых против них в период культа личности, Платонов сделал все возможное для того, чтобы препятствовать вооружению советской науки новейшими достижениями биологии. Он, несомненно, чувствует, что новейшие открытия в области генетики подрывают основы той демагогии, которая кормила его и ему подобных последние двадцать пять лет, и он старается любыми средствами затормозить этот процесс. Фактически Платонов ставит перед читателем выбор — либо классическая генетика, либо — марксизм и диалектический материализм.

Противопоставляя марксизм новейшим достижениям теоретической и экспериментальной биологии, Платонов искажает прогрессивный творческий дух марксистско-ленинского учения. Трудно даже представить, в какое негодование пришел бы Энгельс, если бы он сейчас был жив и прочитал эту книжку. Платонов считает себя философом и, казалось бы, он должен делать все, чтобы развивать марксизм. Он же старается использовать марксизм для торможения развития биологии, и против этого необходимо решительно возражать.

Совершенно особо следует коснуться недавнего сомнительного маневра Лысенко — его попытки включить в Программу КПСС явно ошибочный тезис о направленном изменении наследственности. Наследование приобретенных признаков, т. е. так называемая направленная изменчивость — это, как известно, любимый принцип лысенкоизма. Многие, наверное, уже забыли, что на XXII съезде КПСС Лысенко попытался утвердить этот принцип путем голосования делегатов съезда по этому вопросу. За несколько дней до съезда Лысенко предложил в газете «Правда» дополнить программу следующей формулировкой:

«...шире и глубже развивать мичуринское направление в биологической науке, которая исходит из того, что условия жизни являются ведущими в развитии органического мира и — на этой основе впервые в теории и на практике доказана возможность направленного изменения наследственности».

Первая часть этой фразы, содержащая весьма спорный тезис, вошла впоследствии в Программу, тогда как вторая, подчеркнутая нами и содержащая абсолютно вздорное утверждение, к счастью, не была включена в окончательный текст Программы. Вздорность этого тезиса нетрудно доказать, однако мы не будем подробно останавливаться на этом вопросе, отослав читателя к прекрасной статье Тахтаджяна «Прямое приспособление или естественный отбор», в которой весьма ярко и подробно доказана полная несостоятельность лысенковского тезиса о направленном (прямом, адекватном) приспособлении.

«Основной догмой гипотезы прямого приспособления, — пишет Тахтаджян, — является вера в способность каждой отдельной особи давать целесообразную наследственную реакцию на воздействие окружающей среды. Целесообразность индивидуальных приспособительских реакций признается изначальными свойствами организма. Вместо статического закона естественного отбора предлагается нестатический «закон» прямого приспособления. Приспособление возникает помимо отбора. Изменчивость сразу создает приспособление без творческой работы отбора. Но это почти то же

самое, как если бы кто-либо попытался объяснить утолщение брони танков или военных судов непосредственным действием неприятельских снарядов. Способ мышления в обоих случаях в принципе одинаков, но абсурдность примера с броней более очевидна».

Люди, подобные Платонову, Презенту, Глущенко, Лысенко, готовы, как мы видим, выбросить за борт ценнейшие достижения науки, составляющие гордость человеческого гения, готовы жертвовать даже марксизмом, чтобы сохранить свои позиции и оправдать в глазах общественности свою тридцатилетнюю жестокую борьбу со своими оппонентами, оправдать сопровождающие эту борьбу массовые разгромы и репрессии.

ПРАКТИКА — КРИТЕРИЙ ИСТИНЫ

(Вместо заключения)

Начиная этот исторический очерк, мы предполагали написать его в двух частях, изложив в одной из них историю основных событий биологической дискуссии и историю человеческих судеб, и посвятить вторую часть более подробному изложению конфликта научных концепций.

Мы хотели изложить, прежде всего, более подробно неизменные (с 1936 г.) взгляды лысенкоизма на изменяющуюся наследственность и соответствующие быстро развивающиеся концепции о неизменной наследственности.

Мы намеривались показать:

1) как гипотеза о наследственности, выдвинутая Лысенко и Презентом 25 лет назад в какой-то недоразвитой, зачаточной форме, не изменив своего зачаточного состояния, приходила в противоречие с сотнями фактов, и как отвергались факты, а не гипотеза;

2) как она не могла объяснить многих явлений, но это служило поводом для объявления этих явлений несуществующими, а не для развития самой гипотезы;

3) как она приходила в противоречие с наукой, логикой и здравым смыслом, но отвергалась логика и здравый смысл, а гипотеза продолжала существовать неизменной, подобно библейской легенде о сотворении Евы из ребра Адама. Такая картина типична для любого сектантства, которое существует лишь на основе игнорирования всего того, что происходит вокруг.

Мы предполагали более подробно показать во 2-й части нашего очерка уже кратко упоминавшиеся нами огромные успехи классической генетики в раскрытии механизмов наследственно-

сти, успехи, которые взволновали научный мир и революционизировали биологию и смежные с биологией разделы физики, химии, кибернетики.

Мы хотели показать, как постоянно объявляемая опровергнутой, реакционной и идеалистической хромосомная теория наследственности находила все новые и новые фактические подтверждения, как раскрывался биохимический механизм наследственной изменчивости в логической связи с хромосомной теорией и как в тот самый период, когда секта лысенковцев в лице Фейгенсона подготовила толстый труд с критикой «корпускулярной» теории наследственности, биохимии и генетики классического направления экспериментально открыли тот биохимический нуклеоидный код в дезоксирибонуклеиновой кислоте хромосом (воспроизводимый в рибонуклеиновой кислоте), которым записана наследственная генетическая информация.

Это великое открытие, подготовленное всем ходом развития моргановско-менделеевской генетики, сделано лишь в конце 1961 года, но оно навсегда войдет в историю человечества как великое открытие естествознания.

Рассказ об истории этих замечательных достижений современной генетики, раскрывших молекулярную природу гена, занял бы, конечно, много страниц, но это был бы волнующий рассказ о великом научном подвиге, о солидарности ученых, о победе разума.

Что же противопоставили этому великому коллективному открытию представители лысенковской секты? Голое отрицание, обскурантизм, тактику страуса, зарывающего голову в песок. Вот что, например, говорилось членами этой секты о генах в 1948-54 гг., когда существование генов было уже неопровержимо доказано:

«Система цитогенетики рушится. Недаром же морганисты на скорую руку придумали в дополнение к генам всякие «плазмогены», «пластидогены» и др. такого же рода слова, долженствующие завуалировать полный теоретический и фактический разгром морганизма. Менделизм-морганизм уже полностью обнаружил свою зияющую пустоту, он гниет также и изнутри, и ничто его спасти уже не может» (Презент).

«Наследственное вещество, противопоставленное живому, так же не существует, как теплород и флогистон» (Костюкова, там же, стеногр. сессии).

«Никакого особого вещества наследственности не существует, подобно тому, как не существует флогистона — вещества горения и теплорода — вещества тепла» (акад. Беленский, там же).

«В прошлом для обоснования сверхматериальности жизненных явлений витализм выдвигал представление об «энтелехии», «жизненной силе», а его современная разновидность в лице морганистов, чтобы не терять видимость науки, прибегает к генам, «шифровальным кодам» и «матричным молекулам», «но, как известно, от изменения терминологии существо не меняется. По своему существу «энтелехия» и «матричные молекулы», «жизненная сила» и «генонома» являются синонимами. Как бы ни ухитрились морганисты, они не могут скрыть того, что единственной целью жонглирования ими новой терминологией является маскировка идеалистического существа их учения, стремления преподнести неприкрытый идеализм под научным соусом» (Сисакян, «Биохимия обмена веществ»).

А вот что утверждают столпы лысенкоизма в 1961-62 гг., когда механизм действия генов был уже раскрыт на уровне молекул и когда биология вышла в связи с этим в положение лидера среди других естественных наук:

«Утверждение, что в организме есть какие-то мельчайшие частицы-гены, ответственные за передачу наследственных признаков, — чистейший вымысел, не имеющий основания в данных науки».

Это звучит голос мастера клеветы Презента, к сожалению со страниц журнала «Биология в школе» № 6, дек. 1961 г.

«То же произошло и с современной теорией, ищущей укрепления своих пошатнувшихся основ в новейших данных микробиологии и биохимии. Гипотетическая связь пустых абстракций этих теорий с определенным субстратом — хромосомами, ДНК — провозглашенными «материальными носителями наследственности», не наполняет эти пустые абстракции материальным содержанием, точно так же, как суеверное обожествление предметов не делает эти суеверия материалистическими» (Кострюков, 1962 г.).

Аналогичное отрицание реальности генов как элементарных частиц пресловутого наследственного вещества можно обнаружить и в десятках других публикаций как самого Лысенко, так и других представителей этой группы (Глуценко, Нуждина, Платонова, и др.).

Правда, в этом голом отрицании в самое последнее время начинают проскальзывать новые нотки. Так, Глуценко пытается теперь объяснить успехи классической генетики тем, что она подвергалась критике с его стороны во время его многочисленных заграничных поездок и со стороны его единомышленников. Зарубежные ученые, по мнению Глуценко, якобы увидели, как далеко они отстали от материалистической мичуринской биологии, возглавляемой Глуценко, Презентом и Лысенко, и они поэтому

спешно модернизируют свой «реакционный» морганнизм, стремясь наверстать упущенное за многие годы отрицания великого сдвига в науке, произошедшего в результате работ Глущенко и Лысенко по вегетативной гибридизации и превращению яровых в озимые, пшеницы в рожь, а ржи в костер, они стремятся якобы «догнать» русских генетиков.

Мы хотели подробно рассказать во второй части очерка не только о теоретических, но и практических аспектах лысенкоизма, о тех идеях и предположениях, которые лежали в основе ряда агроприемов, которые из кабинетов шли сразу на поля, на миллионы га, минуя серьезную научную опытную проверку.

Мы хотели показать, как «доказывалась» методами фальшивых отчетов и особых способов учета, пренебрегающих элементарными правилами научной достоверности, эффективность этих агроприемов, как они с шумом внедрялись, с грохотом существовали и заполняли прессу и тихо, незаметно умирали, как только появлялось что-либо новое, о чем можно снова бить в набат во славу новой агробиологии и чем можно было бы прикрыть провал предыдущего «внедрения».

О практических аспектах лысенкоизма, откровенно говоря, нельзя рассказать без горькой иронии. С такой иронией относился ко многим «открытиям» Лысенко акад. Прянишников, которому принадлежит меткое замечание об «облысении» сельскохозяйственной науки. Замечательный человек и ученый Д. А. Сабинин возбуждал ненависть лысенковцев именно своей беспощадной иронией, умением показать смехотворную необоснованность «аксиом» лысенкоизма. Выступления Сабинина в дискуссиях вызывали смех. И самоубийство Сабинина потрясло всех его друзей, не подозревавших о том отчаянии, которое было скрыто под покровом горького юмора, свойственного русскому человеку даже в трагической ситуации.

Один известный генетик после беседы с одним известным лысенковцем сказал, что спорить с ним по вопросам генетики было так же бесполезно, как спорить о проблемах высшей математики с человеком, не знающим таблицы умножения. И это замечание вполне справедливо и для многих практических аспектов лысенкоизма.

Можно ли серьезно обсуждать результаты агрономического опыта, если опыт проведен без соблюдения необходимых методических правил, если опыт недостоверен и необъективен с самого начала? Во всяком случае, важны не его гигантские масштабы (например, масштабы страны), а его методическая достоверность.

Попытка заменить методическую достоверность гигантскими масштабами опытов, столь типичная для Лысенко, представляет собой лишь авантюризм, при котором необоснованному риску подвергается не только сам опытник, но и сельское хозяйство целых областей.

Все знают, что расцвет лысенкоизма начался с открытия так называемой «яровизации». Это открытие было сделано сразу в форме полевого опыта, в период, когда в стране остро не хватало зерна в связи с коллективизацией и массовой «ликвидацией кулачества как класса». Всякий научный успех в зерновых проблемах мог стать в этот период большой сенсацией. И такая сенсация произошла. Отец Лысенко, скромно называвшийся в последующих легендах «крестьянином-единоличником», закопав по совету сына под снег с осени несколько мешков озимой пшеницы и посеяв их весной вместо яровых, неожиданно обнаружил дружное колошение, хотя для озимых, не побывавших зиму под снегом, это было не характерно (контроля в этом опыте, впрочем, не было). Лысенко сразу сообщил телеграммой об этом событии непосредственно правительству и обратил тем самым внимание на себя и своего отца. Так началась эпопея яровизации! Открытием в этой области был по существу лишь новый термин «яровизация». Сущность же самого явления была известна уже столетие раньше, и в середине прошлого века, как в США, так и в России производились опыты, идентичные тому, который был сделан отцом Лысенко по его совету. Вот цитата из работы американского растениевода Клипарта, опубликованной в 1859 году:

«Для превращения озимой пшеницы в яровую, достаточно дать озимой пшенице слегка тронуться в росте осенью или зимой, но удержать от прорастания низкой температурой или замораживанием до тех пор, пока ее можно будет посеять весной. Это обычно производят посредством вымачивания и проращивания зерна и последующего замораживания его в этом состоянии, пока не придет время весеннего посева»...

Эта столетнего возраста рецептура в точности соответствует той, которая была предложена Лысенко. Судьба книги проф. Сабинина, который попытался напомнить историю «яровизации», уже описывалась нами. Набор этой книги дважды рассыпался, а ее автор был доведен до самоубийства.

Другой ученый, попытавшийся напомнить предысторию ряда подобных псевдооткрытий, Эфроимсон, подвергся после сессии ВАСХНИЛ профилактическому необоснованному аресту. Его докторская диссертация по генетике шелкопряда, блестяще защищенная в 1947 году, не утверждается ВАКом уже в течение

многих лет, несмотря на два десятка прекрасных отзывов и положительные решения трех экспертных комиссий. Блокаду этой диссертации в ВАКе осуществляет лично Лысенко и его многочисленные сподвижники.

Можно было бы очень живо показать, как видный селекционер и опытник — акад. Константинов организовал опытную проверку эффективности яровизации на десятках опытных станций и многих сортах и как он пришел к абсолютно достоверным выводам о том, что яровизация не повышает урожая, и как Лысенко и агроном-яровизатор Утехин поносили Константинова, обвиняя его почти во вредительстве, после чего желающих проверить этот метод уже не нашлось. Опровергнуть данные Константинова Лысенко не смог (средний урожай яровизированной пшеницы был 9,6 ц с га, неяровизированной — 9,56 с га), он смог лишь противопоставить им свои, как правило, математически недостоверные опыты. Но он тем не менее сделал в своем ответе акад. Константинову весьма определенный намек. Он предупредил, что уже было много случаев, когда данные опытных учреждений опровергались колхозной практикой.

«В то же время акад. Константинову следовало бы подумать и о том, — писал в своей статье Лысенко, — что вместе с такими данными сметались с поля научной деятельности и те, кто не желал понять особенность таких неверных данных и упорно на них настаивал».

Впоследствии этот метод умер естественной смертью. Его перестали применять, кажется, с того периода, когда прекратил свое существование в связи с войной журнал «Яровизация». После войны этот журнал вышел под новым названием «Агробиология» и поэтому яровизацию не стали оживлять. Отказ от яровизации официально был почему-то объяснен лысенковцами наличием высокой техники в оснащении сельского хозяйства, позволяющей проводить сев яровых в короткие сроки («Правда», от 14 дек. 1958 г.). Однако, ведь яровизация как раз и требовала посевов в сверхсжатые сроки и любое промедление с высевом намоченных и наклюнувшихся семян грозило гибелью семенного материала. Яровизация яровых во всяком случае умерла, и только в учебниках по дарвинизму для средних школ, да в трудах философов можно найти в настоящее время указания о том, как следует практически осуществлять ее.

Также: миллионы лет существовали в природе самоопыляющиеся виды растений и не вымирали до тех пор, пока Лысенко не пришел к выводу о том, что они должны буквально вымирать на глазах у изумленных ботаников. Против метода внутрисортного

скрещивания возражали видные растениеводы — Вавилов, Константинов и другие, но Лысенко был неумолим — он требовал перевода всех самоопыляющихся на перекрестно опыляемый режим и перестройки на этой основе всего семеноводства. Он требовал массовой кастрации пшениц и формирования массовой армии колхозников-кастраторов, которые должны были удалять пыльники из колосьев, позволяя затем растениям опыляться носимой ветром пылью. Лысенко начал это дело сразу в тысячах колхозов, гарантируя успех ссылками на покойного Дарвина. Успех, однако, почему-то не последовал и дело было заброшено.

А какой волнующий рассказ можно было бы написать о внедрении посевов озимых по стерне в Сибири — этого основного «вклада» Лысенко и его сподвижников в земледелие в период Отечественной войны. Потерпев неудачу с выведением обещанных сортов озимых, способных зимовать в сибирских условиях, Лысенко не растерялся и предложил (опять без опытной проверки) новый путь — посевы озимых по стерне, т. е. посевы семян в невспаханную почву, оставшуюся после уборки предшествовавшей культуры. Теоретический расчет был прост: во-первых, структура почвы не будет разрушаться вспашкой, а это, судя по учению Вильямса, обеспечит почве плодородие, и, во-вторых, в плотной невспаханной почве корни растений, якобы, меньше страдают от вымерзания. Эти расчеты, к сожалению, не оправдались, и внедрение стерневых посевов на миллионах га было прекращено сразу же после войны в результате острой полемики в газете «Социалистическое земледелие», в которой многие председатели колхозов приводили цифры крайне низких урожаев, а подведомственные Лысенко научные работники демонстрировали потрясающий эффект. Выяснение истины было отложено для потомков, а Сибирь снова перешла на яровые хлеба как раз в тот момент, когда последователи Лысенко стали предлагать распространение стерневых посевов на всю страну.

Нам могут напомнить, что во время войны Лысенко занимался не только стерневыми посевами, но и предложил действительно полезный и временно оправданный прием посадки картофеля верхушками клубней (остальная часть клубня использовалась в продовольственных целях). Слов нет — посадка картофеля верхушками клубней во время войны была вполне оправдана, и пропаганда этого метода была, конечно, прямым служебным долгом президента академии сельскохозяйственных наук. Однако авторство в разработке этого приема, за которое Лысенко был удостоен Сталинской премии, весьма сомнительно. Дело в том, что подобный

же принцип посадки картофеля был описан не только в книге акад. Прянишникова «Растения полевой культуры», 1928 г. издания, но и в книге Елены Молоховец «Подарок молодой хозяйке», 1905 г. издания, ч. 2, стр. 189-190, рец. № 4029.

Мы хотели описать, как на смену органоминеральным гранулам, получаемым в крутящейся бочке, пришли органоминеральные смеси — знаменитые малые дозы удобрений, получаемые уже без бочки, но дающие тем не менее большие урожаи, вопреки реакционному закону сохранения вещества и энергии. Технологам по производству удобрений было бы, по-видимому, интересно узнать как в течение многих лет Лысенко предлагал смешивать суперфосфат с известью перед внесением его в почву. Такое смешивание было весьма перспективным, ибо оно переводило суперфосфат в нерастворимую форму, в трехкальцийфосфат. В этом случае суперфосфат превращался почти в то же сырье (фосфорит), из которого он получается первично на химических заводах и, вместо внесения в почву, его можно было бы вновь направлять на заводы, расширив тем самым сырьевую базу производства минеральных удобрений.

Очень типичным было и предложение Лысенко о необходимости внесения навоза в почву лишь после превращения его в перегной — ведь это была любимая мечта самого Вильямса. Но беда в том, что при этом ценнейший компонент навоза — азот улетал в воздух; ведь азот нужен и атмосфере, его содержание в ней не превышает 80 %, тогда как в почве необходима, по Вильямсу, лишь органика — она способствует образованию комковатой структуры, на которую молились все поклонники Вильямса. Результаты применения удобрений по методу Лысенко были обычными: газеты сообщали о прибавках урожая, а отчеты опытных учреждений о меньшей эффективности и об экономической трудности этих методов по сравнению с научно-обоснованными рекомендациями классической агрономии. Однако тираж газет был большим и это обеспечивало Лысенко прочную дымовую завесу, до тех пор, пока он не придумал нового способа захоронения удобрений — применения так называемых навозно-земляных компостов.

Это пока последнее слово Лысенко в области агрохимии. Земля, смешанная с навозом, политая водой и сдобренная химикалиями, приобретает свойства навоза — таков был итог теоретических предположений Лысенко, и он тотчас же взялся за их внедрение. Ни его самого, ни его сподвижников не смущало, что транспортные средства должны в этом случае с десятикратной

нагрузкой перевозить по полям ненужный балласт — землю — с одного места на другое. Их не смущало и не смущает то, что эффективность использования удобрений в этом случае падает, а экономические затраты резко возрастают. Их не смутили протесты агрохимиков, хватавшихся за головы и писавших возражения, которые никто, однако, не публиковал. Ведь любой прием, связанный с именем Лысенко, должен в данный момент внедряться, должен фигурировать в официальных речах, а хорош он или негоден, это уже дело второстепенное, об этом пускай судят потомки и философы.

Мы хотели более подробно рассказать и о чудесных опытах, в которых рожь возникала из овса и пшеницы, а пшеница превращалась в ячмень, в которых ячмень превращался в овес, горох мог переходить в вику, вика — в чечевицу, капуста — в брюкву, ель — в сосну, лещина — в граб, а пеночка — в кукушку. Все эти результаты были исключительно занимательны, и оставалось неясным и сомнительным в них лишь одно: методика, которая бы обеспечивала опыт достоверностью результатов. «Результаты перерождения» были налицо, и о них охотно сообщал в десятках статей редактируемый Лысенко журнал «Агробиология». Не хватало лишь мелочи — доказательств. А сама теория Лысенко на этот счет была весьма простой:

«Под воздействием условий внешней среды, — писал он, — неподходящих или, вернее, мало подходящих для данного растительного вида, в теле растения этого вида зарождаются, возникают крупинки тела другого вида, более соответствующие данным условиям внешней среды. Из этих крупинок формируются зачатки (почки или семена), из которых и развиваются индивидуумы другого вида».

Такое объяснение, достойное наихудших образцов натурфилософии XVII-XVIII вв. смутило даже философов, привыкших подгонять свои концепции под любые «идеи» Лысенко.

Мы хотели описать и весьма оригинальное явление, обнаруженное все тем же Лысенко — исчезновение в природе пресловутой внутривидовой конкуренции и перенаселенности, которую Дарвин случайно выдумал, когда ему попала в руки книга реакционера Мальтуса. Как хорошо стало без внутривидовой конкуренции — по тридцать молодых деревьев могли расти из одного гнезда и 29 из них спокойно умирали, переполненные благородным самопожертвованием во имя процветания одного счастливого ростка, который они охраняли, сражаясь, как солдаты, с окружающей травой. Этот новый «закон жизни вида» почему-то был назван весьма прозаически: «самоизреживание» (правильнее

было бы назвать этот «великий» закон — «законом наличия у растения благородных чувств долга, сплоченности, коллективизма и высокой идейности во имя общего блага всего вида»).

Мы хотели описать и интересную поправку к этому закону, открытую Лысенко недавно, на совещании передовиков сельского хозяйства Московской области: ему подчиняются, оказывается, лишь дикие растения, еще не введенные в культуру. Отдавая себя в руки человека, некоторые растения отказываются и от закона — зачем им теперь напрасно самоизреживаться, если у человека есть машины для междурядной обработки? Неслучайно, конечно, что первой была освобождена от этого закона «королева полей» — кукуруза; но это понятно — ведь представителей королевских фамилий нельзя заподозрить в способности к самопожертвованию.

Мы хотели показать в этом очерке и картину того, как «закон самоизреживания» был положен Лысенко и Ольшанским в основу полезащитного лесоразведения, но как лесные посадки на огромных площадях не хотели подчиняться этому закону и гибли в результате опровергнутой конкуренции за влагу и пространство, позорно гибли, унося с собой сотни миллионов рублей, вложенных в лесные полосы и не обращая никакого внимания на статьи Лысенко и Ольшанского, в которых сообщалось о преимуществах гнездовых посевов леса и прекрасное состояние лесных посевов, посаженных гнездовым способом.

Нам хотелось также описать, как стадийная теория вырождения картофеля на юге отрицала вирусную породу этого вырождения, но как сами вирусы не хотели отрицаться и продолжали свое темное дело, в результате чего вирусологам и картофелеводам лишь с большим опозданием и уже без лишнего шума пришлось налаживать методы выявления здорового, не пораженного вирусами посевного материала.

Следует, впрочем, отметить, что переход озимых в яровые может быть достигнут не только отбором. Сама возможность перехода у некоторых растений является наследственным признаком, предусматривающим приспособление к быстрым изменениям среды. Задолго до Лысенко немецкий физиолог Гасснер, действительный автор гипотезы стадийного развития растений, описал более десятка опытов по «переделке» яровых разновидностей в озимые путем изменения сроков посевов.

Мы не хотели оставить без внимания и перспективную новую область науки — вегетативную гибридизацию — учение, доказывающее, что прививка одного растения на другое, обеспечи-

вая перенос наследственности с соком, равноценна половой гибридизации с ее пресловутым слиянием ядер и образованием парных наборов хромосом. Вегетативная гибридизация уже 25 лет опровергала хромосомную теорию наследственности и будет по-видимому, и впредь ее опровергать. О значении вегетативной гибридизации для биологии свидетельствует весьма убедительный факт — более 300 человек получили за эти опыты ученые степени, ряд ученых получил звание профессоров и даже академиков. Нет пока в производстве самих вегетативных гибридов, но при такой армии ученых, которые доказали их возможность, ждать производственных успехов остается, конечно, недолго.

Было бы достойно упоминания и то, почему выведенная Лысенко в 1935 году плано-скоростными методами яровая пшеница оказалась бесперспективной, несмотря на победную телеграмму правительству об успешном выполнении правительственной программы по скоростному выпуску нужного, заранее запланированного сорта с заранее запланированными признаками.

Нам очень хотелось рассмотреть также, почему ветвистая пшеница, от которой ожидалось столь много, — 100-150 цент. с га и революция в земледелии, — оказалась намного хуже рядовых сортов, несмотря на то, что все видели ее огромные колосья в руках самого Лысенко на страницах и обложках многих журналов. Древние египтяне безуспешно пытались внедрить эту пшеницу еще до нашей эры. Лысенко продолжил это в нашем веке, но и ему не удалось превзойти земледельцев Нила.

Было бы, конечно, интересно показать и то, как ближайший сотрудник Лысенко Авакян «закрыл» гормоны растений, объявив их выдумкой идеалистов, и как до сих пор он умудряется доказывать свое «закрытие», хотя гормоны растений уже широко используются в растениеводстве и плодоводстве.

«Можно безошибочно констатировать, — авторитетно заявил тогда произведенный в академики Авакян, — что гормональная теория развития — это тот же морганизм-менделизм, т. е. тот же формализм и метафизика в физиологии» («Агробиология», 1948 г., № 1).

Ему вторили более мелкие фальсификаторы, по-видимому, тоже желая заслужить титул «новаторов».

«Гормональные явления, — писал Б. Мошков, — вероятно, вообще не присущи растительным организмам. Гормональная теория развития растений, когда-то имевшая немалый успех, на самом деле является миражем, с которым следует покончить как можно скорее» («Проблемы ботаники», т. I, 1950 г.).

Сейчас это несомненное «достижение» лысенкоизма почему-то незаслуженно забыто, и Госплан даже дает химическим заводам плановые задания по синтезу для сельского хозяйства растительных гормонов.

Не исключено, между прочим, что и в зоотехнии перспективный метод гормонального многоплодия овец, разработанный «морганистом» Завадовским и когда-то успешно применявшийся, также следовало бы возродить, даже несмотря на то, что между Лысенко и Завадовским были некогда серьезные трения по вопросам генетики. Сыворотка, разработанная акад. Завадовским, широко применялась в овцеводстве, т. к. стимуляция многоплодия обеспечивала здесь резкое повышение продукции каракулевых и прочих шкур, для получения которых используются самые молодые ягнята. Однако, захватив власть в МГУ, Презент и его покровители закрыли лабораторию Завадовского, уволили его самого и рассыпали в издательстве «Советская наука» готовый набор большой монографии Завадовского по этой проблеме. Практически применение сыворотки прекратилось. Понимая важность этого метода для животноводства, Завадовский обратился за помощью к министру земледелия Бенедиктову. Однако Бенедиктов отказался помочь ученому, мотивируя это тем, что и без того кормов в животноводстве не хватает, и поэтому экспериментальное многоплодие — пустая затея. Через 7-8 лет, побывав в Англии, Бенедиктов выпустил брошюру «Что мы видели в Англии» и в ней описал гормональный метод стимуляции многоплодия, используемый в Англии, рекомендуя перенять опыт английских зоотехников. Завадовский к этому времени уже умер, а министр, конечно, не сообразил, что англичане успешно использовали в своей практике именно сыворотку, разработанную русским ученым.

Мы планировали более подробно показать, как и за что была объявлена реакционной и фашистской лженаукой генетика человека, ибо на человека никак не удавалось распространить лысенковские методы. Просматривая газеты, очень любопытно читать, как Глуценко, этот международный коммивояжер лысенкоизма, громил в печати международные генетические конгрессы и ассоциации за их пристрастие к генетике человека, к изучению наследственных болезней, как он приводил им в пример нашу страну, где усилиями его и ему подобных генетика человека была успешно искоренена как фашистский бред, противоречащий лысенковской теории о формировании наследственности под влия-

янием условий среды. К сожалению, ни Глущенко, ни Лысенко не удалось искоренить наследственных болезней. И можно было бы очень наглядно дополнить эту погромную активность Глущенко показом того, как бесконтрольное и неучитываемое распространение наследственных заболеваний, передававшихся от родителей к их детям по пресловутым законам Менделя, приняло такие размеры, что министерству здравоохранения и Академии медицинских наук пришлось срочно создать проблемную комиссию по медицинской генетике и перейти от молчания к разговорам на эту тему.

Труднее оказалось перейти от разговоров к делу, к созданию генетических лабораторий, кафедр и т. д., но это понятно, если учесть, что во главе проблемной комиссии по медицинской генетике в Академии медицинских наук оказался Жуков-Вережников — главный проповедник лысенкоизма в области медицины и поклонник Лепешинской. Этот основной душитель классической генетики в области медицины, двадцать лет громивший хромосомную теорию наследственности, увольнявший ее приверженцев и заслуживший в связи с этим всеобщее неуважение, решил, по видимому, спасти свою репутацию, заняв тот пост, на котором кто-либо другой мог бы потребовать привлечения к ответственности виновников разгрома этой важной отрасли медицины.

Было бы интересно проследить и другую аналогичную эпопею, демонстрирующую достойный вклад секты лысенкоизма в торможение развития нашего сельского хозяйства. Мы имеем в виду судьбу гибридной кукурузы от самоопыляющихся (инцухт) линий. Поскольку эти гибриды были, несомненно, достижением классической генетики реакционных морганистов, то их пришлось ругать и охаивать, даже несмотря на тот огромный эффект, который достигался внедрением этих гибридов в сельское хозяйство и который убедительно доказывался опытом земледелия США. 15 лет Лысенко, Презент, Ольшанский, Нуждин и др. посвятили удушению этого дела в СССР, загнав в подполье учеников Вавилова, продолжавших эту работу, и объявляя все успехи в этой области пустой рекламой, раздуваемой капиталистами в целях наживы и обмана простаков-фермеров, не читавших статей академика Лысенко. И вдруг вся эта антиинцухтная и антикукурузная кампания сразу прекратилась после решения одного из пленумов ЦК КПСС, постановившего внедрить в СССР прогрессивную методику повышения урожайности кукурузы, но почему-то не помянувшего недобрым словом тех, кто так упорно старался

тормозить это дело, настойчиво рекомендованное и организационно подготовленное Вавиловым, Серебряковым и другими генетиками еще в 1936-39 гг.

Богатство предложений и псевдооткрытий секты лысенкоизма поистине неисчерпаемо, и мы хотели бы показать нашим читателям и многие другие «достижения» этой самобытной школы и ее ответвлений, и прежде всего оригинальное учение Лепешинской, объявившей великих ученых Луи Пастера и Вирхова реакционерами и идеалистами. Благодарное человечество столетие законно гордилось именами этих ученых, но лишь до тех пор, пока Лепешинская не предложила взамен свою собственную кандидатуру. Это предложение было горячо поддержано Лысенко, Сисакином, Студицким, Жуковым-Вережниковым, Бошьяном, Нужиным и всеми другими представителями «новой» биологии, охотно принявшими еще одного пророка в свою среду. В спешном порядке было созвано внеочередное заседание комитета по сталинским премиям для того, чтобы без всяких отлагательств присудить Сталинскую премию в 200.000 рублей Лепешинской за великие открытия — взаимные превращения клеток животных в растения, самозарождение инфузорий в отваре сена, образование клеток из яичного белка и кровеносных сосудов из яичного желтка.

Тремя годами раньше, в 1946 году эта книга уже представлялась на премию, но была отвергнута биологической секцией комитета. За присуждение голосовал лишь один Лысенко и в присуждении премии было отказано единогласно. Верить всей этой чепухе добровольно было, конечно, трудно. И тогда министр высшего образования Столетов издал специальный приказ, который обязывал все высшие учебные заведения страны поверить в учение Лепешинской. Приказ был назван: «О перестройке научной и учебной работы по гистологии, эмбриологии, микробиологии, цитологии и биохимии в свете теории Лепешинской о развитии клеточных и неклеточных форм живого вещества». Мы уже касались ранее приказов предшествовавшего министра Кафтанова. Новый министр следовал по этому же пути. Он отменил все учебные программы и учебники по цитологии, гистологии, эмбриологии, биохимии, микробиологии, общей патологии и онкологии и требовал основывать их впредь на учении Лепешинской, основополагающем для восьми биологических и медицинских наук.

Дочь О. Лепешинской превзошла даже Бошьяна, «открыв-

шего» процесс кристаллизации бактерий. В ее опытах в кристаллы превращались не только бактерии, но и простейшие животные-инфузории. Особенно радовался этим открытиям Лысенко, написавший о них специальную статью и снабдивший книгу Лепешинской своим предисловием. Да и как не радоваться — ведь Лепешинская лишней раз опровергала хромосомную теорию наследственности и помогала строить «теорию превращения одних видов в другие». Успех окрылил Лепешинскую, и она решила осчастливить человечество новым открытием: она нашла оригинальный способ омоложения, удлиняющий жизнь человека и побеждающий старость. Мы имеем в виду знаменитые содовые ванны. Кулек питьевой воды в ванну — и старость отступает, растворяясь в щелочной реакции соды. Результаты этого открытия, пропагандировавшегося на страницах книг и журналов, не замедлили себя ждать — сода временно исчезла из магазинов и аптек.

А какой перспективный метод земледелия предложил любитель Вильямса и Лысенко акад. Бушинский! Он предложил вспахивать землю не на 20 см, как обычно, а на метр и более, с выворачиванием на поверхность бесплодных почвенных горизонтов. Какое это было величественное зрелище: мощный трактор тащит за собой огромный плуг, образующий такую канаву, в которую можно было бы уложить газопровод, а следующим рейсом эта канава вновь засыпалась, а рядом с ней создавалась новая. Урожаев при такой обработке, конечно, не было, но, поскольку эта обработка называлась «коренной переделкой почв», то ей был обеспечен успех — ведь название «коренная переделка» звучало внушительно. К счастью, эта глупая затея, просуществовав несколько лет, лопнула с треском, как раз в то время, когда Бушинский хотел рекомендовать свой метод для колхозов и совхозов.

Все эти достижения становились достоянием масс, входили в учебные программы, а из вузов выходили люди, серьезно верившие, что у человека число хромосом колеблется от 30 до 70 (см. учебник цитологии П. Макарова, 1953 г.), что рак возникает в результате нарушения высшей нервной деятельности, что сорняки возникают от самих культурных растений и т. д.

Можно было показать в нашем очерке и те пути, которыми представители секты лысенкоизма приписывали себе чужие достижения. Наиболее интересный способ в этом направлении нашел академик ВАСХНИЛ Гребень — лидер зоотехнического

крыла лысенкоизма. Он воспользовался перспективным методом гоголевского Чичикова — утилизацией «мертвых душ». Одной из таких «мертвых душ» стал классик советской зоотехнической науки акад. М. Ф. Иванов, скончавшийся как раз в том году, когда Лысенко и Презент объявили о своем наступлении на современную им биологическую науку. М. Ф. Иванов весьма положительно относился к классической генетике и в зрелый период своей деятельности успешно использовал ее методы при выведении новых пород скота. В 1948 г. на сессии ВАСХНИЛ М. Ф. Иванова объявили, однако, основоположником мичуринизма в зоотехнике, и при издании полного посмертного собрания его трудов редактировавший их Гребень тщательно изъясил из всех статей и книг Иванова те места, абзацы и предложения, в которых автор высказывал положительное отношение к классической генетике или использовал генетическую терминологию (комбинации генов, генотип, фенотип, гетерозиготность мутации, летальные гены и т. д.). Иванов был причесан под лысенковца и это мародерство Гребень успешно продолжил в качестве научного консультанта романа Елагина «Цель жизни» (жизни Иванова) и недавнего бездарного фильма «Академик из Аскании».

Но особое внимание следует обратить на текущий, пока еще не погасший фейерверк лысенкоизма — повышение жирности молока в результате скрещивания жирно-молочной (около 5,5-6,5% жира) джерсейской породы с обычным для нашей страны скотом местных пород. Мы не собирались, конечно, касаться 200-летней истории использования джерсейцев в разных странах, истории, не особенно обнадеживающей. Мы не собирались также вдаваться и в историю этой идеи в СССР, выдвинутой известным зоотехником Кисловским, по предложению которого и были закуплены министром земледелия партии коров и бычков старинной джерсейской породы, из которых два бычка были переданы в экспериментальное хозяйство, руководимое Лысенко. Кисловский умер и его роль в этом деле может быть предана забвению, приоритет — вещь несущественная, особенно, если это дело попало в руки самого «основателя», давшего ему новый ход.

В печати уже несколько лет вокруг этих опытов наблюдается такой шум, что читатель может подумать, что проблема жирно-молочности уже решена. Между тем, производимый шум — это лишь новый метод предварительной саморекламы: ведь опыт рассчитан на много лет и нужно рекламировать его с самого начала. Впрочем, новизна этого метода предварительной пропаганды сомнительная — ведь еще Ходжа Насредин брался за более слож-

ную животноводческую проблему: он решил выучить за двадцать лет осла разговаривать, требуя за это от шаха крупный аванс и гарантируя успех даже собственной головой. Расчет Насредина был прост: за 20 лет должен умереть шах, сам Насредин или осел, а аванс — вещь реальная.

Мы, конечно, не уверены, что расчеты Лысенко базируются на этих же соображениях и, конечно, будем очень рады, если после 25 лет практических неудач и провалов, ему, наконец, улыбнется счастье, а сельскому хозяйству, по крайней мере, не будет нанесен существенный ущерб. Но нас всё же удивляет это настойчивое стремление получить аванс за неоконченный опыт, поднимать шум по поводу работы, которая далеко не завершена, методика которой изложена в туманных выражениях и теоретические основы которой весьма сомнительны.

В своей президентской речи в августе 1961 г. Лысенко сказал, что его опыты по созданию жирномолочного стада в экспериментальном хозяйстве исходят из сформулированного им «закона жизни биологического вида», а также «из еще более общего закона превращения неживого (пищи) в живое при посредстве живого». Закон жизни биологических видов мы уже знаем — это добровольная гибель слабых представителей видов, во имя общего блага, это так называемое «самоизреживание». Но ведь этот «закон» не действует при одомашнивании видов, и как используется его действие для поддержания стабильности жира в молоке при скрещивании с низкожирномолочными коровами, нам известно. Однако следует думать, что лучший способ использования этого закона — это удаление из стада коров с низкой жирностью молока, простой отбор с выбраковкой всего отклоняющегося от нужной цифры. И такая выбраковка ведется, но каковы ее размеры, в печати пока не сообщается. Закон живых видов проявляется, по мнению его первооткрывателя, прежде всего в том, что вид делает все то, что ему выгодно для процветания. Это может быть поэтому не только «самоизреживание», но и другие акты высокой сознательности биологических структур.

Одно из таких проявлений и приобретает, как будто, большое значение в животноводстве. По убеждению Лысенко, оплодотворенная яйцеклетка (зигота) гибридного происхождения развивается не на основе морганистских законов о доминантности и рецессивности признаков, а выбирает тот путь в сторону отца или матери, который ей выгоднее (Лысенко, «Агробиология», 1958 г.). Популярно Лысенко излагает этот закон в следующей редакции:

«зигота не дура». Но как это проявляется в решении проблемы жирномолочности? Оказывается очень просто: если бык наследственно жирномолочный, но крупный, а корова, воспринимающая его сперму, мелкая, то жирномолочность не передается по наследству. Зигота в этом случае предчувствует, что крупному теленку (в отца) будет трудно при родах выбраться из мелкой коровы (он может застрять и погибнуть), и она «выбирает» себе путь развития в мать (это выгодно для вида). Если же взять мелкого быка, но жирномолочного, и крупную корову, то зигота, не предвидя трудностей отела, может спокойно развиваться по жирномолочной линии. Основные публикации Лысенко с объяснением его идей в этой области, а также книга сотрудников Лысенко с отчетом об итогах этой работы (1961 г.), наглядно показывают, что именно этот телеологический принцип лежит в основе надежды сохранить неизменность жирномолочности джерсейцев в серии скрещиваний.

Чтобы у читателей не было сомнений в недопонимании нами исходных предпосылок этого опыта, приведем здесь высказывание самого Лысенко:

«Коровы джерсейской породы весят обычно 350-400 кг, а имеющиеся на нашей ферме коровы крупных пород, как чистопородные, так и помеси, весят 500-700 кг. Мы предположили, что зачатки эмбриона, полученные от скрещивания крупных коров с быками мелких пород, при обильном питании будут развиваться по линии мелкой породы» («Агробиология»).

Впрочем, телята получались и в этом случае не мелкие, а средние (30-31 кг.), однако это было объяснено очень просто: 20 кг веса этих телят (что типично для джерсейцев) происходит за счет их «выбора» развиваться в сторону джерсейской породы, а лишние 10 кг веса — это уже не «по наследству», а в результате хорошего питания коров.

Нелишне отметить, что работа по скрещиванию завезенных в СССР около 10 лет тому назад коров и бычков джерсейской породы была начата, независимо от фермы Лысенко, и в других хозяйствах страны (без особого шума). Не знаю почему — может быть не хватало концентратов, а может быть зиготы были глупее, но наследование различных признаков у гибридов в этих случаях было, как правило, смешанное и соответствовало проценту джерсейской крови.

Что же касается еще более общего закона «превращения неживого в живое посредством живого», на котором базируются эти опыты, то в популярной форме этот «закон» можно было бы изложить в следующей редакции: «Пища (если она неживая, что

не всегда бывает) усваивается организмом лишь в том случае, если она съедена». С какой стороны указанные опыты Лысенко базируются на этом законе, не очень ясно, но, по-видимому, дело заключается в том, что для того, чтобы коровы давали молоко, их нужно кормить, и чем больше, тем лучше. Таким образом, как только в колхозах и совхозах страны смогут быть использованы те феноменальные нормы кормления, которые использует Лысенко в своем хозяйстве, тогда можно будет обеспечить и применение в практике его методов повышения жирности молока. Но когда это будет достигнуто, пока трудно сказать, да и когда это будет, то молока в стране будет так много, что даже неудача с повышением его жирности за счет джерсейской породы уже не будет никого огорчать.

Может быть, мы не очень точно отразили существо работ с жирномолочностью коров — точную картину этих опытов пока трудно обрисовать. Однако перед нами лежит конкретное заявление Лысенко, сделанное им в его президентской речи в августе 1961 г. Лысенко сказал следующее в этом выступлении, опубликованном во всех центральных газетах:

«В своих выступлениях я неоднократно заявлял, что если этот эксперимент с резким повышением жирномолочности коров удастся, то тогда при должной организации работ легко будет в сравнительно короткий (5-7 лет) срок значительно повысить жирность молока всех колхозно-совхозных стад. Эксперимент этот еще не закончен, но многие из вас знают, что он проходит успешно. В настоящее время примерно 150 быков продано с фермы «Горки Ленинские», для проверки их по потомству, в различные районы нашей страны. От шести этих быков уже имеются лактирующие дочери с высоким процентом жира в молоке. В этом опыте одно за другим теоретические предположения подтверждаются, что укрепляет нашу уверенность в том, что при соответствующих условиях можно выращивать таких быков-производителей, которые не только будут на любой ферме повышать жирность молока у своих дочерей, но и их потомки по женской и мужской линии, сыновья, внуки и правнуки также будут давать потомков с высоким содержанием жира в молоке».

Из этого заявления можно сделать ряд выводов: во-первых, начатый Лысенко опыт еще не закончен и положительный эффект будет лишь в том случае, если опыт удастся и то лишь при должной (какой — не ясно) организации работ. Пока лишь от шести из 150 проданных бычков имеются лактирующие коровы с высоким процентом жира — число явно недостаточное для окончательных выводов. Повышенная жирность у гибридов с

проданными бычками (а эти бычки имеют, как правило, 3/4 джерсейской крови) в первом поколении понятна и здесь ничего нового и неожиданного нет. Но вот уверенность Лысенко в том, что и дальнейшие потомки первого поколения (внуки и правнуки, обладающие от 1/6 до 1/16 джерсейской крови) будут сохранять этот признак как по мужской, так и по женской линиям, при столь сильном разбавлении крови джерсейцев, пока неубедительна и ничем реальным не подкреплена. Более того, эта уверенность весьма сомнительна, она противоречит элементарной практике разведения сельскохозяйственных животных, отрицает элементарные законы наследственности, проверенные в тысячах опытов. Портить хорошие, устоявшиеся породы отечественного скота слабыми и изнеженными, с не приспособленными к нашим условиям конституционными признаками джерсейской породы, путем скрещивания их с помесями, полученными Лысенко лишь на основе пока голословного утверждения о том, что имеющиеся у помесей признаки не слабнут в последующих поколениях — весьма рискованно и авантюристично. И пока, во всяком случае, нет никаких оснований для рекламы, нет оснований для шумихи и торжественных речей.

Таков последний фейерверк Лысенко в агробиологической науке, фейерверк, который еще не погас. Сколько лет будет светить этот новый фейерверк — пока трудно сказать. По расчету его создателей, конечно, не мало, во всяком случае, несколько коровьих поколений. В этом явное преимущество зоотехники перед агрономией: коровы живут сравнительно долго и молоко дают лишь на третий год своей жизни.

Читатель видит, таким образом, что во 2-ой части настоящих очерков по истории биологической дискуссии мы планировали большую задачу: мы хотели подробно рассмотреть историю зарождения, развития и естественной гибели всех идей, из которых выросли вильямсоизм и лысенкоизм, на остатках которого одна из сект еще существует. Но, закончив 1-ую часть, мы сочли эти планы излишними.

Мы показали читателю, в чем состоят эти идеи и приемы и какими методами лысенковцы добивались их признания. Эти методы были чудовищны: искажение фактов, демагогия, запугивания, преследования, очковтирательство, дезинформация, самореклама, дезорганизация опытного дела, зажим всякой критики, репрессии, обскурантизм, клевета, оскорбления, надуманные

обвинения и физическое устранение оппонентов — вот тот богатый арсенал эффективных средств, который в течение почти 30 лет «подтверждал» прогрессивность «новых научных концепций». Других эффективных способов доказательств не было и всякое сравнительно свободное обсуждение дискуссионных проблем (в 1936, 1946-47, 1953-57 гг.) ставило лысенкоизм перед перспективой гибели. Стабилизация его обеспечивалась лишь в результате политических провокаций, окрашенных в разные тона, в соответствии с исторической обстановкой.

Анализ материалов этих дискуссий показал нам, что они вполне достаточны для доказательства научной несостоятельности лысенкоизма, его отрыва от мировой науки, его сектантского характера. Этот анализ показывает также и то, что с лысенкоизмом бесполезно бороться методами академических дискуссий, методами научной аргументации. Лысенкоизм не признает никакой критики «извне», критики представителей иного научного направления. Мы показали здесь, как достиг лысенкоизм своего господства, и считаем, что это главное. Такими методами может пользоваться лишь научно несостоятельная теория. Правильное учение распространяется и завоевывает признание прежде всего потому, что оно верно. «Учение Маркса все-ильно, потому что оно верно» — сказал Ленин, и это правило можно отнести к любой научной концепции. Методами демагогии, репрессий и подавления критики можно лишь временно навязать науке ложные концепции, однако, правильные идеи и теории развиваются и находят поддержку, несмотря на любые методы подавления. Показ методов и путей, обеспечивших столь длительное навязывание лысенкоизма нашей науке — это и есть, таким образом, показ его научной несостоятельности.

Оглядываясь на прошлое наших биологических и агрономических наук, видно многое, чем можно гордиться и многое, о чем можно сильно пожалеть. Можно легко установить конкретных виновников того резкого отставания нашей биологии и сельскохозяйственной науки, которое с каждым годом чувствуется все острее и которое оказывает пагубное влияние на многие отрасли народного хозяйства. С этим положением трудно мириться, его трудно терпеть. Вникая в причины создавшейся ситуации, начинаешь все больше понимать и уважать мужество и принципиальность выдающихся ученых и патриотов Вавилова, Кольцова, Савина, Тулайкова, Карпеченко, Прянишникова и других, памя-

ти которых посвящен этот небольшой очерк, мужество и принципиальность многих других советских ученых, отстаивавших ранее и отстаивающих теперь достоинство и чистоту советской науки, невзирая на тот грязевой вулкан, который пока еще действует.

Москва

Христос и мастер

О посмертном романе М. Булгакова
«Мастер и Маргарита»

1. МИХАИЛ БУЛГАКОВ

Он умер в 1940 году, когда Русь, опаленная ежовщиной, окровавленная и придавленная сапогом, жила в предчувствии величайшей войны.

У меня этот год ассоциируется с роскошным залом графского особняка на Исаакиевской площади в Ленинграде, где помещался институт Театра и Музыки, в котором я был тогда аспирантом. Особняк до смешного не изменился со времен графа Зубова — знаменитого питерского эстета — мецената, потомка екатерининского фаворита. Меценат выехал из своего особняка лишь в 1920 году в Париж, при любезном содействии милейшего Анатолия Васильевича Луначарского, успев основать в своем доме Искусствоведческий институт.

Графская мебель, позолота на стенах, лепнина на потолках — все сохранилось. Позолоченные амурчики, мраморные вазы, великолепные ковры — все говорило о веселом празднике, о роскоши и довольстве.

Но праздника не было: на душе было сумрачно и грустно. 1937 год унес Адриана Пиотровского — великолепного театроведа, знатока античного театра. Вовремя умер Алексей Алексеевич партии, закрытые дискуссионные клубы, революционные митинги.

Энгельс объясняет взлет философской мысли в Германии в

Эта работа «Христос и мастер» получена редакцией из России. Автор иногда подписывает свои произведения как А. Краснов-Левитин (см. «Грани» № 65).

Гвоздев — самый талантливый из русских театралов, которого на официальном жаргоне именовали «главой школки». Члены «гвоздевской школки» все еще ходили по этим залам, ни живы, ни мертвы от страха, полинявшие, перелицевавшиеся, приспособившиеся, но все же оставшиеся порядочными, талантливыми, влюбленными в искусство людьми.*)

Работали мы все много, уходили в работу и в то же время прислушивались к грохоту рвущихся снарядов на Западе. Тогда мне было 25 лет — время, когда человек живет будущим, мало вспоминает о прошлом. Потому я равнодушно взглянул на последнюю страницу «Известий», где кратко сообщалось о смерти Михаила Булгакова. «Как, разве он только сейчас умер?» — мелькнула у меня мысль, и я тотчас же перешел к очередным делам.

Имя Михаила Афанасьевича Булгакова было в 1940 году уже забыто многими, — оно целиком принадлежит двадцатым годам. В предисловии к собранию его сочинений говорится, что имя Булгакова связывается, главным образом, с мхатовским спектаклем «Дни Турбиных» — и это совершенно верно.

2. «ДНИ ТУРБИНЫХ»

Современным людям непонятна та роль, которую играл театр в двадцатые годы. Где вы увидите теперь очереди, стоящие всю ночь на морозе, чтобы купить билеты на премьеру, где вы увидите теперь «собинисток», «печковисток», «сливинисток», не пропускавших ни одной оперы, в которой пели их кумиры. Где вы увидите теперь комсомольцев, споривших о новом и старом театре до драки.

Москва двадцатых годов — Москва нэповская, веселая, развеселая, путанная-перепутанная — это прежде всего Москва театральная.

Вся Москва (от профессоров до рабфаковцев) устремилась тогда в театр. Театр заменял все — упраздненные политические

*) Хочется вспомнить добрым имена С. С. Мокульского (специалиста по западному театру), моего незабвенного руководителя проф. С. С. Данилова, внесшего неоценимый вклад в историю русского театра и М. В. Серебрякова — ученого марксиста и искусствоведа. Как много они все сделали, как быстро их все забыли!

конце XVIII — начале XIX вв. тем, что только в этой области мог проявиться тогда германский гений, — все остальные области были несвободны. Поэтому — считает Энгельс — всё наиболее талантливое устремилось в философию.

Русский гений неоднократно перемещался из одной области в другую и всюду оказывался необыкновенно могущественным.

В XIX веке самой свободной областью была на Руси литература — и русский гений создал самую совершенную в мире литературу.

В XX веке открылась запретная зона — политика. И Русь явила фалангу изумительных политических талантов, которая поражала мир в течение 20 лет — с 1905 по 1925 год.

В двадцатые годы русский гений взвился ослепительно яркой, быстро погасшей ракетой в театре для того, чтобы потом переключиться в техническую и военную области, в которых Русь все еще занимает одно из первенствующих мест. В московских театрах в двадцатые годы действительно было что посмотреть.

Когда вы попадали из одного театра в другой, странно было подумать, что вы находитесь в одном и том же городе, в той же стране, — так разнообразны, так непохожи друг на друга, так безмерно талантливы и оригинальны были московские театры. Театров этих было несколько десятков — и каждый театральный сезон появлялись все новые и новые театры, театрики, театральные студии, готовившиеся иногда в частных квартирах, в бывших ресторанах и кабаре. На сцене царил эксперимент. Реализм был не в моде, — спектакль был построен на неожиданности. Приходя к Мейерхольду, вы ни на минуту не забывали, что вы в театре, вы ужасались и возмущались тем, как вольно обращается он с классиками. «Ах, что он сделал с Грибоедовым, с Гоголем, с Островским», — восклицали вы гневно, но и возмущаясь и изумляясь вы невольно подпадали под власть мейерхольдовских образов. Про себя скажу: он убил для меня Гоголя, Грибоедова, Островского. «Горе от ума», «Ревизор», «Лес» — в любой другой постановке кажутся мне довольно скучными, серыми, хрестоматийными. У Мейерхольда — это, конечно, не Гоголь, не Грибоедов, не Островский. Но это в миллион раз сильнее, чем тот, чем другой, чем третий. Он был конгениален им всем трем, вместе взятым — этот странный человек, с невозможным характером, с наружностью завхоза, с косноязычной, заплетаются речью.

Не было реализма и в Камерном. Ни декораций, ни театраль-

ной бутафории — сцена в серых сукнах. И на этом фоне яркая индивидуальность гениальной актрисы. Актеры Камерного не любили Таирова, вечно жаловались на то, что он выпячивает свою жену, которая заслоняет всех. Но как это могло быть иначе когда на сцене, среди серых сукон возникало чудо. Ибо Алиса Коонен — это сплошное чудо.

Вспомните «Адриенну Лекуврер» (сейчас еще живы многие, кто застал этот спектакль). Какую силой, какими средствами она из бьющей на эффект, дешевой мелодрамы Скриба сделала самое потрясающее из всего, что мы видели в жизни, — мы, перенесшие войну, голод, сталиниаду.

Последний акт этой пьесы — отравленная своей соперницей, умирающая актриса Лекуврер — в бреду. Тридцатипятиминутный монолог — вершина трудности для актера. И Коонен в этой роли: бред — обрывки ролей, куски из действительности, умирание гения.

Я видел много смертей, но никогда больше не испытал такой мучительной тоски, такого горестного сжимания сердца, как на этом спектакле.

Алиса Коонен еще жива. Десять лет назад она выступала в концерте. Да простит она мне, — не пошел, хотя очень хотелось пойти. Не мог я ее видеть старую, сошедшую со сцены. Слишком страшно было за то впечатление, которое я испытал тринадцати лет от роду в театре между Страстной площадью и Никитской, на спектакле «Адриенна Лекуврер».

Лишь напомним о великом мистике — Михаиле Чехове, умевшем сочетать в своей игре мистические проникновения в нездешний мир («Гамлет») с вечной темой русской литературы — с темой маленького человека. Ограничусь кратким упоминанием о Бабановой, тогда еще не сыгравшей своей инфантильной Джульетты, но уже создавшей образ мальчика Гоги в пьесе Файко «Человек с портфелем». У меня сейчас плохо со здоровьем — и это прежде всего отражается на памяти — забываю многое: фамилии, имена любимых писателей — скоро, быть может, забуду почти все, что знаю, но не думаю, чтобы я когда-нибудь мог забыть мальчика Гогу (в исполнении Бабановой), — хрупкого, нежного мальчика, попавшего в революционный водоворот, мать которого отравилась, не вынеся трудностей революционного времени, а отец — застрелился, запутавшись в политическом лабиринте.

Как было трудно выделиться на этом ярком фоне, как было трудно затмить эти яркие звезды. И в 1927 году появилось столь

яркое светило, что на целый год перед ним все в театре померкло. Это светило — мхатовский спектакль «Дни Турбиных».

* * *

Художественный театр носит, как известно, имя А. М. Горького. Это имя театру было присвоено в 1932 году, когда Сталин, под свежим впечатлением возвращения Горького в Россию, не знал, как его почтить.

Но это была ошибка. Художественный театр — это, прежде всего, — театр Чехова. И, главным образом, Чехова. Только лишь Станиславскому и Немировичу-Данченко удалось передать на сцене тончайший психологический рисунок чеховских пьес. Чехов-драматург обязан всем Художественному театру: ни одному другому театру Чехов не удавался (я, во всяком случае, не знаю ни одного удачного чеховского спектакля, кроме как во МХАТе).

Но и Художественный театр — весь от Чехова. Работая над чеховскими спектаклями, Художественный театр отточил свое мастерство, научился той филигранной тонкости, при которой спектакли МХАТа являлись вершиной сценического реализма: рампа исчезала, зритель совершенно забывал, что перед ним сцена — перед ним была сама жизнь.

После Чехова пришел Ибсен — Художественный театр прочитал, однако, и ибсеновские пьесы по-чеховски: у него ничего не получилось с ибсеновской романтикой. К счастью, Станиславский быстро снял со сцены «Брандта», видимо, поняв, что ему здесь нечего делать — но создал проникновеннейшего доктора Штокмана. «Враг народа» в постановке Станиславского — это почти чеховская пьеса. Тихими шагами ходят по сцене норвежские интеллигенты, каким-то чудом попавшие в Москву, в Камергерский переулок, очень тонко чувствуют, очень лирично вздыхают — и как-то само собой влетаются в эти вздохи тоска по свободе, обличение пошлости, тоска о чистоте, о красоте, о преображении жизни.

И Горького Художественный театр прочел по-чеховски: «На дне» в постановке Художественного театра — это лиричная благоуханная пьеса. Ночлежка чем-то напоминает старинные грабюры.

И вот, финал — «Дни Турбиных».

Финал потому, что «Дни Турбиных» — это последнее событие в жизни Художественного театра — и вслед за этим — сорок лет унылого прозябания в качестве официального театра-музея.

Конечно, и после «Дней Турбиных» были удачи, были и неудачи. Неудачи, пожалуй, интереснее, чем удачи. Так, крупнейшей неудачей была «Анна Каренина» в постановке Немировича. И Тарасова и Немирович хотели создать большую трагедию — подстать античности — и создали лишь образ женщины, взбелевившейся, ошалевшей от страсти, интересный более в медицинском, чем в художественном отношении. Но в этой неудаче — размах.

Потом идут «удачи» — спектакли «Мария Стюарт», «Ученик дьявола», «Братья Карамазовы» — добросовестные, но в сущности посредственные спектакли.

Таким образом, Художественный театр — это театр Чехова — Ибсена — Горького — Булгакова.

Михаил Афанасьевич Булгаков — достойный завершитель чеховской линии в русской драматургии: он и преемник и продолжатель Чехова. Он и ученик его, и противник Антона Павловича — и что-то есть символичное в том, что он, помимо всего прочего, также врач — коллега Чехова.

«Дни Турбиных» — чеховская пьеса. Здесь все на настроении, на нюансах, на оттенках. Раздвигается занавес с чайкой — и вот вы в интеллигентской квартире, в старой, хорошей, офицерской семье. Здесь все так уютно, так тепло, светло и чисто. Перед вами ваши старые знакомые — деликатные, симпатичные чеховские герои. Правда, там, за стенами — революция, смута, гражданская война, но здесь все по-старому — так хорошо, так уютно и, кажется, — только здесь настоящая, действительная жизнь — там, за стенами — мираж, кровавая буффонада, мрачный кошмар. Забудем об этом. Посидим с этими милыми людьми, приятными даже в своих слабостях и недостатках.

Вспоминаю семью Турбиных — Алексей (Хмелев), Николка (Комиссаров), Елена (Соколова, играла также и Тарасова, но я видел безвременно умершую Соколову).

Мне трудно поверить, что все это — театр. Да ведь все они для меня гораздо более живые люди, чем тысячи других, с которыми меня сталкивала жизнь и которые прошли мимо меня «унылой чередой», не оставив никакого следа в сознании.

Но вот — второй акт. Мы вышли из квартиры Турбиных — мы в Киевском дворце, в резиденции главы «самостийной Украины», гетмана Скоропадского. Его играл Ершов очень мягко, без нажима — получалось впечатление типичного царского генерала

— он тоже симпатичный, но тоже свой, до мозга костей свой — конечно, не без слабостей, но в общем — неплохой человек.

И вот, вдруг врывается вихрь: петлюровцы, бегство гетмана. Алексея Турбина убивают, Николку тяжело ранят. Со звоном летят стекла в доме Турбиных — вместе со стеклами разбивается вдребезги жизнь — все летит вверх тормашками — страшно и весело.

В город входят красные. В квартире Турбиных хаос. Со смешанным чувством страха и надежды всматриваются герои в наступающую, новую, страшную жизнь.

И среди этого смятения раздаются заключительные реплики:
«Никола. — Господа, сегодняшняя вечер — пролог великой исторической драмы.

Мышлаевский. — Кому пролог, а кому — эпилог».

Задергивается занавес с чайкой, загорается свет. Смятенный и ошарашенный зритель поднимается с места.

Итак, все-таки — что же?

Пролог или эпилог?

Видимо, прежде всего, — эпилог.

Эпилог чеховской драмы — эпилог тихой, спокойной жизни с тонкими переживаниями и нюансами. Эпилог русской интеллигенции. Эпилог русской культуры.

И пролог — пролог потрясающей, кровавой трагедии — пролог к новым, страшным, неведомым делам и пролог к новой России. К великой, страшной, жестокой, кровавой и прекрасной Руси.

Я видел «Дни Турбиных» два раза. Мой отец — пять раз. Многие, очень многие возвращались на этот спектакль не один раз. Но был один зритель, который побил все рекорды, он смотрел «Дни Турбиных» пятнадцать раз.

Смотрел, смотрел, а потом сел за письменный стол и написал лиловыми чернилами на белой бумаге следующие строки:

«Почему так часто ставят на сцене пьесы Булгакова?

Потому, должно быть, что своих пьес, годных для постановки, не хватает. На безрыбьи даже «Дни Турбиных» — рыба. Конечно, очень легко критиковать и требовать запрета в отношении непролетарской литературы. Но самое легкое нельзя считать самым хорошим. Дело не в запрете, а в том, чтобы шаг за шагом

выживать со сцены старую и новую непролетарскую макулатуру в порядке соревнования, путем создания могущих ее заменить настоящих, интересных, художественных пьес советского характера.

А соревнование — дело большое и серьезное, ибо только в обстановке соревнования можно добиться сформирования и кристаллизации нашей пролетарской художественной литературы.

Что касается собственно пьесы «Дни Турбиных», то она не так уж плоха, ибо она дает больше пользы, чем вреда. Не забудьте, что основное впечатление, остающееся у зрителя от этой пьесы, есть впечатление, благоприятное для большевиков: если даже такие люди, как Турбины, вынуждены сложить оружие и покориться воле народа, признав свое дело окончательно проигранным, — значит, большевики непобедимы; с ними, большевиками, ничего не поделаешь. «Дни Турбиных» есть демонстрация всеокрушающей силы большевизма. Конечно, автор ни в коей мере «неповинен» в этой демонстрации. Но какое нам до этого дело...»

Так писал сорок лет назад один из зрителей. Хорошо писал. Он имел верный, волчий нюх — и он понял правильно. Булгаков как подлинный художник установил объективно беспомощность русской интеллигенции в грозную эпоху, неотвратимость победы большевизма (ибо большевизм не случайность, а определенный фазис в исторической диалектике). Наш просвещенный зритель правильно отметил, что литература может развиваться лишь в условиях свободы соревнования и что административные меры являются признаком бессилия, распиской в идеологическом банкротстве.

Написал эти сильные строки сильной властной рукой сильный властный человек.

А что он сделал потом?

Потом он заживо погреб Булгакова, запретив ему что-либо печатать или ставить на сцене. Он всегда делал прямо противоположное тому, что говорил, этот зритель в серой шинели с трубкой во рту. Поступил так он и на этот раз, оставив историкам, как в обличие себя, вышеприведенные строки, которые каждый может прочесть в томе втором собрания сочинений И. В. Сталина, на стр. 328, в статье «Ответ Билль-Белоцерковскому».

3. НЕ ТОЛЬКО «ДНИ ТУРБИНЫХ»

Тогда, в двадцатые годы, мало кто подозревал, что М. А. Булгаков не только драматург, но и прозаик. Его повести и рассказы почти никому не были известны.

Потом доходили смутные слухи, что Булгаков написал еще несколько пьес: «Бег», «Мольер» и другие. Слухи появились, распространились по Москве, переползли в Ленинград и замерли. О них забыли, забыли понемногу и о Булгакове. И вот, через четверть века он воскрес из мертвых. Можно смело сказать, что сейчас, после постановки его пьесы «Бег», после появления его книги о Мольере и опубликования на страницах журнала «Москва» его повести «Мастер и Маргарита» — М. А. Булгаков причислен к сонму неумирающих писателей земли Русской.

Мало того, его популярность вышла за пределы его страны — отныне он покрыт мировой славой.

Вот перед нами свидетельство знаменитой итальянской артистки Клаудии Кардинале:

— Какая книга произвела на вас в последнее время самое сильное впечатление?

— «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова. Этим романом зачитывается вся Италия. В литературной жизни последних лет — он самое большое событие.

— А не хотели бы вы сыграть Маргариту в кино?

— Ну, это было бы просто здорово! Вещь потрясающая.*)

Литературное бессмертие, о котором столько мечтают, которому столько завидуют, которое столько высмеивают, — пришло к писателю, чья скромная могила на Новодевичьем уже успела зарости травой. Это заставляет нас внимательнее всмотреться в творческий облик М. А. Булгакова.

Выше, говоря о Булгакове-драматурге, мы сказали, что он не только продолжатель Чехова, но и его противник. Продолжатель Чехова Булгаков в драме — его ярый противник в романах и повестях.

Чехов — великий реалист, рассказывая, как и всякий писатель, о человеке, о его душе, его самых сокровенных чувствах, ни на один миг не отрывается от быта. Русская литература знает великолепных знатоков быта — таких, как А. Ф. Писемский и Н. С. Лесков. У них, однако, быт часто становится самоцелью, а

*) «Советский экран», 1967, № 13, стр. 15.

литература превращается в своеобразную социальную этнографию. Это реалисты с уклоном в натурализм.

Русская литература знает величайшего исследователя глубин человеческого духа — Ф. М. Достоевского. У него всегда быт подчинен психологии. Для Достоевского неважно внешнее правдоподобие (все сюжеты и ситуации у него всегда неправдоподобны). Он охотно жертвует правдоподобием, чтобы путем смелого эксперимента исследовать глубочайшие тайны духа.

Реализм Достоевского — психологический реализм.

Русская литература знает И. С. Тургенева, у которого быт всегда окутан лирической дымкой. Его реализм можно назвать лирическим реализмом (Маяковский однажды сострил, что «Тургенев ни к чему решительно, кроме роз, не прикасался без перчаток»).

Русская литература знает Н. В. Гоголя, у которого быт всегда смешан с кошмаром великого озорника, который ежеминутно поражает и озадачивает читателя. То рисует абсолютно точную реалистическую картину, то вдруг смещает все грани, смешивает шашки, увлекает читателя в самую необузданную фантастику — и затем преображается в великого поэта, создает могучие романтические образы.

В русской литературе XIX века есть лишь три великих реалиста, у которых быт всегда органически сочетается с открытиями духа, у которых литература достигает почти научной точности — это Пушкин (в «Онегине», в прозе — в «Годунове»), Л. Н. Толстой и А. П. Чехов.

О Чехове, как о самом последовательном реалисте в русской литературе, говорил, между прочим, юный Маяковский в своей забытой, но очень интересной статье, посвященной Чехову:

Характерно, что и в единственном случае, когда А. П. Чехов приводит читателя на край тайны («Черный монах»), он ни на один миг не изменяет реализму. Мистика подчинена строгому медицинскому анализу. Черный монах, этот сложнейший символический образ, ни на один миг не перестает быть галлюцинацией главного героя рассказа. В драматургии Чехова импрессионизм (он говорит со зрителем звуками и световыми эффектами) также ни на один миг не перестает быть реализмом. Характерный пример: в «Вишневом саду» несколько раз раздается замирающий звук, как бы от лопнувшей струны — импрессионизм.

Однако автор не забывает пояснить устами своих героев, что звук этот идет от расположенного по соседству мыловаренного

завода, возвращая этим подчеркнuto прозаическим объяснением зрителя к суровой действительности.

М. А. Булгаков в драмах («Дни Турбиных», «Бег») — ученик и верный последователь Чехова. В повестях и рассказах не то: здесь Булгаков полностью порывает с Чеховым. Булгаковская проза — сумасшедшая, кошмарная. Булгаков-новеллист — весь от Гоголя, от его петербургских повестей, от «Страшной мести». Кошмар вторгается в быт, смещает все грани и жизнь превращается в фантасмагорию.

Для примера приведем два рассказа, входящие в сборник «Дьяволиада».

Вот перед нами «Повесть о том, как близнецы погубили делопроизводителя».

Здесь кошмар неожиданно вторгается в быт советского учреждения двадцатых годов. Вновь назначенный директор товарищ Кальсонер уволил делопроизводителя Короткова, дав ему при увольнении порочащую характеристику. Но, к несчастью, сам товарищ Кальсонер удержался в должности ровно один день. Делопроизводителю необходимо исправить характеристику: он бежит за Кальсонером по всей Москве, точнее по всем московским учреждениям. Дело осложняется тем, что у Кальсонера есть двойник — близнец, тоже товарищ Кальсонер, тоже с партбилетом, тоже ответственный работник. И вот, несчастный делопроизводитель догоняет одного из Кальсонеров где-то на лестничной площадке. Тут все путается и двоится — начинается кошмар:

«Спасите, — заревел Кальсонер, меняя тонкий голос на первый свой медный бас. Оступившись, он с грохотом упал вниз затылком, удар не прошел ему даром. Обернувшись в черного кота с фосфорными глазами, он вылетел обратно, стремительно и бархатно пересек площадку, сжался в комок и, прыгнув на подоконник, исчез в разбитом стекле и паутине. Белая пелена на миг заволочла коротковский мозг, но тотчас свалилась и наступило необыкновенное прояснение.

— Теперь все понятно, — прошептал Коротков и тихонько засмеялся, — ага, понял. Вон оно что, коты. Все понятно. Коты. — Он начал смеяться все громче, громче, пока вся лестница не наполнилась гулками раскатами».*)

*) М. Булгаков. «Дьяволиада». М., 1926, стр. 30.

А вот другой рассказ из этого сборника — «Роковые яйца». Здесь кошмар перенесен в область политики.

В СССР началась эпидемия какой-то страшной болезни, которая поражает кур. Возникает куриный мор. Страна остается без яиц.

И вот, какой вид принимает Москва:

«Театральный проезд, Неглинный и Лубянка пылали белыми и фиолетовыми полосами, брызгали лучами, выли сигналами, клубились пылью. Толпы народа теснились у стен, у больших листов объявлений, освещенных резкими красными рефлекторами:

«Под угрозой тягчайшей ответственности воспрещается населению употреблять в пищу куриное мясо и яйца. Частные торговцы при попытках продажи их на рынках подвергаются уголовной ответственности с конфискацией всего имущества. Все граждане, владеющие яйцами, должны в срочном порядке сдать их в отделение милиции».

На крыше «Рабочей газеты» на экране грудой до самого неба лежали куры, и зеленоватые пожарные, дробясь и искрясь, из шлангов поливали их керосином. Затем красные волны ходили по экрану, неживой дым распухал и метался клочьями, полз струей — выскакивала огненная надпись: «Сожжение куриных трупов на Ходынке».

Слепыми дырами глядели среди бешено пылающих витрин магазинов, торгующих до 3 часов ночи с двумя перерывами на обед и ужин, заколоченные окна под вывесками: «Яичная торговля. За качество гарантия». Очень часто, тревожно завывая, обгоняя тяжелые автобусы, мимо милиционеров проносились шипящие машины с надписью: «Мосздравотдел. Скорая помощь».

— Обожрался еще кто-то гнилыми яйцами, — шуршали в толпе.

В Петровских линиях зелеными и оранжевыми фонарями сиял знаменитый на весь мир ресторан «Ампир» — и в нем на столиках, у переносных телефонов, лежали картонные вывески, залитые пятнами ликеров: «По распоряжению — омлета нет. Получены свежие устрицы».

В Эрмитаже, где бусинками жалобно горели китайские фонарики, в неживой, задушенной зелени, на убивающей глаза своим пронзительным светом эстраде Штриж и Карманчиков пели куплеты, сочиненные поэтами Ардо и Аргуевым:

Ах, мама, что я буду делать
Без яиц?

и грохотали ногами в чечётке.

Театр имени покойного Всеволода Мейерхольда, погибшего, как известно, в 1927 году при постановке пушкинского «Бориса Годунова», когда обрушились трапеции с голыми боярами, выбросил движущуюся разных цветов электрическую вывеску, возвещавшую пьесу писателя Эрендорга «Куриный дох» в постановке ученика Мейерхольда заслуженного режиссера республики Кухтермана.*)

4. «ЕСЛИ ЭТО БЕЗУМИЕ, ТО В НЕМ ЕСТЬ СИСТЕМА»

Эту фразу произносит Полоний о юродствующем Гамлете.

«Если это безумие, то в нем есть система» — можно сказать о юродствующем Булгакове.

У нас есть все основания разобраться в «системе» булгаковского безумия. Мы назвали сейчас Михаила Афанасьевича юродствующим писателем. Это не хула и не упрек. Как известно, юродивые занимались прорицаниями, предрекая будущее в безумной, нарочито темной форме.

Таким прорицанием является и «Куриный дох».

Читая о массовом уничтожении кур на Ходынке, кто не вспомнит о массовом уничтожении людей на всех и всевозможных ходынках в 1937 году.

Следует, однако, отметить, что действительность оказалась во много раз более фантастической и кошмарной, чем все фантазмагии и кошмары Булгакова.

Всеволоду Мейерхольду наш прорицатель предсказывает гибель в 1927 году во время постановки «Бориса Годунова». Эти строки писались в 1926 году. На самом деле Мейерхольд погиб не через год, а через 13 лет, в 1939 году, будучи расстрелян, как... японский шпион, — такой кровавой буффонады, такого кошмара ни один прорицатель не мог придумать.

И «писатель Эрендорг» писал не пьесу «Куриный дох», а восхвалял денно и ночью того, кого он по собственному признанию «боялся и не любил», убийцу своих лучших друзей — это делал он, Илья Эренбург, который начал свою деятельность «Хулио

*) Там же, стр. 78-79.

Хуренито» — произведением, осмеивавшим все виды догматизма, и закончил воспоминаниями, в которых громко сказал о своей нелюбви к Сталину.

Но оставим политику.

Делопроизводитель Коротков в результате своих злополучных приключений пришел к выводу, что «Всё дело в котах».

Займемся и мы котами.

В только что приведенном отрывке Кальсонер оборачивается в черного кота. Этот мотив повторяется в последнем (только что ставшим нам известным) произведении М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Уже в самом начале романа появляется черный кот, который до самого конца остается неперемнным членом дьявольской тройцы:

«Иван ахнул, глянул вдаль и увидел ненавистного неизвестного. Тот был уже у выхода в Патриарший переулок и притом не один. Более чем сомнительный регент успел присоединиться к нему. Но это еще не все. Третьим в этой компании оказался неизвестно откуда взявшийся кот, громадный, как боров, черный, как сажа или грач, и с отчаянными кавалерийскими усами. Тройка двинулась в Патриарший, причем кот тронулся на задних ногах»^{*)}. В дальнейшем оказывается, что этот кот очень жестокое, кроважидное существо. Вот, например, дьявол в образе заезжего профессора Воланда демонстрирует свое искусство в театре Варьете:

«Выход мага с его длинным помощником и котом, вступившим на сцену на задних лапах, очень понравился публике.

— Кресло мне, — негромко приказал Воланд, и в ту же секунду, неизвестно как и откуда, на сцене появилось кресло, в которое сел маг. — Любезный Фагот, покажи нам для начала что-нибудь простенькое.

Зал шевельнулся. Фагот и кот разошлись в разные стороны по рампе. Фагот щелкнул пальцами, залихватски крикнул: «Три, четыре!» — поймал из воздуха колоду карт, стасовал ее и лентой пустил коту. Кот ленту перехватил и пустил ее обратно. Атласная змея фыркнула, Фагот раскрыл рот, как птенец, и всю ее, карту за картой, заглотал. После этого кот раскланялся, шаркнув правой задней лапой и вызвал неимоверный аплодисмент»^{**)}

Впрочем, у кота есть и более эффектные фокусы. Сеанс продолжается.

«Да, да, неизвестно, во что бы все это вылилось, если бы Бен-

^{*)} «Мастер и Маргарита». Журнал «Москва», № 11, 1966, стр. 34.

^{**)} Там же, стр. 77.

гальский (конференсье. — А. К.) не нашел в себе силы и не шевельнулся бы. Стараясь покрепче овладеть собою, он по привычке потер руки и голосом наибольшей звучности заговорил так:

— Вот граждане, мы с вами видели сейчас случай так называемого массового гипноза. Чисто научный опыт, как нельзя лучше доказывающий, что никаких чудес в магии не существует. Попросим же маэстро Воланда разоблачить нам этот опыт...

— Между прочим, этот, — тут Фагот указал на Бенгальского, — мне надоел. Суется все время, куда его не спрашивают, ложными замечаниями портит сеанс! Что бы нам такое с ним сделать?

— Голову ему оторвать! — сказал кто-то сурово на галерке.

— Как вы говорите, ась? — тотчас отозвался на это безобразное предложение Фагот. — Голову оторвать? Это идея! Бегемот! — закричал он коту. — Делай! Эй, цвей, дрей!

И произошла невиданная вещь. Шерсть на черном коте встала дыбом, и он раздирающе мяукнул. Затем сжался в комок и, как пантера, махнул прямо на грудь Бенгальскому, а оттуда перескочил на голову. Урча, пухлыми лапами кот вцепился в жидкую шевелюру конференсье и, дико взвывая, в два поворота сорвал эту голову с полной шеи.

Две с половиной тысячи человек в театре вскрикнули как один. Кровь фонтанами из разорванных артерий на шее ударила вверх и залила манишку и фрак. Безглавое тело как-то нелепо загребло ногами и село на пол. В зале послышались истерические крики женщин».*)

Здесь обычно вспоминают Гофмана, с его мистической фантастикой и в первую очередь его кота Мурра, который также очеловечен. Между тем, нет ничего более неверного, чем сравнивать Булгакова с Гофманом. Чтобы показать всю противоположность между Гофманом и Булгаковым приводим следующую выдержку из записок кота Мурра. Кот вспоминает свое детство — как у него открылись глаза:

«Как-то я очнулся от глубокого сна, меня окружал ослепительный свет. Вначале мне стало страшно. Еще не привыкнув к свету, в особенности к пестрым краскам представшего моему взору волшебного мира, я неистово зачихал, но мало-помалу совершенно освоился, словно давно уже сделался зрячим.»

«О, зрение! Что за божественная, чудная привычка! Без нее вообще трудно было бы обходиться на свете! Счастливы высоко-

*) Там же, стр. 78.

одаренные натуры, кому столь легко, как мне, далась способность видеть».

Какой очаровательной легкостью веет от этих строк. Невольно вспоминаешь здесь улыбочатые строки Андерсена, который умел оживотворить своим теплом всю природу. Вспоминаются и другие непревзойденные строки боговдохновенного древнееврейского гениального пророка-поэта: «Все дышащее да хвалит Господа!» (Пс. 150, 6)*). Гофман очеловечивает кота, тогда как Булгаков его одиаволяет, если можно так выразиться.

Кот Мурр у Гофмана похож на ребенка — у Булгакова кот лишь внешне похож на человека: в нем хищность зверя, грубые, низкие инстинкты преступника, абсолютное отсутствие каких-либо проблесков доброты, ласки, привязанности к кому-либо.

У Гофмана — кот ближе к человеку, у Булгакова — кот гораздо ниже зверя, у Гофмана — очеловечивание зверя, у Булгакова — диаволиада.

Слово найдено! Мы подошли к самому сокровенному, что есть в творчестве Булгакова.

И здесь снова вспоминается кот, уже однажды промелькнувший в русской литературе:

У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Всё ходит по цепи кругом;
Идет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.
Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит...

В прологе к юношеской поэме Пушкина ученый кот великолепно вписывается в оваянную романтической дымкой народную чертовщину. Однако к концу пролога вдруг неожиданно для самого художника кружевной покров, сплетенный из русских сказочных образов прорывается — и вырывается наружу ужас чертовщины, и стих становится чеканным, суровым, наводящим ужас:

Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей...

*) По-славянски: «Всякое дыхание да хвалит Господа!» Это привычнее и милее православному сердцу, но русский перевод лучше и точнее передает подлинный текст.

По неведомым дорожкам, по следам невиданных зверей ходил всю жизнь и М. А. Булгаков.

5. МАСТЕР МЕЖДУ ДВУМЯ БЕЗДНАМИ

И привели неведомые дорожки Булгакова в невиданное место — между двумя безднами.

Одна бездна — темное, дьявольское, сатанинское. То, что воспринимается как кошмар. Кошмар врывается в сознание Алексея Турбина в романе «Белая гвардия» — в первом значительном произведении Булгакова, которое впоследствии он переделал в пьесу.

«Только под утро он разделся и уснул, и вот во сне явился к нему маленького роста кошмар в брюках в крупную клетку и глумливо сказал:

— Голым профилем на ежа не сядешь! Святая Русь — страна деревянная, нищая и опасная, а русскому человеку честь — только лишнее бремя!

— Ах ты! — вскричал во сне Турбин, — г-гадина, да я тебя.

Турбин во сне полез в ящик стола доставать браунинг, сонный достал, хотел выстрелить в кошмар, погнался за ним, и кошмар пропал».*)

Таким образом Алексей Турбин очень легко разделся с бесовщиной, чисто по-офицерски, браунингом. Но не всегда так легко можно отделаться от бесовщины. И здесь хочется привести другую страницу того же романа. Перед нами поэт-богоборец Русаков. Злополучный поэт заболел сифилисом.

«Он вынул из ящичка маленького дамского письменного стола тонкую книгу, отпечатанную на сквернейшей серой бумаге. На обложке ее было напечатано красными буквами:

фантомисты —

футуристы.

Стихи: М. Шпиленского,

В. Фридмана,

В. Шаркевича,

И. Русакова

Москва, 1918.

*) Мих. Булгаков. Роман «Белая гвардия». Избранная проза. М., 1966, стр. 218.

На странице тринадцатой раскрыл бедный больной книгу и увидел знакомые строки:

Ив. Русаков

Богово логово.
Раскинут в небо
Дымный дог,
Как зверь, сосущий лапу,
Великий сущий папа
Медведь мохнатый
Бог.
В берлоге
Лога
Бейте Бога.
Звук алыи
Боговой битвы
Встречаю матерной молитвой.

— А-а-ах, — стиснув зубы, болезненно застонал больной. — Ах, — повторил он в неизбежной муке.

Он с искаженным лицом вдруг плюнул на страницу со стихотворением и бросил книгу на пол, потом опустился на колени и, крестясь мелкими дрожащими крестами и касаясь холодным лбом пыльного паркета, стал молиться, возводя глаза к черному, безотрадному окну.

— Господи, прости меня и помилуй за то, что я написал эти гнусные слова. Но зачем же Ты так жесток? Зачем? Я знаю, что Ты меня наказал. Посмотри, пожалуйста, на мою кожу. Клянусь Тебе всем святым, всем дорогим на свете, памятью мамы-покойницы — я достаточно наказан. Я верю в Тебя. Верю душой, телом, каждой нитью мозга. Верю и прибегаю только к Тебе, потому что нигде на свете нет никого, кто мог бы мне помочь».*)

Всякий марксист, прочтя эти строки, безмерно обрадуется. Здесь как будто подтверждение марксистского тезиса о том, что страх рождает веру. На самом деле животный страх остается страхом — после рабьего бунта следует рабская покорность, хлюпик

*) Там же, стр. 215.

Русаков остается хлюпиком — слишком глубоко затянуло его болото, слишком глубока дьявольская бездна, чтобы можно было из нее вырваться страхом и скулежом.

«Боязливых же и неверных и скверных, и убийц и любодеев, и чародеев и идолослужителей, и всех лжецов — участь в озере, горящем огнем и серою...» (Апокал. 21, 8).

В этом романе Булгаков впервые заглянул в темную бездну — лишь через много лет, в романе «Мастер и Маргарита», темная бездна окончательно раскроется ему.

И наряду с темной бездной — бездна светлая. В романе «Белая гвардия» впервые на булгаковских страницах является Христос.

Алексей Турбин, который в романе (не так, как в пьесе) остается жив, — переживает чудо. И здесь следует потрясающая страница, живописующая чудо. Приводим ее здесь полностью. Это одна из самых оригинальных страниц в русской литературе. Алексей Турбин тяжело ранен — его положение безнадежно. С минуты на минуту ожидает его смерть.

«Они долго шептались и слышно было, как вздыхал бледный, отуманенный Лариосик. Еще раз ходили к доктору Бродовичу. Тот выглянул в переднюю, закурил папироску и прошептал, что это агония, что, конечно, священника можно позвать, что ему это безразлично, потому что больной все равно без сознания и ничему это не повредит.

— Глухую исповедь... — шептались, шептались, но не решались пока звать, а к Елене стучали; она через дверь глухо ответила: «Уйдите пока. Я выйду...» И они ушли.

Елена с колен исподлобья смотрела на зубчатый венец над почерневшим ликом с ясными глазами и, протягивая руки, говорила шепотом:

— Слишком много горя посылаешь, Мать-Заступница. Так в один год и кончаешь семью. За что?.. Мать взяла у нас, мужа у меня нет и не будет, это я понимаю. Теперь уж очень ясно понимаю. А теперь и старшего отнимаешь. За что? Как мы будем вдвоем с Николаем?.. Посмотри, что делается кругом, Ты посмотри!..

Мать-Заступница, неужели не сжалишься? Может быть, мы люди и плохие, но за что же так карать-то?

Она опять поклонилась и жадно коснулась лбом пола, перекрестилась и, вновь простирая руки, стала просить:

— На Тебя одна надежда, Пречистая Дева. На Тебя. Умоли Сына Своего, умоли Господа Бога, чтоб послал чудо...

Шепот Елены стал страстным, она сбивалась в словах, но речь ее была непрерывна, шла потоком. Она все чаще припадала к полу, отмахивала головой, чтобы сбить назад выскочившую на глаза из-под гребенки прядь.

День исчез в квадратах окон, исчез и белый сокол, неслышно прошел плещущий гавот в три часа дня и совершенно неслышным пришел Тот, к Кому через заступничество смуглой Девы взывала Елена. Он появился рядом у развороченной гробницы, совершенно воскресший и благодостный и босой. Грудь Елены очень расширилась, на щеках выступили пятна, глаза наполнились светом, переполнились сухим бесслезным плачем. Она лбом и щекой прижалась к полу, потом, всей душой вытягиваясь, стремилась к огоньку, не чувствуя уже жесткого пола под коленами. Огонек разбух, темное лицо, врезанное в венец, явно оживело, а глаза выманивали у Елены все новые и новые слова. Совершенная тишина молчала за дверями и за окнами, день темнел страшно быстро и еще раз возникло видение... — Мать-Заступница, — бормотала в огне Елена, — упроси Его. Вон Он, — упроси. Что же Тебе стоит. Пожалей и нас. Пожалей. Идут Твои дни, Твой праздник. Может, что-нибудь доброе сделает Он, да и Тебя умолю за грехи. Пусть Сергей (муж. — А. К.) не возвращается... Отымаешь, отымай. Но этого смертью не карай... Все мы в крови повинны, но Ты не карай. Не карай. Вон Он, вон Он... — Огонь стал дробиться и один цепочный луч протянулся длинно-длинно к самым глазам Елены. Тут безумные ее глаза разглядели, что губы на лице, окаймленные золотой косынкой, раскрепились, а глаза стали такие невиданные, что страх и пьяная радость разорвали ее сердце, она сникла к полу и больше не поднималась.

* * *

По всей квартире сухим ветром пронеслась тревога; на цыпочках, через столовую, пробежал кто-то. Еще кто-то поцарапался в дверь, возник шепот: «Елена... Елена... Елена...» Елена, вытирая тылом ладони холодный скользкий лоб, отбрасывая прядь, поднялась, глядя перед собой слепо, как дикарка, не глядя больше в сияющий угол, с совершенно стальным сердцем прошла к двери. Та, не дождавшись разрешения, распахнулась сама собой, и Николка предстал в обрамлении портьеры. Николкины глаза выпятились на Елену в ужасе, ему не хватало воздуха.

— Ты знаешь, Елена... ты не бойся... не бойся... иди туда... кажется...

* * *

Доктор Алексей Турбин, восковой, как лимонная, мятая в руках свечка, выбросил из-под одеяла костистые руки с нестриженными ногтями, лежал, задрав кверху острый подбородок, расцепил пожелтевшие губы, приоткрыл глаза. В них еще колыхалась рваная завеса тумана и бреда, но уже в клочьях черного огня глянул свет. Очень слабым голосом, сиплым и тонким, он сказал:

— Кризис, Брадович... Что... выживу?

— Ага, — ответил Брадович».*)

Приведенный отрывок заслуживает самого внимательного анализа. Здесь почти с протокольной точностью раскрыта психология молитвы.

Прежде всего, обратим внимание на моление Елены. Читатель, который не читал «Белой гвардии», не видел «Дней Турбиных», будет судить о Елене Турбиной лишь по приведенному отрывку. Меньше всего он представит себе, что перед ним светская дама, жена полковника Генерального штаба, окончившая институт благородных девиц. Это моление бабы, именно бабы, деревенской бабы. На нее повеяло дуновением Божиим и от этого дуновения, как пух одуванчика от порыва ветра, слетело все наносное — манеры, искусственный литературный салонный язык, цивилизация, образование, — и светская дама превратилась в обыкновенную русскую бабу. И вот, лежит она, растрепанная, рыдая, перед Ликом Божией Матери и вдруг видит Христа, пришедшего сюда, в Киев, в этот утлый ковчег интеллигентской квартиры. Пьяная радость, вместе со страхом, охватывает ее.

И здесь перед нами разверзается бездна... снова бездна, но на этот раз не темная, а светлая бездна:

Открылась бездна, звезд полна,
Звездам числа нет, бездне — дна.**)

И в этой бездне тонет все сословное, наносное и даже национальное. И перед нами уже не русская баба, а просто женщина.

*) М. Булгаков. Избранная проза, стр. 339-344.

***) М. В. Ломоносов. «Вечернее размышление о Божием величестве при случае Великого Северного Сияния».

Меня всегда поражало, как обращается Христос с креста к Своей Матери: «Жено! Се сын Твой».

Жено! Женица!

В этот страшный час встречи с Богом человек стоит перед Богом, как в день своего рождения, свободный от всего, что идет от мира, — существуют только двое — Бог и человек.

И от приближения к Богу человека охватывают только два чувства: страх и пьяная радость.

«Между тем как она долго молилась пред Господом, Илий смотрел на уста ее.

И как Анна говорила в сердце своем, а уста ее только двигались, и не было слышно голоса ее, то Илий счел ее пьяною.

И сказал ей Илий: доколе ты будешь пьяною? вытрезвись от вина твоего.

И отвечала Анна и сказала: нет, господин мой; я — жена, скорбящая духом, вина и сикера я не пила, но изливаю душу мою пред Господом. Не считай рабы твоей негодною женщиной, ибо от великой печали моей и от скорби моей я говорила доселе.

И отвечал Илий и сказал: иди с миром, и Бог Израилев исполнит прошение твое, чего ты просила у Него.» (Книга 1 Царств, гл. 1, 12-17).

Разве не повторилось почти с буквальной точностью в киевской квартире то, что было три тысячи лет тому назад в храме. Да, повторилось, потому что выдумать то, что было с Еленой Турбиной, нельзя.

Это было, было, если не с Еленой, то с Марией, Анной, Ревеккой, Матильдой, Терезой — с Иваном, Абрамом, Жаном, Чарльзом — с людьми всех национальностей, которые приближались к Божественной бездне, которые чувствовали пьянящую радость Божества. И эта радость творила, творит и всегда будет творить чудеса.

И она тоже увлекает человека от обыденной жизни в бездну, Божественную бездну.

У Булгакова была странная и тяжелая судьба, — пишет в своих воспоминаниях старый товарищ Михаила Афанасьевича — К. Г. Паустовский*). Да, странная и тяжелая судьба не только потому, что он попал в стальные тиски тирана, но и потому, что его творчество — это творчество между безднами. Жизнь открыла ему две страшные противоположности...

*) К. Г. Паустовский. «Книга скитаний». М., 1964, стр. 63.

Воду держала она
Предательски в одной руке,
Огонь — в другой.*)

6. ДЬЯВОЛИАДА

Мои родители — интеллигенты старой формации — очень типичные интеллигенты. Отец — крещеный еврей не верил ни в иудейство, ни в христианство. Но в Бога он все-таки верил. Каждое утро и каждый вечер, вставая и ложась, он лежал пять-десять минут на спине с закрытыми глазами и что-то шептал. Когда я попал в первый раз в тюрьму — восемнадцатилетним мальчиком — отец чуть с ума не сошел от горя, и он молился тогда дни и ночи. Мать — атеистка. Но она все-таки говорила: «Я понимаю, что философским путем можно дойти до идеи Бога. Верили в Бога великие люди, например, Толстой». Вообще Л. Н. Толстым меня шпыняли с тех пор, как я себя помню. Бабушка (самый любимый и дорогой для меня на свете человек) была убежденной толстовкой, родители, тетушки, дядюшки — все знали наизусть Толстого и все меня им шпыняли.

«Толстой — вот разумно верующий человек, а церковь и все эти обряды — для простого народа», — убеждала меня одна из моих тетушек (она жива и поныне).

Собственно говоря, делали все для того, чтобы я возненавидел Толстого. Сам не понимаю, почему я его все-таки бесконечно люблю и уважаю и как писателя и как человека.

Таким образом, мои неверующие родственники (из уважения к Толстому) еще могли примириться с верой в Бога. Бабушка, правда, несмотря на Толстого, была правоверной еврейкой. Но уже с чем никто не мог примириться в моей семье — это с существованием дьявола.

Как-то отец развернул славянское Евангелие и прямо наскокил на слова: «Иисус же явился Марии Магдалине, из нее же изгна семь бесов».

«Все это сопряжено с верой в бесов. Как это неприятно. Даже читать как-то неприлично!» — поморщился папа и отложил книгу.

Мне самому казалась как-то неприличной вера в дьявола.

*) Архилох. Перевод В. В. Вересаева. «Эллинские поэты». В. В. Вересаев. Полное собрание сочинений, т. X. М., 1929, стр. 154.

Уже будучи дьяконом, я однажды перед пасхальной заутреней вступил в горячий спор с митрополитом Александром Введенским по вопросу о дьяволе. Я протестовал против примитивизации и персонификации духа зла. Спор получился довольно жаркий, и я, со свойственной мне вспыльчивостью, перешел границы должной почтительности. Когда в пасхальное утро я пришел к первоиерарху с визитом, я счел нужным извиниться. «Дьявола к дьяволу» — сказал с очаровательной улыбкой первоиерарх, лобызая меня в обе щеки, и вопрос о дьяволе был исчерпан.

И только теперь, умудренный жизненным опытом, прожив трудную и интересную жизнь, я восклицаю вместе с Достоевским, который устами пьяненького чиновника Лебедева провозгласил:

«Вы смеетесь? Вы не верите в дьявола? Неверие в дьявола есть французская мысль, есть легкая мысль. Вы знаете ли, кто есть дьявол? Знаете ли, как ему имя? И не зная даже имени его, вы смеетесь над формой его, по примеру Вольтерова, над копытами, хвостом и рогами его, вами же изобретенными. Ибо нечистый дух есть великий и грозный дух, а не с копытами и с рогами, вами ему изобретенными...»*)

Присматриваясь к окружающей нас вселенной, мы проникаемся идеей Бога. Современная вселенная, эйнштейновская, электронная, энергетическая является евангелием — благой вестью о бесконечно мудром, о бесконечно изощренном Боге, сотворившем такой сложный, такой совершенный, такой художественно разнообразный, такой тонкий инструмент, как окружающий нас мир. Как совершенный художник, Он соединил в нем все противоположности, Он построил его на неожиданностях, которые соединяются в конечном итоге в изумительно гармоничное целое. Атом — солнечная система — галактика — во всем стройное единство, единый закон, во всем Рука, творящая и создающая. И в то же время, изучая материю, мы убеждаемся, что она есть скованный Прометей, обузданный зверь, связанный Божественным Словом хаос.

В тютчевском стихотворении «День и ночь» великолепно выражена эта вечная антитеза Вселенной:

На мир таинственный духов,
Над этой бездной безымянной
Покров наброшен златотканый
Высокой волею богов.

*) Ф. М. Достоевский. «Идиот», т. II, ч. III, гл. IV. Кишинев, стр. 414.

День — сей Божественный Покров —
 День, земнородных оживленье,
 Души болящей исцеленье,
 Друг человеков и богов!

Но меркнет день — настала ночь;
 Пришла, и с мира рокового
 Ткань благодатную покрова
 Сорвав, отбрасывает прочь...
 И бездна нам обнажена
 С своими страхами и мглами,
 И нет преград меж ней и нами —
 Вот отчего нам ночь страшна!

Эта центробежная тенденция в природе — начало хаоса, разрушения, смерти — вселяет ужас в человека. Она ощущается как бездна. Когда-то Вольтер, под впечатлением страшного лиссабонского землетрясения, писал, что такая катастрофа способна подорвать веру в Промысел. В действительности, если что способно укрепить веру в Промысел, так именно подобные катастрофы. В эти моменты мы видим сущность природы такой, какой она была бы без Бога, природы дикой, безудержной, хаотичной, все сметающей на своем пути. Катастрофа — это природа, порвавшая на миг свои цепи, выразившая свою подлинную страшную сущность.

Но крепка Рука Хозяина. После мгновенного бунта мы видим природу смирившуюся, исцеленную, подобно евангельскому бесноватому, сидящую у ног Господина.

Божественное начало в природе — смысл — Логос, Премудрость. Дьявольское начало — хаос, разрушение, безумие. И эту сатанинскую бездну мы видим в человеке. Бездна безумия, бездна преступности, бездна честолюбия, бездна разврата... Всюду бездна. Человек на краю бездны испытывает два противоречивые чувства: бездна ужасает и бездна влечет.

Есть упоение в бою,
 И бездны мрачной на краю...
 Всё, всё, что гибелью грозит,
 Для сердца смертного таит
 Незъяснимы наслажденья...

(А. Пушкин. «Пир во время чумы»)

И об этом неудержимом желании окунуться в бездну говорит первая страница Библии:

«Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог. И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: «не ешьте ни от какого дерева в раю?» И сказала жена змею: плоды с деревьев мы можем есть, только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть. И сказал змей жене: нет, не умрете; но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете как боги, знающие добро и зло. И увидела жена, что дерево хорошо для пищи и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание, и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему и он ел». (Быт. 3, 2-6).

В этом голосе змея, в этом вкушении плодов чарующий и страшный смысл — это и есть приобщение к сокровенным силам природы, к первозданному хаосу, связанному Божественным Словом. Это изначальный хаос, сатанизм. Человек приобщился к бездне — и бездна внутри его.

Как-то, несколько лет назад, один из моих молодых друзей (тогда студент медицинского института) принес мне несколько страниц, отпечатанных на машинке и сказал: «Какой ужас! Какая мерзость!» Это оказалась статья Фрейда «Комплекс Эдипа».

Да, ужас и мерзость, но этот ужас и мерзость в человеке, в неосознанных глубинах его существа.

Фрейд — гениальный анатом — вскрыл темный и страшный, никому неведомый подвал в душе человека — подвал, подземелье, подполье, подсознание, в котором заперт первозданный хаос — страшное наследство, полученное от Адама — первобытное, дикое, первородное. Первородный грех — которым отмечен всякий человек, который шевелится в неизведанных глубинах его существа, который жаждет вырваться наружу и который может быть связан лишь Божественным Словом: «Крещется».

* * *

Человек — образ и подобие Божие. Бог для него свой, родной, близкий.

Но к хаосу он приобщился на изначальных ступенях своего бытия, и он сроднился с ним издревле — и хаос тоже для него свой, родной, любимый — об этом говорит великий тайновед Тютчев, обращаясь к завывающему ветру:

О, страшных песен сих не пой
 Про древний хаос, про родимый!
 Как жадно мир души ночной
 Внимает повести любимой!

И отсюда — сатанизм. Читая протоколы средневековых процессов ведьм, я обратил внимание на одну деталь: многие женщины, обвинявшиеся в ведовстве, не только не отрицали своей связи с дьяволом, но прокламировали ее со страстностью и героизмом, не уступающим героизму мучеников.

Преследование ведьм приняло массовый характер, как известно, в XV веке, после появления энциклики Папы Иннокентия VIII «Summis desiderantes» 1484 года, в которой официально признавалась возможность общения дьявола с людьми (ведовство). После этого инквизиция во главе с Генрихом Инсистерисом и Яковом Шпренгером открыла волну террора, которая прокатилась по всей Европе.

Печальным памятником этой эпохи является знаменитая книга «Молот на колдуний», руководство для розыска ведьм. Разумеется, трудно не присоединиться к тем, кто клеймит позором гнусных людей, мучивших беззащитных и большей частью невинных женщин. Однако сочувствие к страданиям несчастных жертв инквизиции не должно нам мешать задать вопрос: всё ли в обвинениях, предъявляемых инквизиторами, было сплошной ложью.

Основываясь на многочисленных источниках, можно почти с полной уверенностью констатировать, что в европейских странах в средневековье имела распространение тайная народная религия (представлявшая собой пережиток жестоких языческих культов, принесенных варварами из Азии в эпоху великого переселения народов) — обладавшая тайнами магии. Это-то и была религия сатаны. Наличие темной таинственной колдовской религии признает даже такой ярый защитник ведьм, как Жан Мишлэ, который в своей книге «Колдунья» говорит: «В этой новой (демонской) церкви, представляющей изнанку настоящей, все должно делаться наоборот».*)

О пережитках сатанинского культа в конце XIX века писал Ж. К. Гюисманс — знаменитый французский писатель — в своем

*) Ж. Мишлэ. «Колдунья», М., 1912, стр. 68.

романе «Бездна»*), в котором описывается тайное общество сатанистов в Париже во главе с каноником-расстригой Дакрон, совершавшим черные мессы.

Из русских на эти темы писали, в основном, крайние реакционеры типа Ладыженского, которые сознательно искажали картину, приписывая сатанизм масонам и подчиняя историю грубой политической демагогии.

Должен признаться, что по своему скептическому складу ума я всегда считал все разговоры о сатанинском культе в наши дни досужей фантазией. Думал бы так и сейчас, если бы не одна встреча, оказавшая на меня глубокое влияние.

Пусть рассказ об этой встрече прервет статью. Тем, кто будет на меня за это в претензии, напоминаю, что пишу не исследование, а всего лишь литературный дневник.

7. ИНТЕРМЕЦЦО

Мы встретились с ней в конце войны в Ташкенте. Перед самой войной она вернулась из ссылки и жила, вместе со слепой сестрой, в страшной нужде, работая в Ташкентском институте искусствоведения (во время войны это не кормило).

Ее отец был из остзейских баронов, а мать носила столь звонкую фамилию, что по сравнению с ней даже баронский титул звучал мезальянсом (Рюриковичи!). Баронесса, так будем называть моего друга (хотя она сама никогда не вспоминала о своем бывшем титуле), с юности отличалась экстравагантностью: в семнадцать лет, к ужасу своих родственников, стала балериной, потом дружила с Айседорой Дункан, была замужем за знаменитым художником (который был старше ее на тридцать лет), потом за знаменитым писателем, уехавшим вскоре за границу. Мы быстро подружились с ней, и эта дружба дала мне многое, очень многое, — мне, сыну адвоката-буржуа, питерскому буршу, не знавшему тогда ничего, кроме церквей, библиотек и студенческих пивнушек, не хватало настоящей культуры. Уже тогда в Ташкенте я узнал, что она в двадцатых годах была связана с мистиками, входила в какую-то тайную ложу, состоявшую в основном из бывших аристократов, и за это поплатилась ссылкой. Я не придавал этому

*) В русском переводе «Там внизу», М., 1911.

никакого значения, считая все это лишь дамской затеей экстравагантной барыни. В 1945 году я уехал в Москву, а ее, беднягу, снова выслали — из Ташкента в Бухару.

Я встретился с ней через 15 лет здесь, в Москве. За это время она испытала горечь наступившей старости, болезней, невероятной, почти фантастической нужды. И вот, в это время произошел странный случай. Прихожу я к ней как-то на Дмитровку (Пушкинская улица), и она у меня спрашивает: «Что такое было ночью? Какое письмо вы получили?» Я: «Откуда вы знаете?» В ответ я услышал рассказ, которому никогда бы не поверил, если бы не был его невольным участником.

— В два часа ночи, — сказала она, — я вышла в астрал (термин мистиков, означающий расставание духа с телом) и очутилась в вашей комнате. Далее следовало детальнейшее описание моей комнаты, которое мог дать только человек, в ней бывавший (между тем она никогда у меня не была, и у нас в Москве не оставалось ни одного общего знакомого, который бывал бы у меня):

— Вы стояли, опершись на спинку кресла и читали какое-то письмо. (Абсолютно точно). Я сказала: «Здравствуйте! Вот я и у вас. Вижу, вы меня не воспринимаете». В комнате присутствовал еще кто-то, тоже нетелесный. Осмотревшись, я сказала: «Ну, приходится уходить, раз вы не отвечаете». И я очутилась у себя в постели.

После этого случая я стал внимательно слушать то, что она мне говорила о мистических своих озарениях. Оказывается, она принадлежала к кружку так называемых неорозенкрейцеров, возглавлявшихся неким Балюстиным. Неорозенкрейцеры принадлежали к так называемым черным мистикам. «В отличие от христиан и белых мистиков (теософов) мы ничего не ждем свыше, мы сами идем туда, мы штурмуем небеса» — и она сказала ужасные слова: «Отец наш — Люцифер — дьявол». Я ответил. «Зачем вам Люцифер, — небо же и так открыто для всех Иисусом Христом, — не кажется ли вам, что вы ломитесь в открытую дверь?»

О Евангелии она говорила: «Оно неприемлемо потому, что там много — любви, любви, — нам же нужен холодный свет познания».

Как-то я говорил ей о комнате, в которой она могла бы поселиться:

— Прекрасная женщина — хозяйка, как видно, — у нее много икон.

— А не согласится ли она их снять?

— Снять? Почему вам нужно, чтобы она снимала иконы?

— Они мешают магическим вещам. Мы и Христос — разные линии.

— Если бы висели портреты Маркса и Энгельса — это бы не мешало? Это же тоже разные линии.

— Ну, это все равно, что паспорт, который лежит в столе. Какое это имеет значение?

— Если бы висел портрет Владимира Соловьева? Это мешало бы?

— Нет, Владимир Соловьев не мешал бы. Он личность человеческая, а Христос — личность Божественная, но мы не с Ним, мы — против Него.

Так я соприкоснулся в жизни с краешком сатанизма, вероятно только с краешком чего-то очень большого, тайного, страшного. Но и этот краешек меня убедил в существовании сатанинских глубин.

Остается досказать немного, о конце моего несчастного друга. Она была найдена мертвой 23 марта 1963 года в Самарканде, куда она переехала в 1960 году из Москвы. Диагноз: смерть от кровоизлияния в мозг.

Умерла ли она с Люцифером или с Христом?

Незадолго до смерти она прислала мне чудесный подарок, — великолепную репродукцию нестеровской картины «Видение отроку Варфоломею».

На обороте — бальмонтовские стихи о северной природе и подпись карандашом: «Картина поет всей землей, всей ее природой летит к небу. Согласны?»

В другом письме она рассказывает, что видела сон — чей-то баритон напевал ей задушевную песню:

Выйди, выйди, мой претихий
После стольких дней,
Выйди, выйди, мой родимый,
Лирика полей...

Не помогла ли ей лирика родных русских полей вырваться из цепких рук сатаны, соприкоснуться через Нестерова — преп. Сергия с Русской Церковью и ее Божественным Главой — Христом? Быть может!

8. ТАК СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ВСЕ-ТАКИ САТАНА?

Мы говорили до сих пор о сатанизме, но ничего не сказали о Сатане. Существует ли он? Да, существует.

Наша материальная вселенная лишь небольшая часть мироздания — многопланового, многоликого, многогранного. В нем есть светлый сияющий план — небо — духовное небо, символом которого является голубая бездна, развертывающаяся над нами.

Это план, весь проникнутый радостными волнами света, струящимися от Бога, — это место особого благодатного присутствия Божия. И есть черный, мрачный план бытия — бездна, населенная мрачными, отторгнутыми от Бога духами, которые концентрируются в единой центральной монаде — в личности Сатаны, дьявола, вельзевула, князя тьмы. И от него идут мрачные, страшные волны. Эти волны проникают в природу, сеют в ней семена хаоса и разрушения, они захлестывают порой и человечество так стремительно и полно, что мир во зле лежит, что сатана становится порой князем мира сего.

«Тут дьявол с Богом борется, — говорит Митя Карамазов у Достоевского, а поле битвы — сердца людей».

Евангелие рассказывает нам о бесноватых, о людях, в которых вселился бес. Мы знаем и сейчас страшных кликуш. Медицина характеризует их как людей, страдающих истерией в тяжелой форме с элементами эпилепсии. Народ считает их бесноватыми. Кто прав? И те и другие правы. Мы здесь вступаем в таинственную сферу душевных болезней. Как известно, большая часть душевных болезней не вызывается никакими изменениями в мозгу — Казанская школа психиатров, во главе с профессором Буйницким, на этом основании даже отрицала принадлежность шизофрении к душевным болезням.*)

Подобно тому, как многие болезни (чума, туберкулез, холера) вызываются действием микроба и бацилл, душевные болезни вызываются действием таинственных, невидимых духовных волн, и так же, как медицина знает организмы, восприимчивые к инфекциям, так и душевные болезни поражают людей, незащищенных от этих мрачных волн, идущих из недр вселенной.

История медицины знает даже эпидемии душевных болезней, случаи массового беснования, охватывавшие в средние века тысячи людей, поражавшие целые местности. Это одно из проявлений демонской силы.

*) См. сборник «Памяти проф. Буйницкого», Казань, 1932.

Увы! Только одно из проявлений — и притом не самое страшное.

Сатанизм — это не выдумка богословов, сатанизм — это не теория, не мировоззрение.

Сатанизм — это жизнь, это неотъемлемый элемент жизни. Искусство как отражение жизни не могло пройти мимо него.

И вот мы снова вернулись к искусству, к литературе, к роману Булгакова «Мастер и Маргарита».

9. МАСТЕР И ДЬЯВОЛ

В художественной литературе есть две традиции изображения дьявола: романтическая и сатирическая. Для романтиков — дьявол — бунтовщик. Против чего он бунтует и зачем — романтикам это неважно. Они прославили его как бунтаря и приписали ему свои собственные черты — комплекс неприятия серой прозаической жизни.

Прямо с романтической дьяволиады начал XIX век.*)

Основоположником этой «дьяволиады» следует признать Байрона. Правда, в «Каине» нет еще прямого восхваления дьявола, но есть воспевание бунта против Бога. Каин для Байрона романтическая фигура, а сама поэма, написанная в 1821 году, есть вершина романтического бунта, лежащего в основе творчества великого английского поэта. Сам Байрон придавал огромное значение этой поэме: «Я полагаю, — писал он в одном из писем, — Каин глубоко западет в глубь мирового сердца, и если многие дрогнут от его кажущегося богохульства, то все падут ниц перед его величием».

Альфред де-Виньи, продолжая традицию, открытую Байроном, создает уже прямо поэзию падшего ангела в своей «Эльи» (1824 г.).

Наконец, тридцатые годы приносят лермонтовского «Демона».

Что сказать про все эти произведения? Когда-то Пушкин в «Онегине» очень метко вскрыл слабую черту байронизма: «Лорд Байрон прихотью удачной облек в унылый романтизм и безнадежный эгоизм». В унылый романтизм облечена и фигура Каина — величайшего эгоиста, завистника и убийцы. Причем ему прида-

*) Мильтон («Потерянный и возвращенный рай») и Клопшток («Мессиада»), а также Данте в изображении сатаны, следуют строго библейской традиции.

ны такие черты, о которых нет и помина в Библии. В Библии он трус и прямой предшественник Хама, убивает беззащитного, безоружного брата, а потом на вопрос о брате отвечает мелкой и нахальной уверткой: «Или я сторож брату моему Авелю?» У Байрона Каин — смелый, гордый, полный достоинства, великодушный человек (жаль только, что он убил брата, а не его убили).

Что касается лермонтовского Демона, то в нем есть только один недостаток: это меньше всего Демон. Демон, способный полюбить женщину, раскаиваться, плакать, клясться в том, что он «отрекся от старой мести, от гордых дум», — такой демон не страшен. Это и не Демон, а сам Лермонтов, наш милый, милый, всем нам так бесконечно дорогой юноша, одевший маску Демона. Правда, лермонтовский Демон все-таки преступник — он убил жениха Тамары, ну так что ж, для гусарского офицера — убить соперника на дуэли — это даже доблесть.

Иная линия открывается в русской литературе Н. В. Гоголем. У Гоголя не сатана, не Люцифер, не Демон — у него черт. В одном из своих писем Гоголь пишет: «Не бойтесь черта, он — форсун, Хлестаков». Гоголевский чертик — это пошлость, мелочность, плоскость — воплощение тех пигмейских свойств человеческой души, с которыми всю жизнь боролся Гоголь — и в этом отношении прав Д. С. Мережковский, который в своей известной работе «Гоголь и черт» писал, что «Черт является единственным содержанием гоголевского творчества».

Черт в романе «Братья Карамазовы» — это тот же гоголевский черт, лишь перевоплотившийся в русского интеллигента, солугубовская «недотыкомка» в «Мелком бесе» — это последняя трансформация гоголевского черта, превратившегося в вонючего паука, в котором сконцентрирована вся человеческая грязь. Однако высится в XX веке трагическая фигура Леонида Андреева — последнего русского романтика. Однако напрасно в своих «Анатеме», «Иуде», «Савве» Андреев пытался воссоздать романтический ореол вокруг Сатаны — слишком зрелым стал к этому времени русский человек, слишком глубоко заглянул он в дьявольскую бездну зла и порока, чтобы можно было обмануть его романтическим ореолом вокруг сатаны. И сам Андреев в своем чудовищном и талантливейшем рассказе «Бездна», главной темой которого является, как известно, изнасилование девушки, показал с исчерпывающей полнотой сущность сатанизма.

И так и остался непревзойденным в мировой литературе гётевский Мефистофель. Вольфганг Гёте понял, как никто другой, что сущностью Сатаны является ложь, ибо «он лжец и отец лжи».

Поэтому грубость и жестокость всегда выступают у Сатаны под обаятельной маской.

«В Вальпургиеву ночь, наедине с Фаустом, который знает его до глубины, Мефистофель выступает без маски, как злобный дух отрицания и воплощения грубых инстинктов человечества. В большинстве случаев, при общении с посторонними людьми, он прикрывает омерзительное скотство своей натуры плащом светской тактичности — он элегантен, умеет ухаживать за женщинами и притом обладает неисчерпаемым запасом юмора и остроумия».*)

* * *

В своем романе «Мастер и Маргарита» М. А. Булгаков очень подробно рассказывает, как сумасшедший литератор, — реальным прототипом которого является, бесспорно, сам автор, — начал свой роман о Понтии Пилате в небольшой уютной квартирке близ Арбата.

Не подлежит сомнению, что в такой же квартирке воплотилась под пером Михаила Афанасьевича давно лелеемая мысль показать перевоплощение Сатаны в советское время — показать сатанизм в нашей действительности.

Булгаков, как сказано выше, в прозе — весь от Гоголя. Его сатана тоже — от Гоголя, — Достоевского, — Сологуба. Не ищите здесь поэзии, романтики, ореола. Это черт — самый, что ни на есть, вульгарный черт — воплощение всего низменного, скотского, отвратительного, что есть в жизни. Но и Мефистофель появился недаром на страницах Гёте — есть в булгаковском Сатане кое-что от Мефистофеля — это универсальность, смелость, размах, широта...

(Продолжение следует)

*) Игн. Матушевский. «Дьявол в поэзии», М., 1902, стр. 161-162.

Библиография

«Дело Тухачевского»

Виктор Александров, автор этой, давно им подготовлявшейся к печати книги, отрывки из которой появились еще в 1960 году в римской газете «Giornale d'Italia», несомненно, большой мастер «романсированной истории». Правда, он не раз приводит в своей книге, в качестве источников подробно в ней передаваемых разговоров Сталина с его ближайшими сотрудниками, а также бесед последних между собою, показания переметнувшихся в западный мир деятелей советской революции. Так, он ссылается на известного советского посла Раскольниковца, на жену покончившего с собой Серго Орджоникидзе, на генерала Крюкова, посла в Данциге Обнавера, на генерала Кривицкого из Разведупра и многих других, а также на свидетельства ряда крупных европейских писателей, например, на Жюлья Ромена или Реми Рура. Если повествование автора и носит явный отпечаток его бойкого пера, то все же в целом он прекрасно обрисовывает выведенных им лиц, а споры и разговоры их могли быть на деле таковыми, как их передает Александров. Надо признать, что подчас ему удается создать исключительно живую картину. Так, хотя бы, в одной из первых глав, где речь идет убедительно и умно о свидании Сталина с Радеком. Коба тогда поручил Радеку встретиться с пресловутым начальником немецкой контрразведки полковником Николаи, чтобы выяснить настроение умов германского командования и возможность предотвратить нападение на СССР гитлеровской армии — опасность, которую предвидел и молодой маршал Тухачевский, думавший парализовать ее соглашением СССР с враждебными нацистам европейскими державами.

Прежде чем приступить к разбору книги Александрова, в которой он выставляет Тухачевского прежде всего русским патриотом, я должен

Александр Адольфович Шик, давний сотрудник нашего журнала, скончался в 1968 году. Отмечая его память, редакция журнала «Грани» помещает неопубликованную его рецензию на книгу Victor Alexandrov — L'affaire Toukhatchevsky (Ed. R. Laffont, Paris).

указать, что не согласен с двумя основными положениями автора. Не считая нужным называть себя, как это делает Александров, «убежденным пацифистом» (ибо кто же из здравомыслящих людей при современной военной технике может не быть «пацифистом»), я далеко не согласен с тезисом автора, что только «сговор СССР с США» может предотвратить новую мировую войну. Я полагаю, что такой «сговор» никак не может способствовать наступлению общего мира, а приведет лишь к «Рах sovietica»; а против такового специфического мира, будь он цезаревский «Рах готана», нацистский «Рах hitlerica», с которым я, как и мои современники, боролся в военном мундире, или новый «Рах sovietica», биться надо никак не уступками и соглашением. Возражаю я и против определения Тухачевского как русского «патриота». Ведь «патриотами» считали себя и те, кого судили в Нюрнберге, а память Тухачевского была бы дорога со свинцом в груди в качестве защитника гуманистических понятий права и справедливости, но никак не в качестве апологета деспотизма в России. А таковым он был, по свидетельству находившегося с ним в плену в первую мировую войну в форте № 9 в Ингольштадте известного журналиста Реми Рура. По его словам, Тухачевский еще тогда определенно высказывался в том смысле, что для русского народа необходим режим деспотический, как единственно подходящий ему по природе, заявляя, что ежели Ленин сумеет избавить русский народ от европейских предрассудков свободы, он за ним последует безоговорочно. Так он и поступил, вернувшись из плена на родину. Проявив свои недюжинные военные дарования на усмирении Кронштадтского восстания матросов, в боях с Белой армией на Волге и в Польской кампании, где он дошел до ворот Варшавы, Тухачевский, быстро продвигаясь по иерархической военной лестнице, стал заместителем комиссара по военным делам Ворошилова, к нему очень расположенного.

Тухачевскому, забывшему о том, что ни один деспот не терпит подле себя лиц, умеющих самостоятельно думать и соответственно направлять свою деятельность, вскоре пришлось столкнуться с верными Сталину работниками НКВД. В особенности явной стала угроза маршалу, когда во главе этого органа в 1936 году Ежов заменил Ягоду, оказавшегося недостаточно «беспринципным» для выполнения заданий диктатора. Ежов сделал карьеру своим угодничеством и ловкостью «аппаратчика». Он оказался способным дать Сталину тот материал, который был ему необходим, чтобы свалить слишком популярного в военных кругах Тухачевского, а вместе с ним обезвредить и всю головку советской армии, начинавшую понимать свое значение в стране и становиться несколько независимой от воли деспотического генерального секретаря партии.

Тут на сцене появляется фигура бывшего героя Перекопских боев, генерала Скоблина, ставшего двойным агентом на службе у Советов и

у нацистов. Думая, возможно, одурачить обоих хозяев, он на самом деле сыграл лишь исключительно гнусную роль предателя и в отношении своего прямого возглавителя по РОВС генерала Миллера и, косвенно, маршала Тухачевского и погибших с ним руководителей советской армии. Александров очень подробно и увлекательно рассказывает, как была налажена фабрикация фальшивых бумаг, долженствовавших обличить Тухачевского (настаивавшего, вопреки мнению Сталина, на превентивной войне с гитлеровской Германией) в якобы имевшем место соглашении его с немцами. Доказательства эти были ловко состряпаны общими усилиями агентов НКВД и немецкой тайной полиции при ближайшем участии Скоблина, и в фотостатах, на которых менее заметны подделки, подкинуты президенту Чехословацкой республики Бенешу, попавшемуся на удочку и препроводившему полученные им документы союзным правительствам Англии и Франции, а с другой стороны и Сталину, чтобы предупредить его таким образом о подготавливавшемся, будто бы, с ведома Тухачевского и советского верховного командования нападении немцев на СССР. Рассказ Александрова об этом величайшем политическом мошенничестве читается как авантюрный роман, заставляя лишь удивляться, как легко удалось агентам НКВД одурачить руководящих людей Антанты и выполнить каверзное поручение «отца народов». Общими усилиями агентов НКВД и тайной полиции Гитлера были смастерены фальшивки, нужные Сталину для обвинения Тухачевского, а немцам — чтобы обезглавить высшее командование советской армии.

Напоминать о перипетиях происшедшего на улицах Парижа похищения ген. Миллера, где до того уже имело место похищение ген. Кутепова, не приходится. Еще хорошо памятливы эти невероятные события, превосходящие по необычности всякие измышления авторов детективных романов. Вернувшегося из Англии Тухачевского, где он представлял свою страну на похоронах умершего короля, ожидало обвинение. Один из обвиняемых по очередному делу «чистки», не так давно еще ездивший по поручению Сталина для переговоров с полковником Николаи, Карл Радек упомянул его имя в качестве участника якобы имевших место переговоров с немцами. Успокоенный, однако, «милостивым» телефонным звонком Сталина, Тухачевский поехал отдыхать в Гагры, куда к нему приехали, сговорившись между собою, встревоженные военные: Якир, Фельдман и другие, словно ожидая от него какого-то решения. Тухачевский, однако, отказался что-либо предпринять, считая, что его и его друзей обвинять не в чем и что потому с ними ничего не случится. По возвращении в Москву он принял предложение Сталина ехать на Волгу командующим войсками округа. В пути вагон, в котором он находился, был отцеплен, сам он арестован, а затем, вместе с друзьями, предан Верховному военному

суду, который всех приговорил к «высшей мере наказания». 12 июня 1937 г. он и семеро его друзей были расстреляны.

Так Сталин освободился от талантливых военных, в которых усматривал угрозу своему всемогуществу, как группе, способной, если бы у них была должная энергия, произвести военный переворот в СССР. Но в результате бессмысленной и преступной «чистки» командного состава, армия не могла оказать в начале войны немцам должного сопротивления, что уготовало стране годы страданий и многомиллионные жертвы людьми.

Автор прав, указывая в своей книге, что речь в ней идет не о трагедии одного человека, не о неудавшейся жизни Тухачевского, а о трагедии целого народа, своей кровью расплачивающегося за деяния правивших им деспотов.

Александр ШИК

Разум и безумие

Бернард Шоу, лукавый насмешник и шутник, полупророк и полуса-тир, высказал на своем веку много остроумных и меньше мудрых мыслей. Но вот одно из его замечательных изречений в его «Руководстве для революционеров»: «Человек, который слушается разума — пропадет. Разум поработает всех, чей ум недостаточно крепок, чтобы подчинить его себе».

Что разум поработает ум человек, знали мудрецы уже в древности. Пророк Исайя громил «премудрость премудрых и разум разумных» и Апостол Павел цитирует его в 1-м Послании к коринфянам (1, 19). За ними и другие мудрецы познали тираническую власть разума. Только в наше время мало кто решается высказать такую мысль и мало кто ее поймет. Человечество достигло в нашу эпоху наивысшего развития и торжества разума и потрясающих успехов в науках. Но разум в своей установке, принятой нами от греков и особенно от Аристотеля, не признает никакого высшего над собой начала, кроме им самим созданных законов логического мышления. В этом его слабость. Он замкнут в себе. Но естественно, что человечество, достигшее огромного прогресса наук и техники и, благодаря им, власти над материей, воздает культ разуму и, в своем большинстве, готово видеть в нем единственный достоверный источник всякого знания. Так повиновение законам разума довело людей и до отрицания тайны бытия, божественности мира, и до атеизма.

Однако какое бы то ни было идейное начало, достигшее в своем развитии апогея, несет в себе зародыш собственной гибели, и это в силу им

Лев Шестов. *Sola fide* — Только верою. Греческая и средневековая философия. Лютер и Церковь. ИМКА-Пресс, Париж, 1966.

самим же, разумом, открытого метафизического закона противоположности. Естественно поэтому, что науки нашего времени в своем головокружительном развитии дошли и до открытия самых разрушительных сил в природе и, овладев ими, держат в своих руках угрозу смерти всему роду человеческому. Физика, химия и биология — эти три гордости рационалистического знания — могут в два счета выжечь всю жизнь на земле. Это завершение метафизически неизбежного развития. Отрицая существование сверхразумной тайны — источника жизни, наука довела человечество до порога окончательного разрушения самой жизни.

Но яд возбуждает противоядие и всякая идея несет в себе зародыш противоречия и отрицания. Так в наше время рождаются стремления мысли против притязаний разума быть единственным источником знания. Мы живем поэтому одновременно и в эпоху торжества разума, но и, параллельно, возрождения иррационализма. Примеров этому много. Искусство, наиболее чуткий барометр перемен в духовной жизни, уже давно идет по путям иррациональных поисков. Сюрреализм и ему подобные явления черпают свои вдохновения из подсознания. Абстрактная живопись обращается не к разуму зрителя, а к рефлексам неосознанных ощущений. Музыка порывает с логикой канонов композиции, построенных на звуковых законах физики и ищет воздействия на неизведанные области эмоций произвольным сочетанием шумов. Роман и театр уже давно покинули берега реализма, любимого детища разума, и блуждают в поисках сверхъестественного. Эзотерические науки, которые долго были в загоне, алхимия, астрология, медицинское знахарство, лечение внушением находят возрастающий интерес. Люди обнаруживают, что этим дисциплинам были доступны тайны, недоступные разуму. Стремления к сверхчувственному опыту проявляются и в отрицательных явлениях, как напр., в спиритизме и в псевдо-окультизме. Даже увлечение наркотиками, возбуждающими обостренную деятельность мозга, характерное для некоторой богемистой молодежи нашего времени, исходит из поисков сверхразумного опыта познания в экстазе опьянения.

Эти разобщенные между собой явления, не исходят из какого-нибудь единого корня. Эти блуждания без компаса, лишь признаки поворота, назревающего в духовном развитии человечества в самый разгар наибольшего триумфа рационализма. Руководящим светочем в этом развитии является только религиозная мысль — в частности русская, замечательно развившаяся в эмиграции. Она возвращает сознание человека к вере в Бога, основанной на откровении истины в самом акте веры. В такой вере «до слепоты» человек прозревает и становится «видящим». Для большинства современных людей, подчиняющихся велениям разумного мышления, логике, диалектике, такое учение может показаться непонятным. Вера «до

безумия» вера «quia absurdum est» как будто не вяжется с разумом века механики. Но люди забывают, что человек не всегда мыслил, как он мыслит теперь.

Ученый труд Льва Шестова «Только верую», с подзаглавием «греческая и средневековая философия. Лютер и Церковь», разворачивает двухтысячелетний спор, который поставил в два противоположных лагеря истину разума и истину веры. Шестов процеживает через решето своего анализа всех философов и религиозных мыслителей от Сократа до Канта. Но это не графаретная «история философии» из сотен сновидных, писанных во все времена. Автор вооружен весьма новой меркой. Он ставит вопрос «grosso modo» так: кто понимал, признавался и провозглашал, что существует тайна бытия, которую невозможно разгадать разумом, что к делам божественным неприменимы критерии разума, логика, наши понятия справедливости, что человек перед волей Божьей совершенно бессилен и что над ним властвует абсолютно неисповедимый произвол Всевышнего и, наконец, что единственный путь спасения человека в нашем горестном подлунном мире — только и только слепая вера в Благодать Божью — вера «до безумия».

Сократ и Платон еще чуяли, что есть какая-то загадка, недоступная разуму, но они отвернулись от нее и провозгласили, что только разумом доказанное достоверно. А от Аристотеля, основателя диалектики, потекла вся средневековая схоластика и доктрина католической церкви. И тут Шестов широкими мазками портретирует Блаженного Августина, Филона, Плотина, Фому Аквината и Спинозу, и как каждый из них колебался и решался или в пользу истины греческой, или истины пророков, истины разума или истины веры. Как в общем богословие «манипулировало» Бога, низвело Его до «понятия», утверждало доказательства Его существования, которых нет, предлагало объяснения воле Божьей, которых нет, пыталось ограничить волю Божью законами, в которых она не уместается. В панораме Шестова ветхозаветные пророки являются провозвестниками единственной истины — истины веры «до безумия». Для них «ничем не ограниченный экстаз, безумный, не знающий пределов эрос были источниками творчества» (стр. 146). «Но пророки не пользуются правом гражданства в современных цивилизованных государствах. Их только терпят, как терпят безумных и одержимых. Католичество, как правильно указал Достоевский, умело выпроводило их за ограду своего учения» (стр. 178).

Но на протяжении двух тысячелетий христианства тут и там вкраплены мыслители, постигшие именно это — что тайна бытия божественна и неуместима в логике. Интересно тут упоминание о Тертулиане (160-240 гг. после Р. Х.). Этот богослов раннего христианства выразил, может быть как никто другой, абсурдность, с точки зрения человеческой логики, дел

божественных, их противоречия, которые разрешаются в разуме Господнем. Вот его изречение: «Сын Божий был распят: не стыдно потому, что стыдно. Умер Сын Божий: еще более вероятно потому, что бессмысленно. И погребенный воскрес: достоверно потому, что невозможно» (стр. 93). Это нельзя понять. В это можно только верить и, как бы бессмысленной ни казалась такая вера, в ней заключается тайна познания божественной истины.

Шестов, наконец, доходит до Лютера и тут находит своего «героя» и ему посвящает вторую половину книги. Лютер в мучительной борьбе с самим собой пришел к заключению и провозгласил бесповоротно, что «только вера» спасает человека. Переводя апостола Павла на немецкий язык, он от себя прибавил одно слово, которое возымело огромную взрывчатую силу. Где в Послании к Римлянам (III, 28) сказано «Мыслим убо верою оправдаться человеку, без дел закона», Лютер вставил «только верою» и, когда ему указали на этот подлог, возразил «так хочу и так прикидываю». Но именно на этом словечке «только» и произошел его разрыв с Римом и все последствия раскола. Шестов очень высоко ставит этот провозглашенный Лютером принцип. Он даже утверждает, что «судьба человека и даже всего человечества связана с зародившимися в душе Лютера сомнениями и надеждами» (стр. 188). Однако и протестантизм не последовал за Лютером и впал в богословский рационализм. Поэтому «ошибочно судить по лютеранству о Лютере» (стр. 193).

Это ученая книга большого эрудита, но и страстного полемиста. Она поэтому жива, свежа и читается легче чем грузные шаблонные труды богословов-рутинеров. Она тем и интересна, что она, хоть и очень ученая, но не труд схоластика. Но и ее следует читать «cum grano salis», помня, что христианство во всех своих вероисповеданиях знало путь веры и по нему достигало и откровения в мистических вдохновениях и в святости. Католическая Церковь, при всей своей «посюсторонней» обусловленности, не была помехой в достижении истинной веры и святости. Сколько бы ни верно видел ее Достоевский в «Великом Инквизиторе», Божья Благодать не останавливается перед преградой бронзовых ворот Ватикана и достигает души каждого, кому она назначена, к какому бы он вероисповеданию ни принадлежал. И достижима и гармония между верой и разумом, «если ум достаточно крепок...», как говорит Шоу. Ведь и разум же нам дан для чего-то от Бога.

Александр Больто

Ветер жизни

Говоря о трех книгах стихов Странника: «Странствия» (1960 г.), «Книга лирики» (1966 г.) и «Упразднение месяца» (1968 г.), хочется назвать статью словами, взятыми из стихотворения «Калифорнийский день», с его роем пестрых птичек: «ветром жизни среди пустыни». Лучшие стихи Странника часто являются этим «ветром жизни», говорят о вечном языке поэта. Вся «Книга лирики» проникнута ожиданием нежданного, тишины, восхождения. Библейские мотивы встречаются постоянно, но переданы по-своему. Странник понимает колебания Лотовой жены, привязанность к земному дому. Восхождение ели, дошедшей до горных высот, до «сгоранья неопалимого куста» — символ чистой творческой жизни. Большая мудрость в стихотворении «В гостях у Иова»:

Мы приходим на страданье,
Чтоб стремиться вверх, как искры.

Избранный поэтом путь ведет через Петрово покаяние и слезы.

Хороши зарисовки Святой Земли: «Капернаум», «Песнь Назарета»:

Не молиться только Богу надо —
Но и жизнью целой петь пред Богом.

Проходит пред нами Генисаретское озеро — «голубая чаша», Остров Патмос, «где Иоанн свою пещеру, как землю новую обрел».

Рим сосредоточен на Via Appia. Там ищет он «знаков Рыбы» и следов апостольских. Жестокий победитель Рим не существует — упразднен вечным. Элладский Архипелаг вызывает неожиданное сравнение:

И кажется, что нет земли иной,
А только грозди золотистой этой,
Как виноград, в веках, согретой,
Еще не названной земли.

Даже такая прозаическая вещь, как визированный паспорт, наводит его на единственно-важное:

Пускай страна еще не та,
Но в этом человека допущеньи
Есть вечного уже предвосхищенье.

Все в этом мире символ — его надо увидеть.

В стихах о «Спичке», которую пожалел поэт, есть великая жалость к «малому творенью». Странник напоминает также, что «надо порадоваться о земле немного и всё иным увидеть на дорогах». Лист бумаги тоже «малое творенье», чистое, неоскверненное, пока его не коснулась рука человека.

Странник. Упразднение месяца. Лирическая поэма. Изд. «Нового журнала», Нью-Йорк, 1968.

В мире Странника все несет утешение, как та «легкая вода», которую везут больным от галльских берегов. Когда-то «над ней шумели города и рос клермонский кедр» — цвела простая земная жизнь. Теперь она плывет «целить земную боль».

Своим он считает только небесное отечество. Отсюда и псевдоним Странника. Вот почему этот мир доверчиво открывает ему свои тайны. Здесь еще поет он «последний стих», а небо несет большее: молчанье, тишину, в которой растворится все, а особенно «пыль земная». Но к родине своей земной он относится бережно. Видя российскую границу, говорит: «Но не судьбы у дороги встают земной». В нем только сыновнее благоволение, благодарность:

И для нас это утро сада,
Вдалеке чуть заметный дым...
Ничего другого не надо,
Пусть достанется все другим.

«Россия» — лучшее стихотворение Странника.

Современная жизнь человечества представляется ему «Антибытием», бесплодной спешкой, никуда не приводящей, гостиничным коридором, где «душам тесно, как во рву, а сапогам простор»:

Пустынен коридор земли,
Все души тяжело спят,
А за дверями их, в пыли,
Одни тела стоят.

Земная история «лишь долгий в вечность путь», надо ждать конца истории, а не временного отдыха в пути. Над войной и ее ужасами уже встает «предвесенний свет и отрешения и разумения». В хаосе есть смысл, постигаемый сознанием не сразу. Для каждой души есть место в этом мире, но современный Икар стремится к недозволенному, он «приговорен к высоте», к гибели. Есть что-то кощунственное в дерзновенном полете к другим планетам, за который расплатится земля. «Космонавт» — стихотворение на современную страшную тему, когда будут убиты «все люди севера, запада, востока, юга». Уничтожение несет человечеству страшные открытия века. Там, где «нет любви, нет и любимых». «Космонавт» для Странника — разрушитель простого прекрасного мира. Образ космонавта озарен адским пламенем.

Но, отвергая такую игру, поэт никогда не устанет играть «поэзии тишайшею игрою». И все же Странник знает, что в какой-то момент бытия ему уже будет не до стихов.

В «Книге лирики» Странник является своеобразным поэтом, со своей темой, образами, стилем. Этот сборник более художественен, чем «Странствия». За шесть лет, разделяющих оба сборника, поэт нашел себя. В «Странствиях» прекрасно стихотворение «Сущность поэзии»:

И в тайну всего живого,
Не в силах проникнуть сами,
Мы зовем чудесное слово,
Начинаем писать стихами.
И мир открывается новый,
И жизнь чем дальше, тем краше,
Идет перед нашим словом,
Открытая словом нашим.

Из поэмы «Упразднение месяца» можно было бы сделать две: одну автобиографическую, другую, которую можно причислить к гражданской поэзии. Мы отдаем преимущество первой. В ней есть лиризм, и строки о детстве поэта будут близки всем людям его поколения. В другой же то, что сказано в лирике прикровенно, сказано открыто. В главе «О героях» он находит своего героя в человеке, идущем «по новой борозде», но признается одновременно:

Считаю небо основным героем.

В поэме много упоминаний о современных авторах и их произведениях: об Ахматовой с ее «Реквиемом»; Булгакове с его «Мастером и Маргаритой», Солженицыне, Евушенко и Вознесенском. О Маяковском автор говорит без присущей эмигрантам неприязни, только как о «неумелом сердце».

Отказываясь от «октября», Странник все же признается, что он ему благодарен:

Мне «октябрь» помог,
Не стал министром я, ни дипломатом.

Во всем, что он пишет, нет ни малейшего ожесточения. Отвергая «октябрь», он также знает, что «октябрь» народом русским упразднен». И это заставило Странника взяться за поэму. Но «большая форма» часто трудна лирическому поэту и поэма слабее прекрасных стихов «Книги Лирики».

Екатерина Таубер

Свирель луны

Имя Валерия Перелешина знакомо русскому читателю за рубежом, т. к. он печатается почти во всех эмигрантских журналах. Он пишет не только стихи, но и переводы с китайского, а также весьма содержательные статьи на литературные темы.

Свою пятую книгу стихов — «Южный Дом» — поэт издал в 1968 г. (напечатано Башкирцевым в Мюнхене).

Валерий П е р е л е ш и н . Ю ж н ы й д о м . Пятая книга стихотворений.
Изд. автора, Мюнхен, 1968.

Ребенком В. Перелешин попал в Харбин, где получил образование, изучил китайский язык и литературу и, благодаря знакомству с избранным кругом китайского общества, приобщился к древней утонченной культуре этой страны.

Видимо, большинство стихотворений, входящих в сборник «Южный Дом», написаны в Китае; во всяком случае, влияние древнего Китая на их автора несомненно. Подбор стихов не случаен: между ними существует внутренняя связь. Под кажущейся простотой формы скрываются большие знания и вкус, серьезная работа над стихом — все, что отличает подлинную культуру от диллетанства.

Название настоящего сборника заставляет задуматься... Южный Дом! Конечно, здесь речь не о каком-то временном пристанище, где нашел приют, после долгих странствий, поэт. Возможно, что это намек на южное полушарие, созвездие Южного Креста, заменившее Полярную звезду северного полушария? (см. интересную рецензию Я. Горбова о сборнике Перелешина в «Возрождении» № 201) — поэт живет теперь в Бразилии. Однако такое объяснение не удовлетворяет, так как о Юге в этой книжке говорится не раз и даже, уточняя, — о китайском «городе южном», где случайно мог бы он родиться. Быть может, под Южным Домом предполагается Юг вообще и, кто знает, некий мистический Юг... Все темы сборника наводят на эту мысль, а также чтение интереснейшей статьи В. Перелешина о поэме Блока «Соловьиный Сад» («Грани» № 68), где он дает оригинальное толкование блоковской поэмы. Безусловно, поэт хорошо знаком со всей мистикой и символикой Востока. Древние символы Египта намекают на этот таинственный Юг, ни на какой карте не помеченный, — на обитель Гатор богини Любви и Смерти. У других народов она зовется богиней Красоты, у эллинов — Афродитой. Существует легенда, что Царица Южная, пришедшая к Соломону для состязания с ним в премудрости, не кто иная, как Гатор. Если это так, то миф о том, что она стала любовницей царя-победителя и даже подарила ему сына, можно легко истолковать символически. Однако подобные предположения могут завести слишком далеко: утверждать что бы то ни было рискованно!

В этом Южном Доме медленно умирает душа поэта, ибо все, что волнует других людей — родина, семья, заботы «муравейника», его больше не радуют. «Мы мертвые еще живем — Поэты Божьи и снежинки», те, что «Когда-то в мире сверкнули» «самой белой белизной». Снежинки — эти цветы смерти... Но, растаяв весной, они станут влагой, питающей землю, а в июле, в невыносимый зной, утолят чью-нибудь жажду.

Как всякий истинный художник, Перелешин трагически переживает свое одиночество, — пропасть, разделяющую его от тех, кого он называет «муравьеньши», «просто-люди», плодящиеся только для того, чтобы по-

ставлять «мясо человечье» для финальной «текатомбы». «Нелюбимые дети» — говорит он про «профанов» (намек на то, что он — поэт — любим!). «Хлопочет город муравьиный, / Юлит, волнуется, пыхтит: / Песчинками, соломой, глиной / Свою республику крепит. / Он суетится оголтело / И помнит только об одном: / Копить — сегодняшнее дело, / А жить когда-нибудь потом». У этих людей свои заповеди: «От века знаки нам положены, / И сказано устами Бога (ветхозаветного! — О. М.) / Что дни и лета всем умножены, / Не престающим порога».

Но поэт не боится угроз и запретов чужих богов. «Свобода, будь моей наградою... / Я некрылатый первым падаю / За Геркулесовы столпы...» Но он «без мудрых якорей / Пустился в этот мир чудесный, / Все обреченной, все быстрее / По линии почти отвесной...» Творец-кудесник переступает какую-то черту, недозволенную смертным... Перелешин перекликается с Гумилевым, с его храбрым Скрипачем, которого подстерегают волки. В стихотворении «Искатель» у Перелешина некий новый Икар подымается в страшную незнакомую ему стихию «по линии почти отвесной». Здесь кончается земля, «здесь море — бездны наклоненные / Вниз увлекающие дали». А К. Бальмонт в книге Сонетов восклицает: «Тот здесь колдун, кто жить возжаждал вдвое», — вдвое жить, значит вдвое наслаждаться и, конечно, расплачиваться дорогой ценой за свое дерзновение! Это колдовство — искусство — быть может, из всех соблазнов опаснейшее... Пусть «бессмертно будут петь о лете / Сегодня, завтра, как вчера / Своими иволгами эти / Несложненные веера» — очаровательные картины «Поют победно на стенах», — но творец этих чудес, благодаря кисти или перу, преодолевший земную тяжесть, сам, как человек, — пленник греха и тления.

Увы, он не только, как солнце, «вольно и победно / Свой вечный совершает путь». Пусть он «чужд всем цепям и верам», пусть «перерос давно перегородки, / Язык и кровь, и расу перерос, / И все другие древние решетки, / Какими человек свой дом обнес», но все же бывают минуты когда голос крови звучит сильнее всех чар и экстазов... Он называет себя «заблудившимся аргонавтом», а Россию — той «из Америк неоткрытых / Куда не мне, не мне доплыть...» «Зачем же», вопрошает он себя, «смутною любовью / Я создаю тебя? Вот-вот / Вскипят сухие буквы кровью / (Шесть букв не вовсе позабытых) / И давний призрак оживет. / Ужели в красоте раскосой, / В обетованьях смуглых тел / Голубоглазой светлокосой / Одной России я хотел?» Быть может, родился он в каком-нибудь «городе южном», в Китае, он был бы счастливее? «Так, не зная, что мир мой тесен, / Я старел бы, важен и сыт, / Без раздумчивых русских песен, / От которых сердце горит. / А теперь, словно голос долга, / Голос дома поет во мне, / Если вольное слово «Волга» / На эфирной плывет волне. / Оттого, что при

всей нагрузке / Вер, девизов, стягов и правд, / Я — до костного мозга русский / Заблудившийся аргонавт».

Какой же его «долг» перед родиной? Долг русского свободного поэта — служение Слову. Ведь из сочетания чудесных слов возник Сонет, овеянный каким-то леонардовским чарующим светом!

СОNET

Есть озеро: вода его светла
И кажется невозмутимо сонной,
Но вслушайся: из пропасти бездонной
Подводные гудят колокола.

Есть, говорят, такие зеркала:
Прекрасный лик, случайно отраженный,
Они хранят, чтоб маг или влюбленный
Нашел его в прозрачности стекла.

Я озеро, которому, как Китеж,
Твоя судьба навек обручена.
Я зеркало, но и дойдя до дна,

Ты жадности безумной не насытишь.
Отныне, знай: ты будешь жить вдвойне —
И наяву и в этой глубине.

О. Можайская

СОЛНЕЧНЫЙ ГОЛОС В СИНЕМ МИРЕ

Две дороги есть в русской литературе: одна дневная и солнечная, другая ночная и лунная. В начале первой стоит Пушкин, в начале второй — Лермонтов. Поэты становятся на ту или другую дорогу помимо своего желания и выбора — причина этого кроется где-то в глубях человеческой

Нонна Белавина. «Земное счастье». Вторая книга стихов. Нью-Йорк, 1966. 60 стр.

души. Но та и другая дорога — для поэтов, не отражающих «жизни мышью беготно», а смотрящих вглубь своей души. Это как бы «взор» вместо «обзора». Иные видят в себе отражение солнечного дня и голубого неба: «синий мир»; другие видят темносинее небо ночи и свет луны. Но у Нонны Белавиной даже лунный свет кажется солнечным — до того творчество этого поэта пронизано ощущением земного счастья.

Для меня вы — лунный свет
На пустой еще странице...

Страница будет заполнена. И перевернута:

Конец не по-женски суров.
Себя мне оправдывать нечем:
Ведь только для новых стихов
Была мне дана эта встреча.

Оправдание поэта — его стихи, его работа, преданность своему делу. Когда «память сложит в котомку все, что жизнь мне дала», то, в числе прочего, того, что было лучшим в жизни, будут «и строчки стихов чужих»: настоящему поэту «чужие стихи» нужны так же, как и свои.

Ощущение счастья и солнечность восприятия своей жизни — чуть не исключение в нашей эмигрантской поэзии. Но у Нонны Белавиной это не сверхоптимизм: поэт хорошо знает, что жизнь несет за собой потери, и неудачи, и боли:

На шнурок нижу неудачи,
А удач нигде не найти.
Но не жди, Судьба, не заплачу
Я на трудном своем пути.

И это потому, что

Каждый миг несет с собою чудо!
Жду его, по улице идя..
Кто тебя послал мне, и откуда,
Капелька вчерашнего дождя?

Такие ощутимые мелочи, как «теплый лист, слетевший мне на шею», остаются в памяти поэта — и его читателя. В конце книги этот лист оправданно возвращается как музыкальный мотив:

Весь мир был мой! И до конца светло
Я сохранию любовь ко всей вселенной..
Опавший лист и бабочки крыло —
Все в памяти останется нетленным.

Тема «земного счастья» доминирует в сборнике. Но есть и другие темы: и любовь, и разлука, и прощание, и материнская нежность. Эти вечные и постоянные темы поданы по-своему — так, что у читателя остается не абстрактный, а глубоко индивидуальный облик поэта.

Отметим еще интересные зарисовки путевых впечатлений: Париж, Вена, Венеция, горы:

Ты не знал такого покоя.
Только кто-то в кустах вздохнет,
Или ива тонкой рукою
По волне легко проведет.

Под какими влияниями выросло творчество Нонны Белавиной? Современной поэтессе трудно избежать влияния Анны Ахматовой или Марины Цветаевой. Но ни того, ни другого влияния в стихах Нонны Белавиной не чувствуется. Если уже искать ее стихотворных «предков», то, пожалуй, можно отметить, что, совершенно не совпадая по интонации, но совпадая по методу, Нонна Белавина следует общему пути, намеченному Буниным: сдержанно-отчетливая образность, ясный и отчетливый язык и окрашенность пейзажа своим неповторимым настроением. Последнее дается у Бунина очень скрыто, у Белавиной же — утвердительно-ясно.

Дальнейшее сходство с бунинским направлением — это нераздробленное видение и восприятие мира — в противоположность, скажем, восприятию мира в стихах Цветаевой или Пастернака.

Но есть и отличия: насколько, в общих чертах, стихи Бунина «статичны», т. е. рисуют какой-то неподвижный, схваченный момент, настолько стихи Нонны Белавиной динамичны — рассказ ведется о чем-то, что происходит: чувство или настроение дается в его становлении.

Можно отметить при чтении этого второго сборника, что, по сравнению с первым сборником «Синий мир», голос поэта окреп и стал тверже и определеннее.

Из глубины веков

М. Д. Каратеев известен своей пятитомной исторической эпопеей «Русь и Орда». О трех первых томах эпопеи «Грани» писали в № 57. Здесь мы остановимся на новой книге автора, недавно полученной.

В этой книге десять интересных исторических очерков и четыре полемические статьи (тоже интересные). Видимо, часть очерков (а полемические статьи тем более) были опубликованы в каких-то изданиях. Во всяком случае, очерк «Род Рюрика» мы встретили в парижском журнале «Возрождение» № 200 (1968 г.). Было бы лучше в заключение каждого материала указывать, где он первоначально напечатан.

Сборник открывается статьей «Норманская болезнь в русской истории»: автор убедительно доказывает славянское происхождение Рюрика и его братьев, разоблачая созданный немецкими академиками миф о их принадлежности к германскому племени. Нужно отметить, что М. Д. Каратеев широко знаком с первоисточниками, от древнейших, до Нестора, летописей и восточных (главным образом, арабских) авторов, начиная с VI века; использует он, разумеется, и позднейшие хроники и исследования. В работе «Род Рюрика» эти древние первоисточники позволяют ему значительно отодвинуть назад родословную Рюрика, Синеуса и Трувора: они были сыновьями князя бодричей Годлава (славянские земли по реке Эльбе), внуками Гостомысла, княжившего в Новгороде, и правнуками князя Буривая. Проследивает автор и дальнейшую судьбу рода Рюрика — вплоть до новейшего времени. Любопытно отметить, что многие княжеские роды, считающиеся обычно идущими от Рюрика, на самом деле совсем иного происхождения: из Литвы, Польши и т. д.

Исключительно интересны очерки «Битва на Калке» и «Александр Невский». В них даны и схемы битв. Но не меньшего внимания заслуживают и другие очерки: «Галицкая Русь и король Даниил», «Участники Куликовской битвы», «Царица Соломония», «Первый самодержец всея Руси», «Борис Годунов», «Орден Мальтийских рыцарей». Мы не можем, хотя бы и коротко, говорить о сути каждого из них.

В далеком Уругвае русский ученый и писатель самоотверженно трудится над прошлым нашей земли. Пожелаем ему сил и новых успехов. Будем ждать нового его произведения: М. Д. Каратеев (он же князь Карачевский, природный рюрикович) пишет сейчас роман об эпохе царствования Бориса Годунова и покорения Сибири.

Ив. Сергеев

М. Каратеев. Из нашего прошлого. Исторические очерки. Буэнос Айрес, 1968.

Список книг, поступивших в редакцию

Ахмадулина, Белла. Озноб. Избранные произведения. Изд. «Посев», Франкфурт/М. 1968. Стр. 271+1 вкл.

Блок, Александр. Избранные поэмы. — См. ниже: Woodward J. B.

Замбрицкий, В., ген. Германо-советская война 1941 — 1945 г. г. Всеславянское Издательство, Нью-Йорк 1967. Стр. 192+альбом схем операций (16 схем).

Ланков, Владимир. Русалка. Рассказы. Нью-Йорк 1969. Стр. 112+2.

Месснер, Е., проф. Луцкий прорыв. К 50-летию великой победы. Всеславянское Издательство, Нью-Йорк 1968. Стр. 175.

Пронин, А. История древней русской литературы. Лекции на двух языках. Изд. «Посев», Франкфурт/М. 1968. Стр. 472.

Сеятель. Орган культурно-просветительный, № 123. Буэнос Айрес, октябрь 1968. Стр. 24.

Солженицын, А. Раковый корпус. Повесть в двух частях. YMCA-Press, Paris 1968. Стр. 346.

Спасовский, М. М. В. В. Розанов в последние годы своей жизни. Изд. 2-ое, исправленное и значительно дополненное. Всеславянское Издательство, Нью-Йорк 1968. Стр. 172+1 вкл.

Bourges, Hervé. La révolte étudiante. Les animateur parlent. (J. Sauvageot, A. Geismar, D. Cohn-Bendit). Edition du Seuil, Paris 1968. Pp. 129.

Les Etudiants. Nouvelle infanterie de la révolution marxiste dans le monde. Aginter Presse, Lisbonne, X-1968. Pp. 2+32.

Hagelweide, Gert. Das publizistische Erscheinungsbild des Menschen im kommunistischen Lied. Im Selbstverlag des Autors, Bremen 1968. SS. 371 (mit 23 Fotos).

Kennan, George F. (und andere). Rebellen ohne Programm. Demokratie und studentische Linke. Henri Goverts Verlag, Stuttgart 1968. SS. 171.

Knöttsch, Dieter. Interkommunistische Opposition. Das Beispiel Robert Havemann. C. W. Leske Verlag, Opladen 1968. SS. 89+2.

Maurina, Zenta. Porträts russischer Schriftsteller. Essays. Maximilian Dietrich Verlag, Memmingen/Allgäu 1968. SS. 253+2+6 Bl. Fotos.

1968. Une année du monde. Aginter Presse, Lisbonne, I-1969. Pp. 70.

Powers, D. B. A dictionary of irregular Russian verb forms. John Wiley and Sons Ltd., Chichester (Sussex) 1968. Pp. XIV+353.

Quaroni, Pietro. Russen und Chinesen. Die Krise der kommunistischen Welt. Verlag Heinrich Scheffler, Frankfurt/M. 1968. SS. 320.

Strauss, Wolfgang. „Trotz allem — wir werden siegen!“ — „Wsjerowo — myj pobedjim!“ J. F. Lehmanns Verlag, München 1969. SS. 177+4+1 Karte.

(Woodward, James B., ed.). Selected Poems of Aleksander Blok. Oxford University Press, London 1968. Pp. VII+3+186.

Заметки. Письма. Отклики

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ГРАНИ»

Прочитал опубликованную в № 70 Вашего журнала первую часть работы Ж. Д. Медведева — «Биологическая наука и культ личности», появившуюся сперва в Советском Союзе. Работа эта вызывает большое удовлетворение тем, что тема влияния политической системы СССР на развитие науки разобрана в ней с большой объективностью и подкреплена значительным числом ссылок и цитат из документов, непосредственно относящихся к теме. Это делает изложение особенно убедительным для людей малоосведомленных или находящихся в той или иной степени под влиянием пропагандного тезиса — «забота партии и правительства об ученых и их нуждах». В то же время следует отметить, что эта монография по существу говорит о вещах в свое время общеизвестных в самом СССР и показывает только один аспект этой «заботы»; другой аспект, уже в литературной форме, мы находим «В круге первом» А. Солженицына, показывающего тоже с фотографической точностью эту же «заботу партии», но об ученых технического профиля.

В то же время я считаю нужным отметить одну ошибку, имеющую место в работе Ж. Д. Медведева, ошибку, к сожалению, весьма распространенную как у более молодого поколения советских писателей и исследователей темы «культа личности», так и в западном общественном мнении. Ошибка эта — дата начала периода открытого террора и массового уничтожения интеллигенции Сталиным, или вернее — руководством КПСС.

Ж. Д. Медведев считает такой датой 1935-37 г. г.,*) т. е. время процессов над такими известными деятелями КПСС как Рыков, Бухарин, Радек и т. д., а также и над Ягодой с его подручными. Очевидно, эти громкие имена,

*) «Грани» № 70, стр. 157.

создавшие в то время большую сенсацию во всем мире, в том числе и в СССР, заслонили собой происходившее в СССР до этих процессов. А происходило то, что эти процессы и весь террор периода тридцать седьмого года следует рассматривать только как одну из волн, возможно даже не самую высокую, массового террора и фиктивных процессов. Напомним некоторые из них, не считая массового уничтожения всех неугодных и неподходящих для строительства социализма в период первых лет революции и военного коммунизма, а также во время коллективизации.

Начнем с процессов конца периода НЭПа. Первым среди них следует отметить «Шахтинский процесс» летом 1928 года. Затем последовали: процесс «СВУ» («Спілка Визволення України»), охвативший в основном украинскую профессуру гуманитарных направлений; процесс вредительства в Наркомземе Украины; процесс врачей микробиологов и врачей ветеринаров и т. д. Эта серия процессов достигла своего кульминационного пункта в процессе «Промпартии» в конце 1930 года, на открытой части которого участвовало всего порядка десяти человек, но по которому было арестовано много тысяч человек технической интеллигенции высокой квалификации. Этот процесс, в частности, положил начало системе «шарашек», так образно описанной более двадцати лет спустя «В круге первом». Затем последовал процесс «ТКП» — «Трудовой Крестьянской Партии», охвативший уже сотни тысяч человек, но проведенный негласно. Процессы бывших социал-демократов, процесс вредительства в Госплане (Громанн и др.), военные процессы — Артприемщиков, Военных учебных заведений, Штаба Украинского В. О. («Весна»), Командиров Балтийского военного флота и др. Этот период заканчивается процессом — Работников электростанций — фирмы Метрополитен-Викерс в начале 1933 года (или в конце 1932 г., дату точно уже не помню). После него наступает некоторая передышка до убийства Кирова в декабре 1934 г., давшего сигнал к новой волне массового террора.

Хотя убийство Кирова было делом полностью внутрипартийным, удар на этот раз был направлен на людей, уже по много лет находившихся в заключении и естественно никакого отношения к убийству в силу этого не имевших. Выразился он в массовых расстрелах по внутренним тюрьмам ГПУ, при этом списки расстрелянных публиковались частично в газетах, частично передавались по широковещательному радио в очередных программах передач. Вторым симптомом этого периода был массовый террор против гражданского населения Ленинграда, откуда были направлены в ссылку многие десятки тысяч людей, также к Кирову и его убийству никакого отношения не имевших.

Период, о котором пишет Ж. Д. Медведев и который связывается с официальным термином — «культ личности Сталина» — начал-

ся также не сразу террором именно против членов партии, а поначалу террором против технической интеллигенции — процессом против работников каменноугольной промышленности Кузнецкого бассейна в конце 1936 года.

Я думаю, что напомнить обо всем этом будет, несомненно, полезно и что такое напоминание может послужить толчком для исторического исследования, охватывающего весь период ТЕРРОРА КПСС, а не только его фрагмент, получивший известность как — «ПЕРИОД КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ».

С. Крымог

Из переписки с Россией

Ниже мы приводим отрывки из писем и высказываний читателей и друзей из России. Не все знакомы с нашим журналом, но многие интересуются теми же проблемами, которые поднимаются на страницах «Г р а н и». Это и оправдывает, как мы полагаем, нашу публикацию. Имена и фамилии мы заменяем инициалами.

«...Гёте — этот великий мыслитель для меня особенно дорог, так как был не только замечательным поэтом и философом, но и не менее известным ботаником, естествоиспытателем. Вот почему этому письму я предпослал эпиграф из Гёте, в котором философ выразил превосходную мысль о вере — очень важном и необходимом атрибуте человеческого существа... Иногда я прихожу к заключению, что легче жить тем, кто мало знает и не стремится получить ответы на многочисленные вопросы, которые возникают в жизни».

Харьков

П. М.

«...Не могу не сказать пару теплых слов по адресу Армана Лану, написавшего прекрасную вещь — «Здравствуйте, Эмиль Золя!» Глубокое знание жизни и творчества Золя позволило А. Лану создать незаурядную книгу, заслуживающую большой похвалы. Единственно, что вызвало во мне неприятное чувство, так это шестая и седьмая главы книги, посвященные учас-

тию Золя в деле Дрейфуса. Дело даже не в том, являюсь ли я юдофобом или юдофилом. Арман Лану представил Золя именно вне этих двух взглядов на скандальное происшествие. И я как читатель так и не понял, каково же было истинное отношение Золя к Дрейфусу. И все же книга превосходная.

Достал и с большим интересом прочел «Указы всепресветлейших, державнейших, великия Государыни императрицы Екатерины Алексеевны, самодержицы Всероссийской, состоявшиеся с 1764 года 1-го января по 1-е число 1765 года». Издано в Санктпетербурге при Сенате 1778 года». Весьма интересно было узнать из первоисточника о смерти Иоанна Антоновича, заточенного в Шлиссельбургскую крепость».

Петрозаводск

Т. В.

«...Недавно только прочел книгу польского писателя Зенона Косидовского «Библейские сказания». Очень умная книга о Библии, впол-

не научная и без зубоскальства. Косидовский даже не скрывает своего восхищения отдельными местами. Вообще эта книга у нас на шумела. Сначала отрывки из нее были опубликованы в еврейском журнале «Советише Хаймланд», мне переводил один знакомый дед, а теперь вот появился полный перевод по-русски. Теперь всем должно быть ясно, что Библия — ценнейший исторический источник и один из величайших памятников мировой культуры.

Помнится, что в курсе истории древнего Востока проф. Авдиев вообще отрицает факт исхода из Египта, тогда как теперь никто уже не берется его отрицать. И, оказывается, почти все города и многие события, упомянутые в Библии, теперь подтверждаются археологическими раскопками. Кстати, существует среди ученых мнение, что Моисей был вовсе не евреем, а египтянином. Забавно. Фрейд так и начинает свою книгу «Моисей и монотеизм» — мол, нет ничего парадоксального, если автор этой книги, сам еврей, начнет утверждать, что величайший пророк его народа — египтянин. Но, добавляет Фрейд, хотя Катон мне друг, но истина дороже (или что-то в этом роде)...

Сегодня у нас был культпоход на «Наташу Ростову». Ничего особенного. И я не понимаю, почему Наташа Савельевой лучше, чем Наташа Одри Хепбёрн. И старики в американском фильме не хуже наших, и Андрей Волконский тоже. Зато в американском варианте меньше длиннот. Что хорошо для

Толстого, то не всегда хорошо для кинематографа...»

Москва

Е. Д.

«...Как раз сегодня мы всей семьей ходили смотреть американский фильм «Спартак» в двух сериях. Не в пример другим фильмам, он нам очень понравился. И по смыслу и по исполнению. По сравнению с известным романом Джованьоли фильм более убедителен, и зримо чувствуешь и необходимость острых выступлений рабов и невозможность их победы...»

Из прочитанного в последнее время назову три вещи, достойные внимания: «Мастер и Маргарита» Булгакова и из «Иностранной литературы» японский роман «Женщина в песках» и «Хомо Фабер» Макса Фриша (Швейцария). Первая несколько напоминает книжку Стругацких, но отличается и по тематике, да и по остроте и фантазмагорий и сатиры. Две другие интересны по своему философскому звучанию. В одном жизнь символизируется в песке, который постоянно засасывает человека, вынуждает предпринимать ежедневные усилия, но без просвета: сегодня песок отгребешь, а завтра опять засыплется. И так каждый день до смерти. Хомо Фабер — его судьба волнующа. Фриш строит роман на случайностях, но дело не в них. В общем, жуть берет, когда вдумаешься в положение индивида в индивидуалистическом обществе без идеалов и даже без уважения к человеку...»

Ростов-на-Дону

Л. В.

Редактирует Редакционная Коллегия

Главный редактор Н. Б. Тарасова

Ответственный секретарь Г. Т. Напиваненко

Адрес редакции журнала «Грани»:

Grani c/o Possev-Verlag, 623 Frankfurt/M.-Sossenheim, Flurscheideweg 15

ОБРАЩЕНИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ПОСЕВ»
К ЛИТЕРАТУРНОЙ МОЛОДЕЖИ И СТУДЕНЧЕСТВУ,
К ПИСАТЕЛЯМ, ПОЭТАМ, ЛИТЕРАТУРНЫМ КРИТИКАМ,
К ДЕЯТЕЛЯМ ИСКУССТВА, НАУКИ И ТЕХНИКИ
— КО ВСЕЙ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Русское издательство «Посев», находящееся в настоящее время за рубежом, во Франкфурте-на-Майне, предоставляет Вам возможность публиковать те Ваши произведения, которые по условиям цензуры не могут быть изданы на Родине.

Эти произведения могут быть напечатаны в журнале «Грани», в ежемесячнике «Посев» или изданы отдельными книгами. Возможна также публикация этих произведений на иностранных языках в некоммунистических странах.

Рукописи могут быть подписаны как фамилией автора, так и псевдонимом. В последнем случае издательство принимает необходимые меры для того, чтобы исключить возможность установления личности автора и гарантирует, что оригинал рукописи не попадет в чужие руки.

Авторские гонорары в размере, соответствующем установленным в «Посеве» ставкам, будут храниться в издательстве до того времени, пока автор найдет возможным их получить.

Пересылать рукописи в издательство «Посев» можно как через своих граждан, едущих за границу в некоммунистические страны, так и через иностранцев, посещающих СССР.

Приехавший за границу может сдать пакет с рукописью на почту, а в случае необходимости — опустить в почтовый ящик и без марок. На пакете с рукописью необходимо указать следующий адрес:

P o s e v - V e r l a g , 6 2 3 F r a n k f u r t a m M a i n , 8 0 , F l u r s c h e i d e w e g 1 5 .

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

На российскую интеллигенцию, в особенности, на молодежь, возлагается историей ответственная задача — в свободном творчестве правдиво изображать жизнь и стремления нашего народа, воспроизводить его духовный облик. За свободное творчество! За свободную Россию!

С дружеским приветом

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОСЕВ»

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ

Г Р А Н И

Подписная плата на 4 номера журнала «Грани»,
включая пересылку следующая:

В США и Канаде

При подписке непосредственно из издательства — дол. 7. —
При подписке через представителей и книжные магазины
— дол. 10. —

В Германии и во всех других странах

При подписке непосредственно из издательства — НМ 26.00
При подписке через представителей и книжные магазины —
НМ 30.00

Цена в розничной продаже с 1 января 1968 г.

Цена отдельного номера в США и Канаде — дол. 2.50
Цена отдельного номера в Германии и во всех других странах —
НМ 7.50 или эквивалент в местной валюте.

Подписную плату следует посылать:

почтовым заграничным переводом или личным чеком в письме по
адресу:

Possev-Verlag, 623 Frankfurt/M 80, Flurscheideweg 15,
а также банковским переводом:

Dresdner Bank, Frankfurt/M. Konto № 215 640.

Из Германии подписную плату можно переводить и на
Konto № 33 461, Postscheckamt Frankfurt/Main.

Отдельные номера журнала можно выписывать из издательства по
указанному выше адресу, а также через книжные магазины.

КАТАЛОГ НОМЕРОВ ЖУРНАЛА ЗА ПРОШЛЫЕ ГОДЫ
ВЫСЫЛАЕТСЯ ПО ТРЕБОВАНИЮ.